

ЛЕВ ДЕМИН

Л84 800

Пад терапи Облака

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

ЛЕВ ДЕМИН

Ная терапи облака

(Очерки об Индонезии)

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Ответственный редактор

В. Г. Яковлев

Демин Л. М.

Д30 Над Мерапи облака (Очерки об Индонезии),
М., Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1971.

276 стр. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Автор книги в последние годы работал в Индонезии корреспон-
дентом «Правды», много путешествовал по островам Индонезийского
архипелага и встречался с людьми самых разных профессий. Об этих
людях, переживших большую национальную трагедию, рассказывается
в очерках и новеллах, собранных в книге.

О заголовке книги

(вместо предисловия)

Работа над заголовком составляет немаловажную часть творческого процесса автора, пишущего книгу. Опытные литераторы утверждают, что придумать удачный заголовок, в меру броский и небанальный, отвечающий общему замыслу и содержанию, не менее сложно, чем написать страницу или даже целую главу.

Перед тобой, читатель, не научное исследование, а лишь серия журналистских репортажей, очерков, новелл, зарисовок очевидца с действительными и вымышленными героями. Все они связаны общим стремлением автора рассказать о сложной, многогранной, насыщенной противоречиями и контрастами жизни современной Индонезии. Что получилось — пусть судит читатель.

Проще было бы написать на заглавном листе: «Индонезийские очерки и новеллы». Но подобный заголовок слишком бесстрастен и невыразителен. Ведь речь идет о стране, пережившей большую национальную трагедию, о стране глубоких социальных конфликтов, нерешенных проблем и огромных потенциальных возможностей, неожиданных зигзагов истории. Современная Индонезия — это нечто бурлящее в подспудной глубине, это спящий гигант, который, пробудившись, может быть и величествен, и могуч, и страшен.

Вот и пришло сравнение — вулкан. Кстати, индонезийские поэты, тонкие мастера поэтически-образного мышления, часто обращаются к образу вулкана, сравнивая с ним великий индонезийский народ. Кракатау, Мерапи, Мербабу, Бромо — часто встречающиеся образы в стихах гражданственных, напевных. Мерапи —

один из самых беспокойных вулканов на Яве. Недавно он пробудился, извергнув потоки лавы и град камней. А потом затих, окутанный облаками.

Над Мерапи облака...

Джакартские горизонты

Из окна самолета Джакарта напоминает пеструю, загадочную мозаику. Она выложена из красных черепичных крыш, зелени садов, серых полосок асфальта и голубоватых ниточек каналов. К окраинам города подступают разноцветные квадраты и прямоугольники рисовых полей: голубые, зеленые, золотисто-желтые. Снимать урожай риса на экваторе можно круглый год. Поэтому одни участки только что распаханы и залиты водой, другие уже покрыты нежными побегами рассады, на третьих зреют тяжелые колосья.

С волнением летел я в далекую Индонезию, где не был почти восемь лет. Насколько изменилась за это время индонезийская столица? Увижу ли я прежних друзей? Ведь за последние годы страна испытала немало бурных потрясений.

Конечно, перемены произошли. Появились новые, ультрасовременные сооружения из бетона и стекла. В центре города воздвигнуты новые монументы. Выйдя из самолета, я увидел большой аэровокзал, которого раньше не было. Потом мне показали внушительные здания новой гостиницы, банка, телеграфа, универсального магазина, каких-то правительственных учреждений. В разных частях города уперлись в небо мертвые, заброшенные каркасы. Еще во времена Сукарно власти размахнулись широко, решили воздвигать величественные здания министерств и отелей, первые джакартские небоскребы. Да потом спохватились — нет средств. Сейчас возле недостроенных сооружений кое-где еще торчат ржавеющие краны, строительные площадки заросли бурьяном.

В целом Джакарта остается прежним одноэтажным городом, городом контрастов. Уютные белокаменные особняки богатых дельцов, чиновников, генералов, иностранных дипломатов тонут в зелени пальм, магнолий.

Вот перед открытой верандой дерево-павлин с огромным веером крепких кожистых листьев. Улицы-аллеи стройных слоновых пальм.

Грудящийся люд: рабочие, мастеровые, мелкие служащие, уличные торговцы — живет в так называемых кампунгах. Здесь нет водопровода, а часто нет и электричества. Легкие домишки из щепы бамбука, крытые тростником или пальмовыми листьями, тесно жмутся друг к другу. Нередко жесткая циновка-постель служит единственным убранством жилища бедняка. Извилистые улочки такие узкие, что на них не разъехаться и двум велосипедистам.

Город, как и прежде, оживлен. Велорикши (бечакки), продубленные тропическим солнцем, жилистые уличные торговцы, разносчики овощей и фруктов, оглашают город разноголосым шумом. Булочники с тележками, наполненными невесомым, словно вата, хлебом, разносы с жестяными баками, лоточники с сигаретами, продавцы разной снеди — все они выкрикивают что-то свое, зазывая покупателей. А вот прямо на панели походная харчевня. Вся она — маленькая переносная жаровня и корзина с едой — уместается на гибком бамбуковом коромысле. Бечак или грузчик, присев на корточки, может подкрепиться. Горсть риса, приправленная специями, да немного овощей, завернутых в банановый лист, — вот и весь обед.

Но стоит повнимательнее присмотреться к Джакарте, как замечаешь следы разыгравшихся здесь политических страстей, трагических событий. Свежий слой краски на заборах и стенах домов плохо скрывает воинственные лозунги, призывающие к расправе над коммунистами. Кое-где еще встречаются следы погромов. Вот, например, остов сожженного дома. Может быть, здесь была штаб-квартира левой организации или жил один из тех, кого считают теперь врагом «нового порядка», кто томится в тюрьме либо погиб во время массового террора.

Приступая к обязанностям корреспондента «Правды» и нанося официальные визиты в правительственные учреждения, я расспрашивал о судьбе моих давнишних друзей и знакомых — журналистов, писателей, деятелей культуры, чиновников. Нередко подобные вопросы вызывали у моих собеседников растерянность, стремление перевести разговор на другую тему. Иногда

я слышал и откровенные ответы: «В тюрьме, а возможно, и погиб».

Так я узнал, что находится в заключении крупнейший индонезийский прозаик Прамудья Ананта Тур, автор многих повестей и рассказов. Дом его разгромлен и разграблен беснующейся толпой, произведения изъяты из библиотек. Арестованы также: видный и своеобразный художник Хендра Гунаван из Бандунга; председатель левой организации деятелей культуры ЛЕКРА и литературовед Юбаар Айюб; поэт-лирик Ситор Ситуморанг, возглавлявший организацию деятелей культуры Национальной партии — ЛКН. Под домашним арестом находится больной и почти совершенно ослепший Хэнк Нгантунг, художник-реалист, мастер бытового жанра, создавший образы простых тружеников. Он был и видным государственным деятелем, заместителем мэра, а потом и мэром Джакарты.

Убит где-то на Центральной Яве Трубус, талантливый художник и скульптор. В прежние годы я часто бывал на выставках индонезийского изобразительного искусства и всегда восхищался его работами. Трубус был всегда верен принципам реализма, основывающимся на богатых национальных традициях. За какой бы жанр ни брался художник — будь то портрет, бытовая сценка или пейзаж, он никогда не изменял жизненной правде. Как пейзажист Трубус не увлекался пышной тропической экзотикой, декоративизмом, привлекающими других индонезийских художников. Его пейзаж — выжженные палящим зноем рисовые поля с крестьянами, убирающими урожай. Это лишь фон к рассказу о нелегком крестьянском труде, помогающий раскрытию образов простых тружеников. Помню самого художника, небольшого, сухопарого, с умными выразительными глазами. Неужели его нет в живых?

Последние бурные события наложили отпечаток не только на внешний облик города, но и на людей. Присмотревшись внимательнее, замечаешь на их лицах печать озабоченности, тревоги. Еще бы, у многих родные и близкие в тюрьмах или погибли. Да и официальные власти не скрывают того, что общее число заключенных достигает внушительной цифры. В мае — июне 1967 года, вскоре после моего приезда в Джакарту, мне назвали цифру — около ста тысяч. Эти же данные подтверждала осведомленная газета «Мердека», изда-

вавшаяся бывшим министром информации Мохаммедом Диахом. Позже число заключенных будто бы сократилось, но затем периодически прокатывались новые волны арестов. Нетрудно представить себе бедственное положение семей заключенных: никакого пособия им не полагается.

На одной из улиц — барахолка. Не подберешь иного слова, кроме этого, давно вышедшего из нашего обихода. Хмурые осунувшиеся люди разложили на тротуарах все, что можно вынести из дому: книги — остатки домашней библиотеки, одежду, утварь, какую-то деловскую реликвию. Несут и самое необходимое, иногда последнее, в надежде выручить несколько рупий и купить риса для голодных членов семьи. Какой-то изможденный старик предлагает две старые электрические лампочки и автомобильную рессору. Как видно, больше предложить нечего — все уже давно вынесено из дому и продано. Попадается и «темный товар», награбленный во время погромов, которыми воспользовались разбитые парни. Такой тип продавца, самоуверенного, хваткого, тоже встречается на барахолке. Он остановит прохожего иностранца и спросит на корявом английском языке, не желает ли сэр обменять доллары или фунты на местную валюту, достанет и стопку американских порнографических журнальчиков, припрятанных под грудой более безобидного товара.

Таких барахолок в городе много. Кажется, что все вечерние улицы Джакарты превращаются в один сплошной базар и продавцов во много раз больше, чем покупателей. И все-таки люди с отчаянным, тупым равнодушием идут — может быть, посчастливится что-нибудь сбыть и ощутить в ладонях несколько замусоленных бумажек с портретом бывшего президента.

Не только барахолки — живые свидетельства бедственного положения народа. Раньше Джакарту нельзя было себе представить без тоненьких, изящных индонезиек, затянутых в национальные батиковые саронги. Батик — ткань, покрытая традиционным рисунком. Лучшие батики расписываются растительными красками ручным способом и стоят очень дорого. Ведь искусная мастерица должна трудиться не один месяц, чтобы нанести сложный замысловатый узор, выписать каждый завиток. В результате этого поистине ювелирного труда рождается подлинное произведение искусства.

Саронгом называют широкий кусок ткани, обернутый вокруг нижней части туловища. Это индонезийское национальное платье придавало женщинам и девушкам какую-то необыкновенную грациозность, словно перед тобой изящные статуэтки балийской работы.

Теперь я почти не встречал на улицах Джакарты индонезиек в батиковых саронгах. Саронг был вытеснен обычным, более чем коротким платьем европейского покроя из дешевого ситца или коленкора.

— Это что, европейское влияние, дань моде? — спросил я знакомого чиновника из информационного ведомства.

— Отчасти и это, — ответил он. — Но главное, батик слишком для нас дорог. Конечно, это приводит к тому, что спрос на него падает. Многие батиковые предприятия в Центральной Яве терпят банкротство, не выдерживая конкуренции. Зато наживаются импортеры дешевых иностранных тканей. Что делать...

Я застал тяжелую экономическую обстановку. Несмотря на неоднократные денежные реформы, цены на предметы первой необходимости продолжают расти, а покупательная способность рупии падать. Ежемесячной зарплаты учителя или мелкого служащего не хватает даже для того, чтобы пообедать в ресторане или купить несколько бутылок пива. Обычная трудовая семья может позволить себе на обед лишь немного риса да овощей. Мясо уже непозволительная роскошь.

Однажды я стал свидетелем такой картины. К концу рабочего дня из здания правительственного учреждения выходили служащие, нагруженные кулками и мешочками. Оказывается, во всех гражданских и военных ведомствах часть заработной платы выдается натурой, преимущественно рисом, по числу членов семьи. Молодой парень, очевидно мелкий чиновник и холостяк, нес в руках небольшой бумажный кулек. Солидного чиновника, какого-нибудь главу директората, военного в чине полковника или генерала, отца большого семейства, сопровождал слуга или денщик, согнувшийся под тяжестью увесистого мешка. Таким образом, подобное шествие в день выдачи заработной платы наглядно отражало многоступенчатую иерархию должностных лиц данной конторы или штаба, и мешок с рисом приобретал значение знака отличия, подобно погонам с определенным количеством звездочек.

И еще одна примета времени бросается в глаза — множество новых военных учреждений и масса военных, зеленорубашечников, как называют людей в мундирах сами индонезийцы, на улицах города.

Вывески, великое множество разнокалиберных вывесок каких-то армейских штабов, отделов, служб, подразделений видишь всюду. Неискушенному человеку трудно понять их назначение. Кажется, некоторые из них нужны лишь для того, чтобы пристроить куда-то несколько десятков, сотен этих самых зеленорубашечников, содержать их. Не слишком ли накладно для страны со слабой экономикой, с массой нерешенных социальных и экономических проблем?

Вывески, вывески, вывески... Они буквально теснят город. Большой отель по соседству с президентским дворцом теперь оккупирован штабом военной полиции. Армейские учреждения опоясывают всю центральную площадь Мердека. Всюду видишь голубые, зеленые, белые и еще какие-то береты, указывающие на принадлежность к определенному роду войск. Это означает — сухопутные силы, моряки, авиация, морская пехота, парашютисты, военная полиция, просто полиция, отряды специального назначения и т. д. и т. п.

Многие из тех, кто лет восемь-десять назад был майором или капитаном, теперь ходят в генеральских чинах. Немало высокопоставленных военных занимают посты в гражданских ведомствах, возглавляют департаменты, директораты, государственные предприятия, занимаются бизнесом. В руках военных находятся и многие высшие правительственные посты, вплоть до главы исполнительной и законодательной власти. Военные издают свои газеты, открывают коммерческие банки, фирмы, университеты. При этом речь идет вовсе не о военных учебных заведениях типа академий, а об общеобразовательных, с такими, скажем, факультетами, как экономический, медицинский, инженерный. Например, командование восточнованского военного округа Бравиджайя открыло университет в Маланге, а командование десятым военным округом Южного Калимантана — свой университет имени генерала Ахмада Яни в Банджармасине, хотя в этом городе уже существовал государственный университет. Ректор такого армейского учебного заведения обычно местный командующий военным округом или начальник гарнизона.

Впрочем, и среди ректоров правительственных университетов немало генералов и полковников.

Что это, милитаризация?

«У нас нет никакой милитаризации. Это военные вносят свой вклад в развитие страны». Так официальная печать объясняет суть дела сомневающимся.

В столице часты военные парады. Нередко под командой офицеров маршируют студенты и даже школьники. Однажды я ехал через площадь Мердека. Вдруг движение транспорта приостановилось. Послышались мелодичные звуки металлофонов и барабанная дробь. Проходил парад. Впереди колонны шли шеренги девушек-барабанщиц в платьях военного покроя, за ними студенты в разноцветных куртках и кепи, напоминающих также какую-то униформу. Цвет указывал на принадлежность к определенному учебному заведению или политическому течению. Далее шли подразделения военных курсантов, слушателей академий. Замыкала колонну автомашина с девушками из санитарной службы. Офицеры энергично выкрикивали команды. Стрекотала дробь барабанов. Студенты старательно пытались шагать в ногу.

На площади Бантенг перед серой громадой католического собора, построенного в готическом стиле, проходят учения военизированных студенческих и других молодежных отрядов. Под командой офицеров и сержантов парни, девушки маршируют, отрабатывают перестроения, ружейные приемы. Девушки в обтягивающих стройные фигурки спортивных брючках, так же как и их товарищи, выполняют строевые команды, поворачиваются направо, налево, взмахивают бамбуковыми палками, изображающими винтовки, а потом бегут по кругу. Продолжительный бег под палящим солнцем не всегда выдержит и натренированный солдат. Девушки устают, нарушают строй, кто-то отстает, кто-то опускается на траву. В хриплых выкриках сержанта слышится раздражение. Подтянуться, держать равнение! Еще и еще кто-то из девушек падает, обессилев.

Эти парады и маршировки студентов и школьников и девушки-барабанщицы в платьях военного покроя, пристрастие молодежи к разноцветным форменным курткам и кепи — все это можно было наблюдать и в последние годы правления Сукарно. Но сей-

Марширующие солдаты — характерная черта сегодняшней Джакарты

час это стало еще более характерной чертой повседневной жизни столицы. Что ждет этих парней и девушек, шагающих под барабанную дробь и выкрики военных команд? Что это, целеустремленная военизация молодежного движения? Если да, то во имя чего? Каждый раз я спрашивал себя об этом, когда проезжал через площадь Бантенг, расцвеченную яркими куртками и похожую на огромную клумбу.

Наконец я задал этот вопрос знакомому еще с прежних лет офицеру. Теперь он занимал видный пост в одном из гражданских учреждений, собирався выйти в отставку по возрасту и заняться собственным бизнесом, кажется перепродажей домов. Подполковник Сурото (назовем его так) считал себя не вполне официальным лицом и поэтому мог позволить себе откровенные высказывания. Он ответил примерно следующее:

— Мы осуществляем связь вооруженных сил с массами, в частности с молодежью. Эти ребята — наше будущее пополнение. Через некоторое время те, кто проявляет наибольшую выносливость и исполнительность, станут кадровыми военнослужащими, будут приняты в военные учебные заведения. Кроме того, соображения безопасности заставляют нас готовить резервы.

— В каком смысле соображения безопасности? — попросил я Сурото уточнить его мысль.

— В случае необходимости мы должны предотвратить угрозу «новому порядку».

— Разве вам кто-нибудь угрожает сейчас? Прежде империалистические державы и военный блок СЕАТО действительно угрожали безопасности Индонезии, поддерживали мятежников-сепаратистов, вели активные подрывные действия против правительства Сукарно. Ведь его политика борьбы с пережитками колониализма, политика наступления на позиции иностранного монополистического капитала не отвечала интересам тех, кто стремился выкачивать миллионы долларов, фунтов и иен, грабя природные богатства вашей страны. Но сейчас-то «новый порядок», широко открыв двери для иностранного монополистического капитала, не дает поводов для подобного недовольства.

— Мы имеем в виду опасность внутреннюю, — возразил мой собеседник. — Компартия и другие левые организации разгромлены; их остатки, малочисленные и разрозненные, как будто не представляют серьезной угрозы. Но это только на первый взгляд. Нельзя забывать, что за коммунистами шли миллионы сочувствующих. Все эти миллионы практически невозможно было уничтожить или бросить в тюрьмы. Кроме того, остались сыновья, братья, отцы, друзья, близкие погибших и заключенных. В их памяти никогда не сгладятся события последних месяцев. Это страшно горючий материал, который может воспламениться и охватить всю Индонезию — от Сабанга до Мерауке. Достаточно маленькой оплошности, потери бдительности с нашей стороны. И тогда...

Подполковник Сурото, как мне показалось, опасливо поежился.

— Тогда роли могут перемениться. Оснований для того, чтобы предъявить нам большой счет, напомнить об обидах, у всех этих людей, которых мы отождествляем со «старым порядком», более чем достаточно. Многие убеждены, что «новый порядок» утвердился ценой слишком больших и неоправданных издержек, что пуля и кинжал не могли излечить нацию даже от такой неприятной болезни, как коммунизм. Нельзя не признать, что мы дали серьезный повод всему миру дурно думать о нас. Речь идет не только о вас, представите-

лях международного коммунизма. Было бы наивным ожидать с вашей стороны иной реакции, кроме гневных статей в «Правде» или осуждающих заявлений общественных деятелей. Речь идет о католиках, американских профсоюзах, западных социалистах, бизнесменах. Нас называют негибкими экстремистами и вопрошают: «Стоит ли иметь дело с такими?» Почитайте хотя бы нашу католическую газету «Компас», которую никак не упрекнешь в симпатиях к «старому порядку».

Я последовал совету моего знакомого и прочел большую статью в «Компасе» под заголовком «Будущие социальные последствия движения 30 сентября». Статья эта, публиковавшаяся в двух номерах, весьма примечательна. Автор, не скрывая своего резко отрицательного отношения к коммунистам, все же рискнул подвергнуть критике политику массового террора против левых сил. По его мнению, подобная политика лишь сохраняет потенциальный источник революционных сил, которые, подобно бомбе замедленного действия, рано или поздно проявят себя. В статье рассказывается о том, что массовые убийства сочетались с чисткой учреждений от неблагонадежных. Рабочих, служащих, учителей, членов левых профсоюзных организаций выгоняли с работы. В октябре 1965 года вступили в действие правила, по которым каждый желающий поступить на работу или стать студентом высшего учебного заведения обязан был представить справку о политической благонадежности. Коммунисты и члены других левых организаций могут теперь рассчитывать лишь на возможность стать грузчиками, бечаками, уличными торговцами.

«Семьи убитых находятся в еще более тяжелом положении,— пишет газета.— В душах людей разгорается чувство ненависти к убийцам их родных, и наступит время, когда эта ненависть выльется в определенные формы. Мы не знаем точно, каково общее число убитых. Но если мы возьмем цифру 300 тысяч и допустим, что у каждого убитого оказалось три-четыре близких родственника, то можно допустить, что этим чувством будет охвачен примерно миллион человек». По мнению автора, люди эти в ближайшем будущем могут стать источником пополнения коммунистических кадров. Пример старшего в семье нередко оказывал революционизирующее влияние на младших родствен-

ников, замечает газета, приводя пример с братьями Ульяновыми. «Отец международного коммунизма — Ленин стал профессиональным революционером после того, как его старший брат Саша был убит царской полицией».

Прочитав «Компас», я нашел случай вновь встретиться с г-ном Сурото, чтобы продолжить нашу беседу. Я спросил, каково его мнение об этой статье в католической газете.

— Это далеко не единственное выступление подобного рода. Авторы, по-видимому, выражают беспокойство за возможные последствия нашего наступления против сил «старого порядка».

— Вы имеете в виду последствия террора и тяжелых бедствий, причиненных сотням тысяч людей?

— Пусть так, если вам больше нравится подобная терминология. Автор статьи в «Компасе» не сомневается в том, что эти люди рано или поздно предъявят нам суровый счет. По его мнению, нужно сделать все возможное, чтобы избежать опасного взрыва. В принципе он прав. Теперь вы видите, почему мы увлекаемся военными парадами и маневрами и прививаем нашей молодежи вкус к униформе и строевым учениям.

— Неужели вы считаете штык единственной опорой «нового порядка»?

— Мы так не считаем. Помните, восточные легенды рассказывают, что мир держится на трех больших черепахах или трех китах. «Новый порядок» также держится на трех китах: народ, армия, идеи. Не весь народ, разумеется, а силы «нового порядка». Те общественные силы, которые не приемлют коммунистическую идеологию и «старый порядок».

Г-н Сурото был живым собеседником, начитанным человеком, свои взгляды и умозаключения он умел свести в некую систему, не лишенную стройности и логики, разумеется логики людей «нового порядка». У него даже было ученое звание, и он прибавлял к своему имени сокращение с. х., т. е. «сарджана хукум» (дипломированный юрист). Как юрист, господин Сурото умел сделать свою речь округленной, плавной, раскладывая свои мысли по полочкам пунктов и параграфов. Он охотно развил мне свою концепцию трех китов и прочел чуть не целую лекцию.

Каждый государственный руководитель, каждый ре-

ним должен иметь социальную опору. Без этого они ничто, мыльный пузырь, который быстро лопается. Это истина, не нуждающаяся в доказательствах. «Новый порядок» стремится опереться на все легально существующие партии и массовые организации. Здесь есть свои трудности. Много партий — много мнений, много споров и грызни между различными группировками. Каждая хочет добиться большего влияния в политической жизни страны, занять больше кресел в парламенте, Временном народном консультативном совете, правительственном аппарате, потеснив соперников. Некоторые политические деятели, например представители мусульманских партий, высказывают недовольство, что военные занимают якобы слишком привилегированное положение, вмешиваются во все сферы жизни, настойчиво напоминают — не забывайте о нас. В принятой на последнем Бандунгском конгрессе резолюции партия «Махдатул Улама» требует придерживаться норм выборной парламентарной демократии. Что касается его, г-на Сурото, мнения, выборная демократия — дело хорошее, но в теперешних обстоятельствах рискованное и преждевременное. Как бы чего не вышло. Как бы этой самой демократией не воспользовались люди «старого порядка», скрытые коммунисты, сторонники бывшего президента Сукарно? Сначала следует укрепить «новый порядок».

Некоторые, в частности мусульмане, нередко говорят, что большой военный и полицейский аппарат — слишком тяжелое бремя для такой страны, как Индонезия. Они призывают даже урезать военные расходы, сократить армию и полицию. Эти люди уподобляются глупцу, который залез на дерево, чтобы полакомиться джеруками *, рубит сук, на котором сидит.

Что касается идей...

Здесь г-н Сурото потерял нить изложения и запнулся. Что можно сказать об идеях «нового порядка»? Он не философ, не теоретик, а лишь практик, государственный служащий в военном мундире, мечтающий о собственном бизнесе. И он не настолько силен в этих самых идеологических проблемах, чтобы сказать туану ** что-нибудь новое.

* Дж е р у к — большой кисло-сладкий плод из семейства цитрусовых.

** Т у а н — букв. господин, вежливая форма обращения.

— Насколько мне известно, «новый порядок» специальным постановлением наложил запрет на марксизм как идеологию,— перебил я собеседника.— По существу, перечеркнут и сукарновский мархаенизм*. Что же осталось в арсенале ваших идей, кроме голого отрицания идей инакомыслящих, кроме воинствующего антикоммунизма?

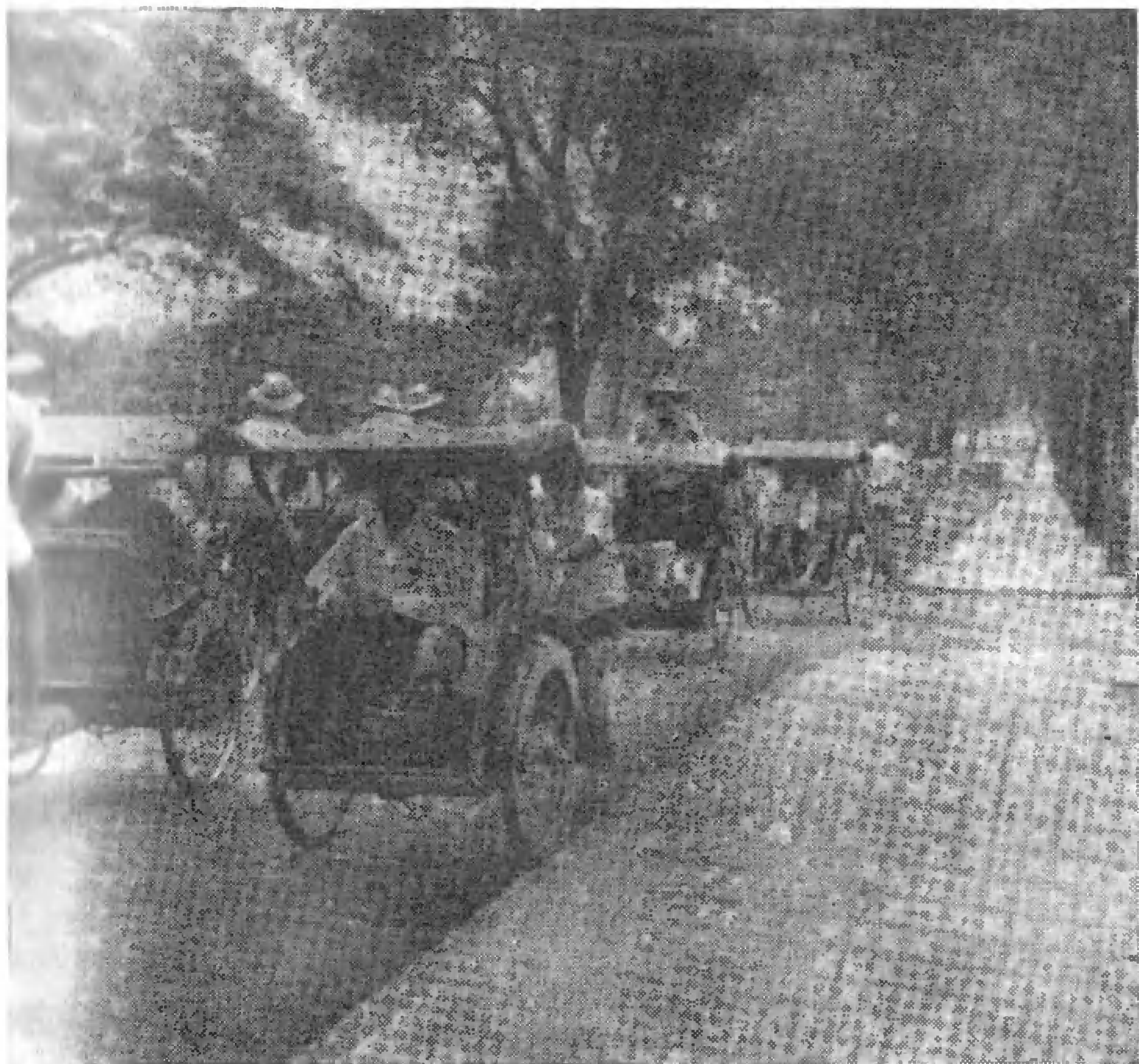
— Религия, панча сила, конституция 1945 года...— как-то не очень уверенно ответил мой оппонент.— Говорю вам, что я не теоретик. Мы обычно подчеркиваем, что Сукарно с его мархаенизмом довел страну до экономической разрухи. Это он повинен в бедствиях народа. Сукарно сотрудничал с коммунистами, оказывавшими на него дурное влияние. Следовательно, они разделяют вину Сукарно.

Не знаю, говорил ли старый армейский служака все это искренне или же положение обязывало его говорить именно так, а не иначе. В одном мой знакомый был прав безусловно — бывший президент Сукарно оставил «новому порядку» тяжелое экономическое наследие.

Все мои собеседники в информационных ведомствах, в отделе печати МИД, в парламенте, в редакциях газет неизменно говорят о хозяйственных трудностях, о тяжелом экономическом положении страны, о низком жизненном уровне населения. «Наша проблема номер один — экономика»,— то и дело приходится слышать.

Как это ни парадоксально, страна с богатейшими природными ресурсами не может прокормить себя и вынуждена ввозить рис из Бирмы, Таиланда и других стран. По свидетельству японского журнала «Итсучио но секай», в 1967 году Индонезия нуждалась в 12 миллионах тонн риса, но ее собственное производство риса составило всего лишь 9 миллионов тонн. Для сравнения небезынтересно отметить, что в Японии, несмотря на худшие природные условия, менее плодородные почвы, урожайность риса несоизмеримо выше благодаря более высокой культуре земледелия. Огромный дефицит бюджета, большой государственный долг, систематическое невыполнение народнохозяйственных пла-

* М а р х а е н и з м — мелкобуржуазное учение Сукарно, имеющее определенную антиимпериалистическую и антиколониалистическую направленность. Термин происходит от слова «мархаен» — «простой народ».

Велорикши-бечаки — основной вид транспорта в крупных городах Индонезии

нов и проектов, которые принимались в прошлые годы, дороговизна товаров первой необходимости, неустойчивость рупии — все это составные части сложной и нерешенной экономической проблемы. А с ней связан целый комплекс не менее сложных и нерешенных социальных проблем: безземелье и жестокая эксплуатация крестьянства, массовая безработица, нищета значительной части населения.

В чем же причина этих трудностей, переживаемых Индонезией? Ведь в недавнем прошлом правительство Индонезийской республики вело активное наступление на позиции иностранного капитала. Немало плантаций, рудников, предприятий, торговых фирм, в первую очередь голландских, перешло в руки правительства или национального капитала. Большое место в экономике страны занял государственный сектор. И, казалось бы, те прибыли, которые текли в карман иностранных моно-

полистов, в сейфы Амстердама, Лондона, Нью-Йорка, теперь пойдут в казну Индонезии. В чем же дело?

Г-н Сурото ответил на это просто. «Старый порядок» довел страну до экономической разрухи. Во всех бедствиях виноват Сукарно. Подобное примитивное объяснение — «все экономические и социальные трудности суть следствие ошибок Сукарно» — приходилось слышать довольно часто. Конечно, дело не в ошибках или не только в ошибках одного человека. Причин экономических трудностей много, и их нельзя объяснить в нескольких словах.

Прежде всего, еще дает знать о себе тяжелое наследие колониального прошлого. В течение многих десятилетий колонизаторы рассматривали Индонезийский архипелаг как аграрно-сырьевой придаток к высокоразвитой метрополии. Экономика Индонезии развивалась однобоко, шел рост только горнодобывающей промышленности и плантационного сельского хозяйства. И сейчас структура хозяйства в стране почти не изменилась. Обрабатывающая промышленность развита крайне слабо. Поэтому приходится ввозить все — от газетной бумаги и предметов домашнего обихода до велосипедов и радиоприемников, не говоря уж об автомашинах и сложном промышленном оборудовании.

Основным источником доходов Республики Индонезии остается реализация на внешних рынках сырья: каучука, олова, нефти, копры, а также пальмового масла, чая, кофе, табака. Но экспорт этих товаров целиком зависит от конъюнктуры мирового рынка. Не заинтересованные в равномерном развитии индонезийской национальной экономики, в индустриализации страны империалистические монополии искусственно создают неблагоприятную для Индонезии конъюнктуру, сбивают уровень мировых цен на сырьевые продукты.

Неблагоприятно отразились на экономической жизни непрекращавшиеся происки империалистов против Индонезии, заговоры, провокации, мятежи, вынуждавшие республику нести тяжелое бремя военных расходов. Сыграли несомненную роль и другие факторы: разбухание административного аппарата, злоупотребления должностных лиц, коррупция, борьбе с которой власти уделяли мало внимания.

Нередко правительственные уполномоченные, администраторы, поставленные во главе национализирован-

ных предприятий, рассматривали их не как всенародные достояние, а как доходную кормушку для себя и своих родственников. Место вытесненного иностранного капитала занимала часто новая прослойка местных дельцов, менее опытных, но не менее хищных. Больших капитальных затрат стоили монументы, новые административные здания. Они украсили столицу и другие города, но ничего не дали экономике. В то же время капиталовложения в промышленное строительство были ничтожно малы. Нельзя не упомянуть и о расточительстве покойного Сукарно, дававшего повод своим политическим противникам упрекать себя в бесхозяйственности.

Как корреспондент газеты, я должен был найти убедительное объяснение многообразных причин сложного экономического положения страны. Почему Индонезия — страна огромных неиспользованных возможностей и многих нерешенных проблем?

Монументы и история

Все-таки индонезийская столица похорошела. За последние годы президентства Сукарно здесь воздвигнуто немало интересных монументов, напоминающих о различных этапах национально-освободительной борьбы индонезийского народа.

Каждая столица, каждый большой город известен своими памятниками. Можно ли представить Злату Прагу без статуй на Карловом мосту или Москву без кремлевских башен, Минина и Пожарского, Пушкина, Юрия Долгорукого? А разве Ленинград был бы Ленинградом без Медного всадника, златоглавого Исаакия и Ленина на броневике? А разве статуя Свободы отделима от небоскрежного, суетливого Нью-Йорка?

Монументы придают городу неповторимо своеобразное лицо, характерный колорит, напоминают о традициях прошлого. В них воплощена душа нации со всеми присущими ей особенностями и противоречиями. Медный всадник — это динамичный порыв Руси, устремившейся из вековой спячки в неизведанное будущее. Ленин на броневике — революционный гений, предначертавший путь в коммунистическое завтра. Позеленевшая статуя с факелом — американская гигантомания и чо-

порное, жестокое ханжество, закрывающее глаза на гримасы жизни.

Монументы Джакарты — это памятники героям национально-освободительной борьбы, это славные революционные традиции, это бурная история страны, история суровых для народа испытаний. Исключение составляет, пожалуй, лишь памятник, установленный на невероятно высоком постаменте в виде буквы «п» в центре искусственного круглого водоема перед новой высотной гостиницей «Индонезия». Это фигуры двух индонезийцев, мужчины и женщины, простирающих вверх руки и как бы радушно приветствующих гостей столицы. Название этого памятника, возвышающегося над всем городом, — «Слават датанг», т. е. «Добро пожаловать».

Здание гостиницы, построенное японскими архитекторами, выдержано в ультрасовременном стиле. Архитектурный образ намечен лишь характерным геометрическим объемом. К основному призматическому корпусу из бетона и стекла примыкает приземистый холл, перекрытый куполообразной сферической конструкцией и украшенный фресками в традиционном индонезийском стиле.

Памятник «Слават датанг» и окружающие его монументальные здания гостиницы, иностранных посольств, банков, правительственных учреждений, государственного универмага «Сарина» составляют незаконченный ансамбль, который, по замыслу Сукарно, должен был стать прообразом будущей Джакарты. Бывшему президенту, инженеру-строителю по образованию, виделась будущая столица, город небоскребов в духе модернистских творений покойного Корбюзье. Но между проектами и реальностью дорогостоящего воплощения оказалась бесконечно далекая дистанция. Удалось осуществить лишь малую долю замыслов. Многие стройки были свернуты из-за недостатка средств. Рядом с завершенными зданиями стоят ржавеющие каркасы или тянутся заборы, отгораживающие пустыри, украшенные вывесками неосуществленных проектов. Постепенно заброшенные строительные площадки застраиваются в диком беспорядке хижинами, лавчонками, бараками, нарушающими ансамбль.

Пожалуй, символична судьба недостроенной 27-этажной гостиницы «Вишма Нусантара», напротив

отеля «Индонезия». Пока это лишь мертвая башня железного каркаса, угрюмо возвышающаяся в центре столицы вот уже несколько лет.

«Липа мистера Кеннеди», — говорят об этом злополучном сооружении сами индонезийцы. «Снова Республика Индонезия одурачена американским жуликом. Его имя — Джозеф Кеннеди». Под таким заголовком джакартская газета «Мердека» опубликовала большую статью, посвященную судьбе недостроенной гостиницы.

Оговоримся сразу. Мы не собираемся ни в какой степени бросать тень на семью покойного президента Кеннеди. Речь пойдет о случайном однофамильце знаменитых американских государственных деятелей, о мелком беспардонном брокере, или «туканг чатут». Это сочное индонезийское выражение может одновременно означать и делец, и жулик.

Гостиницу начала строить японская фирма. Потом строительство перешло в руки индонезийского правительства. Но оно не смогло найти достаточно средств и стало подыскивать частных предпринимателей. Вот тут-то на горизонте и показался предприимчивый Джозеф Кеннеди. Американский делец основывает фирму с солидным названием «Корпорация индонезийского развития». Он весь начинен планами и идеями, порой искусно намекает на влиятельные связи в Белом доме и на Уолл-стрите. Брокер даже выпускает небольшую рекламную книжицу, в которой без излишней скромности развивает так называемый «план Кеннеди», то бишь, ни много, ни мало, план оздоровления индонезийской экономики.

То ли подкупила государственных деятелей Индонезии энергия американца, то ли сыграла роль магическая сила имени Кеннеди, но однофамилец покойного президента США получил свободу действий и право на достройку высотной гостиницы.

Правда, скоро индонезийская сторона убедилась в одном непредвиденном обстоятельстве. По самым скромным подсчетам, на завершение строительства необходимо 8—10 миллионов американских долларов. У м-ра Джозефа Кеннеди не было такой суммы. У него вообще ничего не было, кроме идей и апломба голливудского ковбоя. Его корпорация оказалась предприятием без капитала, самой что ни на есть зауряд-

ной липой, как принято говорить в таких случаях. Но м-р Кеннеди не унывал. Во всяком деле нужна прежде всего идея. Моя идея — чьи-нибудь деньги. С лихорадочной энергией делец начал подыскивать компаньонов, объявил о продаже акций. Авось простачки клюнут на приманку. Нехитрый расчет жулика состоял в том, чтобы под вывеской дутой фирмы собрать чужой капитал и обогатиться самому. Если номер не пройдет, что ж... на обратный билет на самолет денег хватит. В таких случаях главное вовремя смыться.

Но простачков почти не нашлось. Кое-как удалось наскрести один миллион. Вот и весь наличный капитал корпорации. «Мердека», сетуя на доверчивость индонезийских властей к подобным проходимцам, назвала имена и других предприимчивых американцев. Некий м-р Фокс, например, ухитрился продать Индонезии судно, оказавшееся... чужой собственностью. «Все это показывает,— заключает „Мердека“,— как легко наглomu и дерзкому иностранцу надуть народ и правительство Индонезии».

Мертвый каркас «Вишма Нусантара» тоже памятник: это печальное напоминание о злоупотреблениях дельцов-иностранцев, для которых Индонезия лишь поле деятельности во имя наживы любой ценой; напоминание и о простофилях, неразборчивых в выборе иностранных партнеров.

Центральная площадь города носит название Мердека, т. е. площадь Независимости. Она занимает пространство почти в квадратный километр. Здесь обычно проходили многолюдные митинги, демонстрации, собиравшие порой сотни тысяч участников. Еще недавно окраины площади были застроены легкими деревянными постройками барачного типа. В них размещались пресс-клуб, городской муниципалитет, телеграф, разные полицейские учреждения. Здесь же инспектор транспортной полиции экзаменовал водителей. Теории он обычно не спрашивал, а устраивал экзамен сугубо практический. Желавшему получить водительские права предлагалось сесть за руль старенького, видавшего виды грузовичка, груженного булыжником. Требовалось провести чихающий, расхлябанный грузовик по узкому извилистому коридору между вбитыми в землю кольями. Если водитель оказывался столь умелым, что не задевал бортом ни за один из кольев, ин-

Джакарта. Памятник Раден Адженг Картини, основательнице женского движения в Индонезии

спектор удовлетворенно ставил печать на водительском удостоверении.

Сейчас все барачные постройки снесены. Возведено новое современное здание телеграфа. Полицейский инспектор с грузовичком переместился в другую часть города. Площадь расчистили и выровняли, а в самом центре воздвигли величественный монумент «Тугу национал». Это означает просто «Национальная колонна». Издали она кажется белой иглой, вонзившейся в небо.

Колонна установлена на большом приземистом цоколе с широкими каменными лестницами, поднимающимися к ее основанию. В будущем предполагается разместить в цоколе экспозицию национального музея. Суживающаяся верхушка колонны-иглы увенчана пламенеющим факелом, алеющим на фоне черного тропического неба. Впечатление эффектное. Но это только искусно созданная иллюзия, лишь позолоченная архитектурная деталь сооружения. Подсвеченная мощными лампами, она создает впечатление горящего факела.

С северной стороны монумента можно увидеть конную фигуру воина, как бы устремившегося в боевом порыве вперед, на врага. На вздыбленном коне, в развевающейся одежде и чалме, воинственный всадник, словно увлекающий за собой многотысячное войско, олицетворяет волю к победе, мужество, героизм. Это Дипо Негоро, национальный герой индонезийского народа. Он стал во главе мощного народного восстания на Центральной Яве против голландских колонизаторов в 1825—1830 годах. Только ценой огромных усилий колонизаторы смогли подавить восстание и схватить с помощью обмана его вождя. Дипо Негоро закончил свои дни в изгнании на одном из далеких островов.

Индонезийский народ чтит память героя. Художники часто обращаются к образу Дипо Негоро. Образ воина в белой развевающейся одежде на вздыбленном коне стал традиционным. Таков он, например, на полотне известного мастера живописи Басуки Абдулла. Почти в каждом индонезийском городе можно найти улицу, носящую имя Дипо Негоро. Есть, конечно, такая улица и в Джакарте. На ней расположено несколько иностранных посольств и шеренгой вытяну-

лись флаштоки с государственными флагами всех цветов.

Если мы направимся в этот дипломатический район, то увидим в начале улицы Дипо Негоро еще один памятник — фигуру молодой стройной женщины в саронге. Она прожила недолгую жизнь, но оставила заметный след в развитии общественной мысли Индонезии. Ее имя — Раден Адженг Картини — широко известно в стране. Эта женщина была горячим поборником женского равноправия, развития женского образования, участия индонезиек в общественной жизни.

День памяти Картини отмечается в Индонезии как национальный женский день. Сейчас немало женщин-индонезиек занимаются общественной и государственной деятельностью, литературным трудом, искусством. Расскажу здесь хотя бы об одной из них.

Вскоре по приезде в Джакарту я получил приглашение посетить художественную выставку Рульяти Суварьоно. Это была тоненькая, изящная женщина с большими выразительными глазами, чем-то напоминающая Картини, какой воссоздал ее автор небольшого бронзового памятника.

Полотна Рульяти Суварьоно яркие, сочные, солнечные, как сама природа архипелага. Вот одно из произведений — «Ветка магнолии». Кажется, живая магнолия с белыми хрупкими лепестками заглядывает в окно зала. Но главная тема художницы не природа, а жизнь простых тружеников, крестьян, бедняков. С большой любовью к трудовому человеку рисует Суварьоно выразительные жанровые сценки в деревне, на уборке урожая, создает целую галерею характерных, запоминающихся образов. Ее небольшие полотна показывают, сколь нелегок труд индонезийского крестьянина, как много сил нужно вложить, чтобы вырастить и снять долгожданный урожай.

Творческий путь Рульяти Суварьоно — путь долгих и сложных поисков. Выпускница академии художеств в Джокьякарте, она в настоящее время дает уроки живописи в учительской школе того же города. Неоднократно организовывались ее персональные выставки. Несомненно, в основе творчества художницы лежит реалистическое восприятие действительности, стремление создать правдивые образы реальных людей. Но художница тяготеет к экспрессионистской манере, к подчерк-

нуто ярким краскам, к размашистым рельефным мазкам, к образам резко изломанным, напряженным. В ответ на мой вопрос — кто ее любимые художники — Суварьоно назвала двух великих французских мастеров: Вицента Ван-Гога и Поля Гогена. Безусловно, экспрессионизм одного и декоративность, экзотичность другого оказали влияние на творческие поиски талантливой художницы. Быть может, она полагает, что экспрессионистская манера, динамичность лучше позволят передать напряженную атмосферу политических страстей и потрясений, пережитых страной за последние годы.

Можно было бы здесь рассказать и о других выдающихся женщинах — скульпторах, актрисах, писательницах, журналистках, врачах и адвокатах, руководительницах общественных организаций и дипломатах. Я был знаком с г-жой Тримурти, супругой одного из старейших членов парламента Саюти Мелика. Эта известная в Индонезии женщина занимала одно время пост министра труда, возглавляла одну из женских организаций, а сейчас занимается просветительской деятельностью и выступает в печати как публицистка. И таких женщин в современной Индонезии немало. О подобной роли индонезийки в жизни своей страны мечтала Картини, умершая в 1904 году в возрасте всего лишь 25 лет.

Продолжим наш рассказ о памятниках столицы. Если придерживаться хронологического порядка, то следует остановиться на памятнике иного рода. Это не монумент, не величественная статуя, а всего лишь старомодный дом с колоннадой времен голландского господства. Это дом № 31 по улице Ментенг. Индонезийцы чтят его как национальную реликвию. В период Августовской революции 1945 года здесь помещался штаб боевых революционных организаций, сыгравших видную роль в свержении господства японских оккупантов.

Индонезия, как и другие страны Юго-Восточной Азии, была в годы второй мировой войны оккупирована японскими войсками. Индонезийский народ не желал мириться с господством новых колонизаторов, вел мужественную борьбу. Эта борьба особенно активизировалась к лету 1945 года. На Яве действовали многие подпольные революционные организации, объединявшие различные социальные силы — от городской

и сельской бедноты до национальной буржуазии. Среди членов этих организаций было немало революционно настроенной молодежи. Безоговорочная капитуляция империалистической Японии после разгрома Советскими Вооруженными Силами отборных соединений императорской армии привела к полной деморализации японских оккупантов в Индонезии и вызвала революционный подъем в стране. Антияпонские организации вышли из подполья и создали свой объединенный революционный штаб, разместившийся на улице Ментенг, в старинном доме с колоннами. Деморализованные японские части уже не смогли помешать провозглашению 17 августа 1945 года независимости и созданию государственных органов власти Республики Индонезии.

Недавно историческое здание было восстановлено в его прежнем виде. Поговаривают, что неплохо бы открыть здесь музей истории Августовской революции.

Невдалеке от бывшего штаба «Ментенг 31» можно увидеть выразительный памятник, подарок жителям Джакарты от известного советского скульптора М. Г. Манизера. Скульптор побывал в Индонезии и заинтересовался историей национально-освободительной борьбы ее народа, мужественными образами борцов за независимость.

На высоком постаменте фигура воина и женщины. Воин-партизан, вчерашний крестьянин, мускулистый человек с крепким, развитым торсом, олицетворяет силу народа, несокрушимый дух борьбы. Он полон решимости бороться за освобождение своей родины. Фигура несколько статична, но все же передает чувство твердой уверенности в победе, в торжестве справедливости. Женщина, может быть жена или сестра воина, протягивает ему чашку с рисом. Напряженная, устремленная вперед женская фигура выражает тревогу и надежду.

И еще один памятник столицы привлекает внимание. Это статуя в центре площади Бантенг — человек, разрывающий цепи колониального рабства. В страстном порыве, широко раскинув руки и напрягая мускулы, человек сосредоточил всю волю и все физические силы на стремлении к победе. И вот оковы не выдержали. Как и «Слапат датанг», памятник этот возвышается над всем городом и виден издалека. Его автор — Эди Сунарсо, крупнейший скульптор современной Индонезии, живущий в Джокьякарте. Монумент воздвиг-

нут в честь освобождения Западного Ириана от колониального господства и его воссоединения с республикой. Колонизаторы всеми силами стремились удержать эту индонезийскую территорию и после того, как были вынуждены признать, хотя и с различными оговорками, независимость молодой республики. Большую поддержку Индонезии в ее борьбе за освобождение Западного Ириана оказал Советский Союз. Неоднократно правительство СССР, советская печать, наши дипломатические представители в международных организациях выступали с резким осуждением колонизаторов, в поддержку справедливых требований Индонезии.

Памятники Джакарты напоминают о том, каким сложным и извилистым был путь индонезийской революции, где были и победы, и временные поражения. И сейчас народ Индонезии переживает очень сложный этап своей истории, сталкивается со многими нерешенными проблемами и трудностями. Его революционные завоевания и национальная независимость находятся сейчас под угрозой.

Советский народ и Советское правительство всегда с полным пониманием относились к чаяниям индонезийского народа — и тогда, когда он вынужден был браться за оружие, чтобы помешать империалистам возродить прежнее чужеземное иго, и тогда, когда велась упорная борьба за преодоление колониального наследия. Об этих добрых традициях в советско-индонезийских отношениях также напоминают монументы индонезийской столицы — и разрывающий цепи человек, и воин-партизан, образ которого создан одним из лучших советских скульпторов-монументалистов. И эти добрые традиции нельзя забывать, каким бы серьезным испытаниям ни подвергались сейчас отношения между обеими странами.

Трагедия бунта Карно

Президент Сукарно был официально отстранен от власти силами «нового порядка» через несколько месяцев после правого переворота, последовавшего за сентябрьскими событиями 1965 года. Нигде в офици-

альных учреждениях столицы я уже не встречал его парадных портретов. В последний раз большой портрет Сукарно вывесили на массовом общественном собрании летом 1967 года. Речь идет о торжественном заседании в джакартском дворце спорта «Сенаян», посвященном 40-летию Национальной партии. Ее тогдашний председатель, престарелый Оса Малики, напоминая об историческом пути НПИ, о ее традициях и борьбе с голландскими колонизаторами, рассказал о роли инженера Сукарно как основателя партии и создателя мархаенизма — идеологического учения националистов.

Уже в конце 20-х годов молодой Ахмед Сукарно стал общепризнанным лидером национально-освободительного движения, его радикального мелкобуржуазного крыла. Окончив Бандунгский технологический институт, Сукарно имел все шансы стать обеспеченным чиновником колониального аппарата или открыть собственную фирму, чтобы строить для местных богачей особняки. Но он был убежденным сторонником борьбы с колонизаторами и стал на путь революционной деятельности. Созданная им партия выдвинула требование независимости страны.

В 1929 году колониальные власти арестовали Сукарно и предали его суду, а Национальная партия была распущена. На суде в Бандунге обвиняемый выступил с грозной обвинительной речью, которая приобрела значение важного документа национально-освободительного движения. Сукарно подчеркивал, что индонезийский народ должен сам достичь независимости, так как тщетны были бы надежды получить независимость от империалистов. «Интересы империалистов противостоят нашим интересам... Империализм не заинтересован в том, чтобы „подарить“ нам свободу. Империализм заинтересован в вечном существовании, укреплении и упрочении колониализма», — гневно бросил он обвинение в лицо судивших его колонизаторов.

Каковы бы ни были последующие ошибки и превратности судьбы Сукарно, он остается крупнейшим лидером национально-освободительного движения против колонизаторов, борьбы за независимость. И этого нельзя забыть.

Я был свидетелем, как присутствующие в огромном зале дворца спорта, особенно молодежь, встречали

слова оратора овациями и неоднократно скандировали: «Хидуп бунг Карно!» — «Да здравствует брат Карно!»

Организаторы торжественного заседания чинно зачитывали приветственные адреса от новых государственных руководителей и не позволили себе никакой нелояльности к «новому порядку». И все же некоторые столпы этого самого «нового порядка» недружелюбно встретили праздник националистов. Нет ли в этом праздновании 40-летнего юбилея некой вызывающей демонстрации? Непозволительно часто упоминались крамольное имя Сукарно и его мархаенизм. Дерзкие националисты осмелились даже бестактно вывесить портрет бывшего президента в общественном месте. Не потерпим!

Доморощенные Угрюм-Бурчеевы, то бишь группа командующих военными округами и других высших генералов, собрались в Джокьякарте и выступили с совместным заявлением. В нем содержалось суровое предупреждение «силам старого порядка», если они попытаются предпринять какие-либо действия, направленные на возвращение к власти свергнутого президента Сукарно.

Местные военные руководители в провинциях восприняли джокьякартское заявление как руководство к действию и стали преследовать сторонников Сукарно, приказали убрать портреты бывшего президента из учреждений и общественных мест, если они еще где-то остались по недосмотру. В ряде провинций деятельность Национальной партии была запрещена. Ее обвинили в прокоммунистических тенденциях на том основании, что официальная идеология националистов — мархаенизм — якобы тождественна марксизму. Власти требовали «кристаллизации», т. е. чистки Национальной партии от левых элементов.

Понадобилось немало времени, чтобы националисты смогли выдержать этот натиск реакции. Лидеры Национальной партии были вынуждены выступить с заявлениями, подчеркивающими, что мархаенизм никакого отношения к марксизму не имеет и что сам Сукарно, сравнивая или отождествляя оба учения, допускал ошибочное, субъективистское толкование. Действительно, он однажды бросил вскользь, скорее для красного словца, пресловутую фразу, что мархаенизм — это-де марксизм на индонезийской почве. Эту фразу и

припомнили теперь его враги, чтобы обвинить бывшего президента в приверженности к марксизму.

Вместе с выпадами против националистов усилились выпады и против самого Сукарно. Многие органы печати, если не подавляющее большинство, считали признаком хорошего тона время от времени нападать на бывшего президента и даже требовать его привлечения к судебной ответственности. Пожалуй, не было смертных грехов, которые не приписывались бы ему. Сукарно обвинялся в безответственном правлении, нарушении демократических норм и авторитарных замашках, расточительстве, пренебрежении к экономике, противоречащем нормам примерного мусульманина» поведении. Нельзя не признать, что имелись весомые основания для критической оценки многих аспектов политики бывшего президента. В первую очередь это касалось экономики. Увлекаясь политическими декларациями, Сукарно устранился от последовательного решения экономических проблем, пренебрегал ими. По-видимому, политические противники Сукарно тщательно и давно копили факты, которые могли как-то скомпрометировать президента. Появилась целая серия бульварных книжонок, наполненных сплетнями и анекдотами о бывшем главе государства. Но, пожалуй, личные слабости, расточительство, автократические замашки, склонность к демагогии (один ли Сукарно этим грешил!) — это только приправа к самому серьезному обвинению, самому вопиющему греху, который лидеры «нового порядка» никак не могут простить своему предшественнику: Сукарно сотрудничал с коммунистами.

Сукарно изобрел НАСАКОМ, иначе говоря, единый национальный фронт всех основных политических течений: националистов, коммунистов, мусульман.

Сукарно не пресек быстрый рост Коммунистической партии, которая охватила через свои массовые организации миллионы людей и стала оказывать заметное влияние на политику государства.

Сотрудничая с коммунистами, попустительствуя им, Сукарно стал если не вполне коммунистом, то почти коммунистом. Если сукарновский мархаенизм и не вполне марксизм, то почти марксизм.

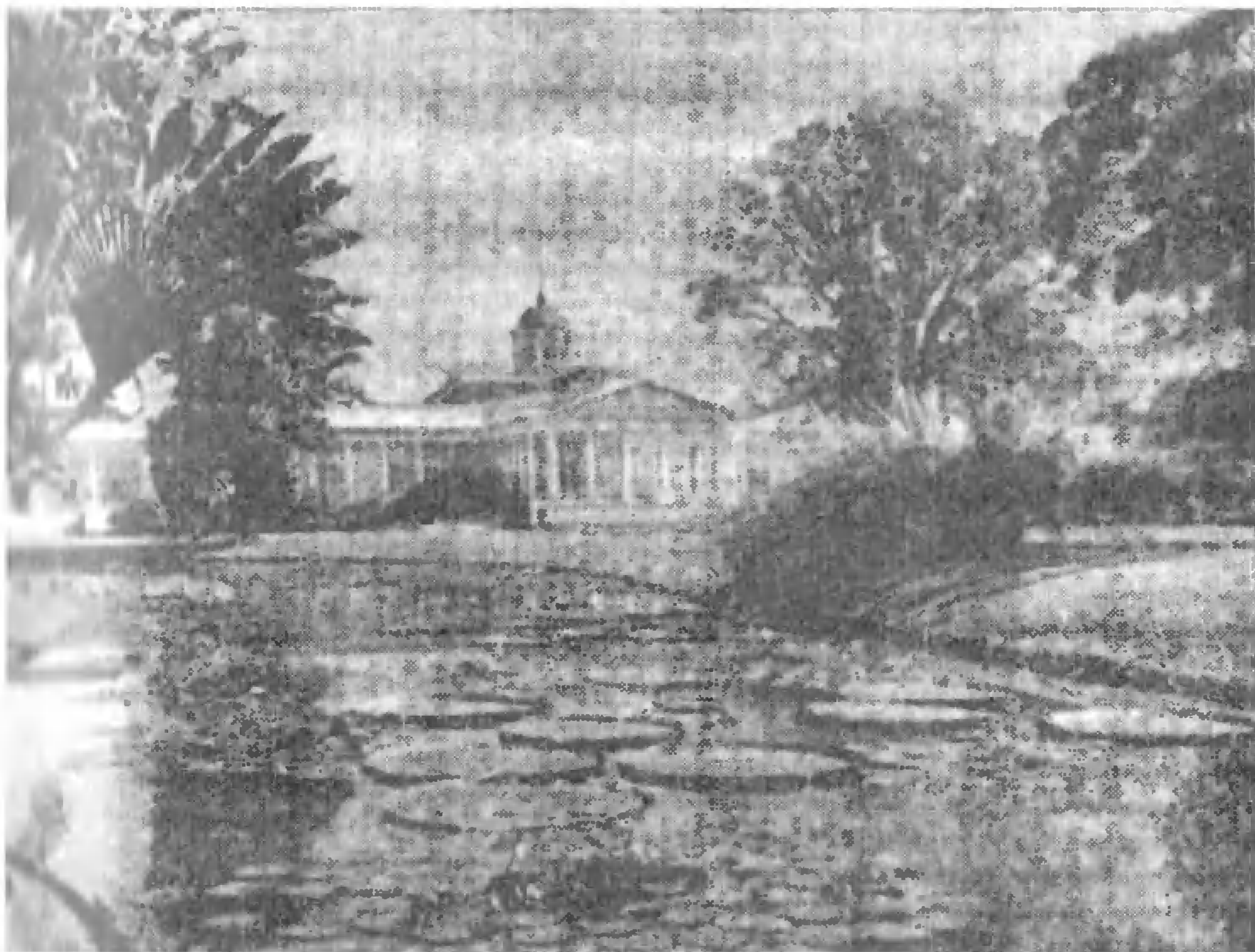
«Старый порядок», с которым покончено, — это Сукарно плюс коммунисты.

После отстранения от власти Сукарно проживал преимущественно в Богоре, в 60 километрах к югу от Джакарты, в загородном президентском дворце рядом со знаменитым ботаническим садом. В июне 1967 года в прессе упоминалось о распоряжении военного командования западнояванского округа Силиванги, запрещающем бывшему президенту какие-либо контакты с местным населением без специального на то разрешения военных властей. Сукарно не мог совершать поездки в столицу. Любое его передвижение бралось под контроль. Ни одно лицо не могло без согласия военных посетить бывшего президента в его богорской резиденции. Исключение делалось лишь для самых близких членов семьи Сукарно. По существу, он находился под домашним арестом, окруженный строгой охраной.

Позднее Сукарно должен был покинуть богорский дворец и поселиться в более скромной загородной вилле Бату Тулис, неподалеку от Богора. При этом военные власти подтвердили свои прежние распоряжения относительно режима для него. Этот режим домашнего ареста, изолировавший его от населения, принципиально не изменился, когда Сукарно было разрешено кроме Бату Тулис проживать на окраине Джакарты, на улице Гатот Суброто, в доме одной из его последних жен — японки Сари Деви. Отсюда, уже тяжело больной, он был перевезен в военный госпиталь, где и скончался в июне 1970 года.

Свой рассказ о судьбе бывшего президента Республики Индонезии я озаглавил «Трагедия бунга Карно». Пишу об этой трагедии, в которой Сукарно сам оказался во многом повинен, не без боли в сердце.

Для меня и для моих товарищей, многие годы занимавшихся Индонезией, образ президента Сукарно, бапака Сукарно, бунга Карно, казался по-своему симпатичным, обаятельным, порой вызывавшим искреннее восхищение. Мужественный борец против колониального господства, бросивший в лицо колонизаторам смелое обвинение, узник голландских концлагерей, автор национально-освободительной программы панча сила, провозгласивший 17 августа 1945 года независимость страны, глава молодого государства, друг Советского Союза — таков был в нашем представлении человек в национальной шапочке — пичи, с волевым лицом, живыми, выразительными глазами. Помню выступления

Богорский дворец, где находился под домашним арестом Сукарно после отстранения от власти

Сукарно в Джакарте на многолюдных митингах, страстные, спаянные определенной внутренней логикой. Прирожденный оратор, он умел воздействовать на массы. Помню и выступления индонезийского президента у нас, во время его неоднократных поездок в Советский Союз, хорошие слова о ценности дружбы между нашими народами, гневное осуждение империалистов и колонизаторов, препятствующих мирному развитию молодой республики. Книгу Сукарно «Индонезия обвиняет», переведенную на русский язык, с интересом читали в нашей стране. В предисловии к русскому изданию автор писал: «Основной линией нашей борьбы, продолжающейся уже в течение десятилетий, является сопротивление колониализму, достижение национальной независимости и завоевание справедливого и процветающего общества для народа Индонезии и для людей всего мира.

И надеюсь, что издание моих произведений на русском языке позволит русскому народу лучше понять характер и цели борьбы народов Индонезии».

И еще с одной стороны мы знали Сукарно — это

был его глубокий, почти профессиональный интерес к искусству. В президентских дворцах Джакарты и Богора была любовно собрана великолепная коллекция картин и скульптур, все лучшее из того, что создано мастерами индонезийского изобразительного искусства, а также немало работ известных зарубежных мастеров. О коллекции Сукарно давал представление многотомный красочный альбом репродукций.

Но вот последние годы правления Сукарно невольно разочаровывают.

Уж слишком заметна огромная дистанция между сукарновскими речами и делами, между многочисленными прожектами, планами, реформами и их реальными результатами. Иностранная монополистическая собственность национализируется, а полезной отдачи от этой национализации не заметно. Экономическое положение страны катастрофически ухудшается, усиливается обнищание масс, коррупция пропитывает все звенья государственного аппарата. Сам аппарат разбухает, словно тесто на дрожжах, фантастически растет число министерств и ведомств. Сукарно учреждает все новые и новые министерские посты, не задумываясь над тем, каким тяжелым бременем для страны со слабой экономикой является это разбухание аппарата. Появляются министры «по делам стояния на собственных ногах», «по делам связи с массами», старые министерства дробятся на несколько новых. К концу правления Сукарно его кабинет стали называть «кабинетом ста». Острословы утверждают, что сам президент уже не помнил в лицо всех членов правительства.

И во внешней политике многие шаги Сукарно утратили логику и последовательность. Был ли лучшим способом борьбы с империализмом выход из ООН, где Индонезия в трудные для себя минуты всегда могла рассчитывать на сочувствие и поддержку социалистических и неприсоединившихся стран? Индонезийские руководители стали участвовать в различных китайских акциях, направленных на то, чтобы помешать участию Советского Союза, великой не только европейской, но и азиатской державы, в разных афро-азиатских форумах, ухудшить отношения СССР со странами Африканского и Азиатского континентов. Чего стоит, например, закулисная игра, затеянная тогдаш-

шими руководителями Союза журналистов Индонезии, вероятно, не без ведома президента, с целью сорвать участие советских представителей в качестве полноправных делегатов в проходившей в Джакарте афро-азиатской конференции журналистов? Подобные акции не отвечали национальным интересам Индонезии. Полагаю, что мы не грешили против истины, считая Сукарно крупным деятелем национально-освободительного движения, национальным лидером. Но в конце концов мы оказались свидетелями естественной и закономерной эволюции мелкобуржуазного политика, которому не хватало на трудном этапе истории его государства ни твердости, ни целеустремленности, ни последовательности.

Как государственный деятель и идеолог Сукарно личность сложная и во многом противоречивая. Охарактеризовать его одним определением так же невозможно, как невозможно для художника воспроизвести убедительный, правдивый образ, пользуясь одной лишь розовой или, наоборот, одной лишь черной краской. Нужна палитра красок всех оттенков.

Трагическая судьба бывшего президента Сукарно часто служила предметом моих разговоров с индонезийскими знакомыми. Попытаюсь предоставить слово некоторым из людей, близко знавшим Сукарно и оценивавшим его более или менее объективно.

С одним старым лидером Национальной партии завел разговор о сущности мархаенизма. Мой собеседник, человек образованный, знакомый с различными философскими системами и даже с марксизмом, сказал:

— Противники Сукарно нередко отождествляют его с коммунистами, а мархаенизм — с марксистским учением. Делается это прежде всего потому, что приверженность к коммунизму сейчас у нас самое тяжкое обвинение. Чтобы лишний раз скомпрометировать Сукарно, можно объявить его и коммунистом. Верно лишь то, что президент был убежденным приверженцем идей НАСАКОМ, т. е. широкого национального фронта. По его мнению, НАСАКОМ не был бы жизнеспособным без участия такой крупнейшей политической партии, какой была Коммунистическая партия Индонезии. Лидер коммунистов Айдит утверждал, что численность его партии превышает три миллиона.

— Что, по вашему мнению, служило почвой для сотрудничества Сукарно с коммунистами?

— Как президент, так и коммунисты были убеждены в необходимости союза всех патриотических сил для борьбы с колониальным наследием, в частности проведения национализации крупной иностранной собственности, демократических преобразований и достижения справедливого, процветающего общества. Коммунисты называют такое общество социалистическим. Сукарно тоже пришел к термину «социализм», точнее, «индонезийский социализм».

— Но, разумеется, коммунисты и президент вкладывали в одно и то же понятие разный смысл?

— Да, поскольку коммунисты руководствовались марксизмом, а Сукарно — мархаенизмом. Краеугольным камнем вашей идеологии, насколько я себе представляю, служит учение о диктатуре пролетариата, классовой борьбе. Мархаенисты отвергают его, как отвергают ваш исторический материализм, ваш атеизм.

Мой собеседник весьма красноречиво говорил мне о мархаенизме и индонезийском социализме, цитировал выступления Сукарно и даже, как мне показалось, копировал некоторые ораторские приемы, интонации, жесты бывшего президента. Да, сукарновский социализм — это справедливое, процветающее общество, основанное на общественной гармонии. Это — счастье мархаена, простого человека. Общество — одна большая гармоничная семья, где нет бедности, несправедливости и социальных конфликтов.

Несмотря на все красноречие собеседника, мне виделось в социализме по-индонезийски и в самой гипотетической фигуре мархаена нечто расплывчатое, неопределенное. Таким же расплывчатым и неопределенным представлялось и мархаенистское учение. Создавая его, Сукарно заимствовал отдельные элементы у Сунь Ят-сена, у народников, у западноевропейских социалистов. Знакомый с марксизмом и видевший его притягательную силу, он пользовался порой и марксистской терминологией. В результате возникло эклектическое учение, лишенное органической стройности.

О трагической судьбе бывшего президента мы неоднократно толковали с престарелым литератором, в

прошлом видным членом Национальной партии и близким соратником Сукарно. Сейчас этот человек давно отошел от политической деятельности. Поэтому его громоздкое и труднопроизносимое яванское имя, указывающее на аристократическое происхождение, вряд ли известно широкой публике. Друзья и домашние называли его обычно профессором, но он, собственно говоря, никогда и нигде не получал этого звания, хотя и считался доктором каких-то наук.

Дом профессора был полон старинной резной мебели и произведений искусства. В гостиной на видном месте висела большая репродукция известного портрета Сукарно работы художника Басуки Абдуллы. Когда газеты подняли очередную, особенно яростную кампанию против бывшего президента, хозяин убрал портрет от греха подальше.

Мы начинали с обычного ритуала, принятого в индонезийских домах: не спеша пили из маленьких чашечек душистый зеленый чай либо тянули через соломинку прохладный джеруковый сок. Хозяин показывал что-нибудь диковинное из своей коллекции. Мы толковали о балийской традиционной живописи, о деревянной скульптуре. Потом разговор переходил к главной теме.

Я попросил профессора рассказать мне, каковы, по его мнению, причины падения Сукарно.

— Дело не только в трагических последствиях событий 30 сентября,— ответил он.— Сукарно столкнулся со многими объективными трудностями, наделал много ошибок, которых можно было избежать. Все это привело режим бунга Карно, «старый порядок», как его теперь называют, к тяжелому кризису еще задолго до сентября шестьдесят пятого года.

— Трудности, о которых вы говорите, я более или менее представляю. Колониальное наследие, слабая экономика, сопротивление консервативных сил, проски империалистов... Не можете ли вы, как старый соратник Сукарно, коснуться его ошибок?

— Отчего же нет? Об ошибочной линии сукарновской политики вообще не может быть и речи. Ни у кого из здравомыслящих людей не вызывала сомнений необходимость национализации или аграрной реформы.

— Часто приходилось слышать, что Сукарно не умел доводить до конца начатое, что его планы, проек-

ты носили скорее декларативный характер, были нежизненными.

— Я бы сказал, бунг Карно не сумел найти эффективные средства для претворения в жизнь своей политики. Он не умел или не хотел бороться с препятствиями, с теми, кто мешал ему. Поэтому-то у народа со временем начало складываться представление о президенте как о человеке, для которого важна прежде всего сама декларация, эффектная, броская, но не ее конечный результат, пусть малый, но верный. Вы, надеюсь, согласитесь со мной, что самый умный и талантливый лидер рано или поздно вызовет у народа разочарование, предстанет фразером, если его благие намерения и обещания не будут подкреплены делами.

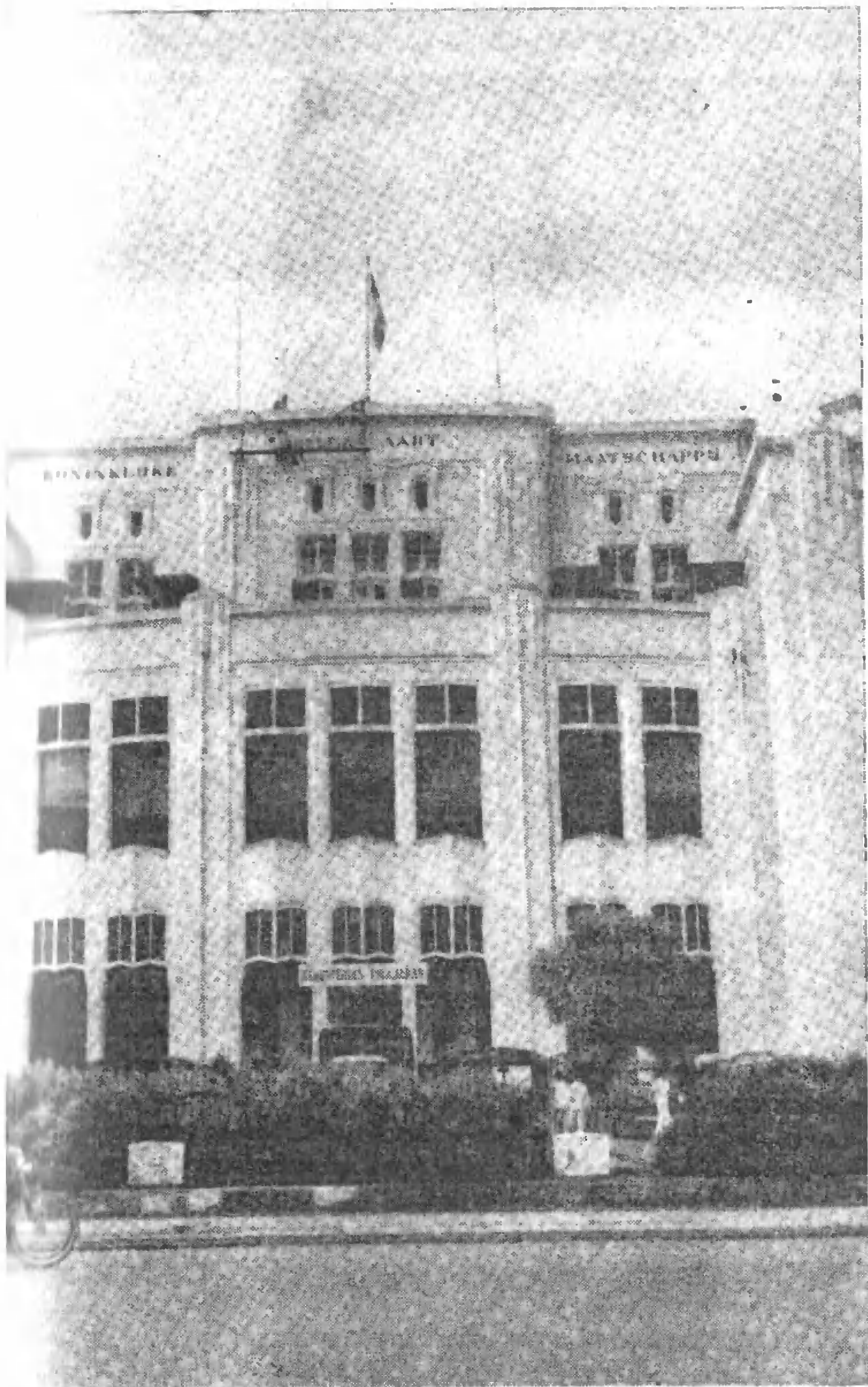
— Приведите, пожалуйста, конкретные примеры,— попросил я.

— Самые характерные примеры — национализация и аграрная реформа, мероприятия справедливые, исторически закономерные, никто не спорит. А что получилось?

И профессор нарисовал образную и довольно убедительную картину национализации по-индонезийски. Я и сам неоднократно видел подобное.

Представьте себе голландское предприятие — типографию, торговую фирму, какую-нибудь фабричку или плантацию. Хозяиничает здесь знающий свое дело администратор-голландец и извлекает прибыль. Часть этой прибыли поступает в карман хозяев, а часть отчисляется в качестве налога на иностранный капитал индонезийскому правительству.

И вот объявляется национализация. Предприятие, принадлежавшее прежде голландской акционерной компании, теперь становится государственной собственностью. Вместо администратора-голландца назначается правительственный уполномоченный, военный или гражданский. Обычно это человек малокомпетентный в вопросах производства и экономики, но с влиятельными связями. Именно связи, родственные или партийные, помогли ему получить прибыльный пост. Этот господин, скажем г-н Харьото, начинает с того, что приводит с собой на предприятие целую ораву каких-то людей и проводит там митинг. Он пространно говорит о демократии и справедливости. Теперь будет установлена демократическая система управления.

Наступление на позиции иностранного капитала: в здании бывшей голландской паровой компании после ее национализации разместилось министерство судоходства республики

Учреждается совет директоров. Он, Харьото, лишь президент-директор. А вот его первый заместитель, второй, коммерческий директор, административный директор, директор по общим вопросам... Поистине безгранична изобретательность некоторых индонезийцев по части выдумывания никому не нужных должностей. Вскоре персонал предприятия узнает, что все эти новые директора и их заместители — ближайшие родственники и друзья г-на Харьото. Каждому установлен солидный оклад. Каждый норовит получить за счет предприятия дом и поживиться за казенный счет, хотя бы унести домой из конторы письменный стол или вентилятор. Никого из них производство всерьез не интересует. Никто не позаботился, чтобы вовремя отремонтировать машину, привезти сырье. Оборудование постепенно выходит из строя. Доходность предприятия падает. Администрация думает лишь о том, чтобы побольше урвать сегодня. Кто знает, может быть, завтра руководящие посты в министерстве займут люди из другой политической или деловой группировки. И тогда они поставят на место Харьото своего человека. А тот в свою очередь окружит себя своими друзьями и родственниками.

Конечно, не во всех случаях картина на национализированных предприятиях была столь неприглядной. Среди новых администраторов-индонезийцев были и дельные, честные люди. Но сама укоренившаяся система кумовства, круговой поруки, коррупции способствовала злоупотреблениям. Результатом этого были парадоксальные явления. Некоторые предприятия после национализации приносили индонезийскому правительству дохода меньше, чем в пору хозяйничанья прежних владельцев, а порой даже становились убыточными. Те прибыли, которые рассчитывала получить государственная казна, нещадно расхищались администрацией. Надо ли доказывать, какую великолепную пищу для западной пропаганды давали эти уродливые явления?

— Западные, особенно голландские, газеты умело использовали все это для нападок на Сукарно, — с горечью сказал мой собеседник. — Индонезийцы, мол, не доросли до того, чтобы самостоятельно управлять предприятиями. Они ничего не могут сделать без помощи компетентных европейцев. Сукарно всех убедил

и том, что национализация в современных индонезийских условиях не оправдала себя! Конечно, все это пронагандистский вздор наших недоброжелателей. Все дело в том, что место прежних иностранных хозяев заняли свои, доморощенные дельцы, может быть менее опытные, но не менее алчные.

— Но ведь официально они правительственные служащие, а не владельцы предприятия.

— Пороки нашей системы позволяют им чувствовать себя бесконтрольными хозяевами. Вы спросите, неужели правительство Сукарно не видело злоупотреблений новых администраторов и не пыталось бороться с ними? Попытки контроля мало что давали. Руководители предприятий часто пользовались попустительством вышестоящих. Те в свою очередь были прямо заинтересованы в своих ставленниках и закрывали глаза на их злоупотребления. Ведь нередко человек давал солидную взятку этому вышестоящему, чтобы получить прибыльный пост, и в дальнейшем не забывал своего благодетеля. Это связывало их круговой порукой. Таким образом, зло нужно искать не в недостатках отдельных плохих администраторов, а в системе, в засилии кабиров.

Здесь необходимо пояснить, что имел в виду мой собеседник под словом «кабир». Термин этот не очень распространен в Индонезии. Его ввели в обиход индонезийские коммунисты, а в последние годы я почти не встречал его в местной прессе. «Кабир» означает капиталист-бюрократ, представитель бюрократического капитала. Буржуазная верхушка современной Индонезии — это отчасти бюрократическая элита, а отчасти компрадоры, т. е. торговцы, финансисты, маклеры, связанные с иностранным капиталом, обслуживающие представителей иностранных монополистических фирм и не занятые собственным производством. Таким образом, индонезийская буржуазия в основной своей массе существенно отличается от классического типа буржуазии высокоразвитой страны, располагающей солидной экономической базой в виде средств производства, промышленных предприятий, шахт, транспорта и т. п., той базой, которая обеспечивает ей господствующее положение в обществе. Не располагая подобной экономической базой, индонезийские кабирсы видят путь к личному обогащению, к укреплению сво-

его влияния в максимальном использовании своего служебного положения. Коррупция, разбазаривание государственных средств, взяточничество, прикрытое деликатным словечком «комиси», т. е. оплата комиссионных услуг,— вот что типично для кабира.

Не менее характерен пример и с аграрным законом, принятым в конце 1960 года. Закон устанавливал минимальный и максимальный размер земельного надела на одну крестьянскую семью. Размеры эти колебались в пределах от 2 до 20 гектаров, в зависимости от местных условий. Однако в широких масштабах закон не осуществлен из-за противодействия богатых землевладельцев и правых политических партий. Профессор рассказывал о том, как кулаки и помещики прибегали к нехитрым уловкам. Они спешно делили свои участки, для видимости конечно, между родственниками, записывали землю на жену, малолетних детей, даже на подставных лиц, а потом разводили руками — какие, дескать, у меня излишки? Реформа, мол, дело хорошее, да в условиях густонаселенной Явы абсолютно нереальное. Здесь и перераспределять-то нечего. Укоренившаяся в государственном аппарате система коррупции, взяточничества помогала деревенским ловкачам оставаться безнаказанными и сохранять свою земельную собственность.

— Я, старый соратник бунга Карно, чту его как великого борца за независимость,— говорил мне профессор.— И, поверьте, мне больно говорить о его ошибках и недостатках. Их было, к сожалению, немало. Не думайте, что все нападки врагов на президента абсолютно беспочвенны. Когда Сукарно провозгласил так называемый принцип направляемой демократии, его поддержали все прогрессивные силы. Они усматривали в усилении центральной власти, в некотором ограничении парламентарной демократии возможность более решительной борьбы со всеми теми, кто препятствует движению вперед. Но Сукарно стал все больше и больше злоупотреблять властью. Он провозгласил себя «отцом нации», пожизненным президентом. Его расточительность не знала границ. Народ голодал, а президент строил своим женам дворцы, дарил голливудским звездам дорогие подарки.

Профессор подытожил свои рассуждения, грустно покачивая головой:

— Человек, имевший большие заслуги перед народом, активно участвовавший в революционной борьбе, в конце концов потерял чувство ответственности перед обществом и кончил трагически.

— Газеты часто связывают имя Сукарно с событиями 30 сентября. Что вы думаете на этот счет, профессор? — спросил я собеседника.

— Здесь много вымысла и заведомых передержек. Их цель — любыми средствами скомпрометировать бывшего президента. Вы знаете, что Сукарно представлял средние слои нашего национального движения.

— Мы назвали бы их мелкобуржуазными, — уточнил я.

— Допустим. По мнению Сукарно, одних этих сил было недостаточно, чтобы располагать надежной опорой. Хотел того президент или нет, приходилось считаться как с коммунистами и другими левыми, так и с правыми, в том числе политиками из мусульманских партий, военными. Сукарно не разделял взглядов ни тех, ни других, не хотел от них зависеть и даже, думаю, побаивался их. Вероятно, он считал, что, если бы хозяевами положения сделались левые, они обошлись бы без него; правым в случае их победы президент тем более был бы не нужен. В своей тактике он использовал противоречия между коммунистами и реакционными генералами.

И вот трагическое столкновение произошло и оказалось уже неподконтрольно президенту, как джинн, выпущенный из бутылки. Сукарно, располагавший еще юридической властью, влиянием, правами главнокомандующего, имевший много сторонников в армии, не попытался, по существу, использовать свой авторитет, чтобы остановить кровопролитие, гибель невинных людей. Президент проявил непростительную слабость.

Нельзя было не согласиться с этими горькими, но справедливыми словами старого индонезийца, не одно десятилетие знавшего Сукарно.

Трагедия Сукарно горька и поучительна. Поучительна своей печальной эволюцией от славной революционной деятельности к тяжелым ошибкам, к тому, что дорого обошлось и самому президенту, и его стране. Тем не менее политические противники не смогли перечеркнуть его прошлых революционных заслуг. По случаю кончины Сукарно в стране был объявлен нацио-

нальный траур, печать откликнулась на это событие редакционными статьями, отмечавшими его роль как видного деятеля национально-освободительного движения, его прах был предан земле с почестями. Сукарно останется в памяти человеком, который внес большой вклад в дело борьбы за свободу и независимость своей родины, который хотел добра своему народу, но по своей натуре и личным слабостям не оказался на уровне задач, стоявших перед нацией.

Пафи

Джакарта шестьдесят седьмого года.

Джакарта шестьдесят восьмого года.

Еще можно прочесть кое-где на заборах, на стенах домов воинственные призывы к избиению коммунистов.

Еще можно увидеть кое-где следы погромов. На Крамат Райя разрушенное здание ЦК компартии наспех отремонтировано и приспособлено под какое-то учреждение.

Это следы событий 30 сентября 1965 года и дальнейшего террора. Шрамы на лице города. А сколько незаживающих шрамов осталось в душах людей? Сколько исковеркано, загублено жизнью, судеб? Сколько людей вышвырнуто за борт общества, стало отверженными, париями?

Вот по улице движется какое-то странное существо. Женщина. Возраста неопределенного. Судя по резким морщинам на лице, немолодая. Черная не от загара, а от грязи. Невообразимо грязны клочья ветхой одежды, слипшиеся и давно не чесанные волосы, ставшие какой-то бесформенной землистой массой. Засаленной тряпичной обмотана голень — незаживающая рана или язва. Тусклый взгляд женщины не выражает ничего, кроме беспредельно тупой и отчаянной отрешенности. Взгляд мертвеца или душевнобольного, утратившего всякие рефлексии и чувства.

Женщина идет, не замечая людей, не замечая ничего, не пытается просить милостыню. Скорее инстинктивно, чем сознательно, останавливается она возле

шайки нечистот и подбирает банановую кожуру, на которой осталось немного съедобной мякоти.

Кто она, эта бездомная, отверженная?

— Это Амина. Тронутая она, «оранг гила», как говорят у нас,— сказал мне всеведущий разносчик газет и выразительно хлопнул себя по лбу.— Она совсем не старая, как это может показаться на первый взгляд. Года двадцать три — не больше.

От бойкого газетчика я узнал следующую историю.

Амина была красивой стройной девушкой с толстым жгутом иссиня-черных волос, студенткой университета. Она вышла замуж за работающего парня, который был на три года старше ее. Акбар работал типографским мастером и возглавлял местную секцию молодежной коммунистической организации «Пемуда ракьят». Все считали их отличной парой. Хотя Акбар был всегда занят общественной работой и часто пропадал на митингах и заседаниях, он старался найти время и для жены. В воскресные дни Амина наряжалась в цветной саронг и забиралась к нему на раму старенького велосипеда, и они ехали в кино или на море.

Это произошло вскоре после событий 30 сентября. К ним в дом пришли вооруженные люди и схватили Акбара. Они били его, а потом, скрутив руки обрывками проволоки, бросили в кузов грузовика. Что-то хрустнуло, словно раскалывающийся кокосовый орех. Это Акбар с размаху ударился затылком о железный борт и раскроил череп. Когда грузовик удалялся, Акбар был еще жив. Амина слышала, как он кричал от боли. Все это произошло в полночь.

Под утро та же самая орава вооруженных молодчиков пришла снова. Амина приготовилась к худшему. Может быть, на этот раз пришли за ней, может быть, собираются делать обыск. А она не догадалась даже припрятать книги мужа. Что с ним сделали эти люди?

Старший из молодчиков с нашивками не то кап-рала, не то сержанта коротко бросил: «Мужа не жди. Нет больше его»,— и многозначительно подмигнул остальным. Те недобро захихикали и окружили молодую женщину кольцом, буравя ее липкими и въедливыми взглядами. Она еще не понимала, чего от нее хотят. Старший грубо схватил ее и бросил на циновку, кто-то другой зажал ей подушкой рот. Молодчики все по очереди надругались над Аминой. Они ушли с гордым ви-

дом победителей, забрав все, что представляло какую-нибудь ценность. Кому-то достался и ее праздничный саронг, свадебный подарок мужа, которого она никогда, никогда не увидит.

Днем пришел хозяин. Полуживая, растерзанная Амина плохо понимала, что он говорил. Кажется, что-то доброе, утешительное. Призывал в свидетели самого Аллаха и просил его покарать этих злых людей без чести, без совести. Но пусть она поймет и простит его, старого человека. Времена тяжелые. Эти головорезы могут расправиться и с ним только за то, что под его крышей живет семья коммуниста. Он боится не за себя, за своих детей. Пусть она поищет себе другое жилье.

Вокруг Амины была только темная, бессмысленная пустота. Был какой-то бессмысленный хаос звуков. И ничего больше.

Я часто встречаю на одной из центральных улиц безумную Амину, черную, растерзанную. Она медленно бредет, прихрамывая. Тусклый, отрешенный взгляд не выражает ничего.

Внезапно начинается тропический ливень. Плотная водяная завеса с шумом шлепается на асфальт, разбиваясь и растекаясь лужами. Прохожие бросаются под укрытия. Лоточники закрывают свой товар клеенкой и прячутся под листвой деревьев, бечаки забираются в свои коляски, натянув брезентовый верх. Амина медленно бредет, не замечая ливня.

Встречаю в магазине женщину с девочкой. Женщина окликает меня по имени. Пытаюсь вспомнить, кто она, где и когда мы могли познакомиться.

— Неужели я так изменилась? — говорит она, вымученно улыбаясь. — Помните Индравати?

Индравати, жена известного левого журналиста, хорошего моего знакомого! Это была полноватая темпераментная хохотушка. Теперь я вижу болезненную, высохшую, словно после тяжелой болезни, женщину. Как-то боязно пожать ей руку, неестественно тонкую. Ее дочка и вовсе тонюсенькая, хрупкая. И в то же время Индравати чистенькая и опрятная, сохраняющая достоинство. Платице на девочке старенькое, латаное, перешитое из чего-то, но белоснежное, отутюженное.

— Кое-как перебиваемся. У других дела похуже. Наши все живы, — говорит Индравати.

— Как муж?

— В джакартской тюрьме Салемба. Скоро два года, как ждет суда. Нам разрешают иногда видеться. Приходится подкармливать его. С тюремного пайка не порадуешься. В последнее время муж что-то прихварывает.

— У вас ведь трое детей...

— Уже четверо. И еще моя старенькая мама. Конечно, нелегко всех прокормить. После ареста мужа меня сразу уволили с работы в министерстве просвещения. Везде шла чистка. Мы ведь люди «старого порядка».

— Как же вы существуете?

— Как многие. Что можно продать — продали. У мужа была неплохая библиотека. Одно время мне повезло — я преподавала индонезийский язык одной богатой американке. Потом миссис узнала, что я жена арестованного коммуниста, и отказалась от моих услуг. Даже сделала мне выговор: «Что же это, моя милая, вы компрометируете нас. Мы с мужем дорожим репутацией фирмы». Бывали тяжелые дни, когда в доме не было ни грамма риса. Сейчас шью.

Я купил для девочки коробку конфет. Девочка бережно прижала к себе подарок и недоверчиво смотрела на меня большими, не по-детски строгими глазами.

— Я бы очень хотела пригласить вас в гости, о многом порасспросить. Но сами понимаете... За нами присматривают. Мы всего боимся. Я лучше передам мужу привет от вас.

Одна из тихих улочек Кебайорана, южного района Джакарты. Среди аккуратных особнячков выделяется полуразрушенный дом. Выломаны оконные рамы и двери, разбита черепичная кровля. Во дворе запустение.

Дом обитаем. Часть его кое-как приспособлена под жилье. Заделаны пробоины в крыше. Вечером светится единственное уцелевшее окно, половина его заделана картоном.

Перед домом я обычно вижу высокую сухопарую женщину в очках, строгую и интеллигентную. Она похожа на учительницу или библиотекаря. Перед женщиной убогий лоток с сигаретами и спичками. Место здесь не бойкое. Покупателей почти нет. Женщина ка-

кая-то безучастная ко всему, словно стыдится своего занятия.

Я не знаю истории этого дома и его обитателей. Не знаю, что заставило интеллигентного вида женщину торговать спичками. Вероятно, это люди «старого порядка».

Уличный торговец, жилистый, голенастый, бежит вприпрыжку с гибким коромыслом на плече и выкрикивает что-то зычным гортанным голосом. Его крики не спутаешь с криками мясника, зеленщика или булочника. Это продавец метелок. На концах коромысла подвешены корзины с товаром. Выбор богатый — здесь и метелки из птичьих перьев, чтобы стирать пыль с картин, безделушек и дорогой мебели, и садовые веники из прутьев, и кухонные швабры, и маленькие метелки — кисти из нейлоновых нитей с длинной бамбуковой рукоятью, специально для чистки висячих люстр, и еще разные щетки, щеточки на все случаи жизни.

Торговец всегда останавливается перед калиткой моего дома и бойко расхваливает товар. Мы уже старые знакомые. Я знаю, что зовут его Абдула и что не он владелец всех этих щеточек и метелок, он лишь «агент большого господина». Сам «большой господин» имеет хозяйственную лавочку — ветхий дощатый сарайчик на ближайшем базаре. В поздний час, когда лавочка закрывается и превращается в место ночлега «большого господина» и его многочисленных чад, Абдула расстилает на земле перед входом старую рогожу и тоже устраивается на ночь.

Я встречаю его традиционным приветствием — вопросом «Апа кабар?», т. е. «Как дела?»

— Байк секали, — отвечает мне с широкой улыбкой Абдула. Это означает — очень хорошо, отлично. Правила хорошего тона требуют, чтобы в разговоре с клиентом он всегда улыбался и показывал свое хорошее настроение. Так учит своего агента «большой господин». Абдула долго был бездомным бродягой и сейчас дорожит работой, дорожит этой старой циновкой у порога. Может быть, он сумеет со временем поставить собственную хижину.

Если же говорить начистоту, у него не так уж много причин для приветливых улыбок, для хорошего настроения. Иногда Абдула откровенничает со мной.

Как он попал в Джакарту? О, это печальная исто-

рии. Вскоре после сентябрьских событий в его деревне в Центральной Яве начали резать коммунистов и барисановцев, членов левой крестьянской организации «Барисан тани». Они требовали справедливого передела земли, защищали безземельных арендаторов, разоблачали злоупотребления ростовщиков и кулаков. Этому не могли простить богатей. Людей хватали ночью, связывали им руки, выводили к реке и кололи копьями и криками. Трупы бросали в воду. Свирепствовал отряд мусульманской молодежи, в основном сынки богачей. Один из этих раскормленных парней хвастал тем, что мог пронзить копьем с одного удара сразу несколько жертв, связанных вместе. Это он называл «делать сата*».

Он, Абдула, не был ни коммунистом, ни барисановцем. Он исправно ходил в мечеть и никогда не ссорился с деревенскими главарями. Дом его стоял на самом берегу широкой реки. Дни были тревожные. Не раз Абдула и его беременная жена просыпались ночью от криков и стонов, которые слышались где-то рядом. Однажды они вышли из хижины и стали свидетелями страшного зрелища. По реке плыли трупы. Много трупов. Было полнолуние, и поэтому можно было различить лица некоторых жертв. Абдула узнал среди них пожилого соседа, отца большого семейства. Всех его детей тоже куда-то увели. Вдруг жена пронзительно крикнула. Совсем близко от берега плыло тело низкорослого парня, ее брата. Каратели схватили его дня три назад и, вероятно, сразу же убили и бросили в воду. Труп сперва затонул, а потом всплыл, разбухший, опутанный тиной. Мертвый парень плыл на спине, слегка покачиваясь, скрючив на груди руки, словно пытаясь выдернуть из смертельной раны на животе обломок копья. Абдула пытался с помощью бамбукового шеста достать тело из воды. Жену нервно лихорадило. Все-таки она помогала мужу, стараясь не глядеть на страшно изменившегося брата. Вдвоем они похорошили убитого. Жена Абдулы умерла через несколько дней, родив мертвого ребенка.

Всеми делами в деревне заправлял богач Кусно, возглавлявший и деревенскую секцию мусульманской партии. Он каким-то образом узнал, что Абдула похо-

* С а т э — индонезийское национальное блюдо типа шашлыка.

ронил убитого брата жены. Этот Кусно везде имел глаза и уши.

— Ребята могут убить тебя,— сказал он Абдуле.— Я бы не хотел этого. Ты был примерный мусульманин. Я могу помочь тебе добрым советом...

— Что ты хочешь от меня, мас*?

— Оставь мне свою землю и уходи на все четыре стороны. Я дам тебе немного денег на дорогу. И не попадайся ребятам на глаза. Земля, разумеется, твоя. Ты получишь ее обратно, когда все уладится и страсти поостынут.

Конечно, он, Абдула, никогда больше не вернется в родную деревню. И пусть этот нахал, Кусно, подавится его землей.

Ко мне как-то пришел индонезиец лет тридцати и протянул визитную карточку.

«Инженер Бурхан, докторантус. Фирма „Бурхан Лимитед“. Ремонтно-строительные работы»,— прочел я.

— Не нужно ли мистеру побелить потолок, прочистить канализацию или исправить электропроводку?

— Нет, не нужно.

Инженер, докторантус Бурхан, глава фирмы, был искренне огорчен. Он протянул мне еще пачку визитных карточек.

— Может быть, у мистера есть друзья, нуждающиеся в моих услугах. Гарантирую хорошее качество и срочное исполнение.

Через пару дней я встретил инженера, шагающего по улице в заляпанном белилами комбинезоне, с малярной кистью. Фирма, которую он представлял в единственном числе, действовала.

Вернувшись на родину с дипломом одного из лучших западноевропейских инженерно-строительных институтов, Бурхан получил место в государственной фирме. Способный инженер быстро дослужился до начальника отдела. Был активным левым националистом, убежденным сукарновцем и сторонником сотрудничества с коммунистами. В 1966 году его арестовали и бросили в тюрьму. Правда, никаких серьезных обвинений молодому инженеру предъявить не могли и включили его лишь в категорию «с», т. е. не слишком

* М а с — по-явански господин, почтительное обращение.

опасных врагов «нового порядка». Через несколько месяцев влиятельный дядя, полковник, помог Бурхану выйти из тюрьмы. Но большего сделать для крамольного племянника он не мог. Все двери государственных учреждений были для него закрыты. Безуспешными оказались попытки устроиться и в какую-нибудь частную фирму. Ни один владелец фирмы не хотел связываться с политически неблагонадежным. Вот и вынужден был стать дипломированный инженер главой собственной фирмы «Бурхан Лимитед», а точнее, простым мастером.

Иногда трагическое соседствует со смешным.

В китайском ресторанчике, куда заглядываю полакомиться сатэ и жареными лягушачьими лапками, ко мне подсел какой-то немолодой господин.

— Не возражаете?

— Нет, отчего же.

Господин, румяный, добродушный, искал собеседника и собутыльника. Отрекомендовался служащим одной западноевропейской фирмы. Поговорили о Лоуренсе Оливье и кавказском шашлыке. Потом мой случайный знакомый взял нить разговора в свои руки.

— Я вам расскажу одну забавную историю, а может быть, прустную. Арестовали моего секретаря. Как арестовали? Как всех теперь арестовывают. Пришли парни с ружьями, и нет моего Рашиди. Шеф разбушевался. «Что вы можете сказать о вашем секретаре, черт вас подери?» А что я могу сказать? Честный, исполнительный малый, хороший почерк, немного говорит по-испански, но произношение неважное. «Я не про то вас спрашиваю, — перебивает шеф. — Какова его политическая ориентация?» Откуда мне знать про его политическую ориентацию? На лбу об этом не написано. Пусть будет хоть американским мормоном или индийским йогом, только бы с работой справлялся. «У вас, Гарри, не голова на плечах, а пустой кокосовый орех», — взревел шеф и высказал уверенность, что в Соединенных Штатах такого беспечного гражданина обязательно привлекут в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

Недели через две является ко мне мой Рашиди с синяками и ссадинами на опухшем лице. Видимо, над его физиономией здорово успели потрудиться. С ним пришли двое из военной полиции — капрал и солдат.

Представьте мое удивление и растерянность. Что от меня надо?

Капрал с изысканной вежливостью извинился за беспокойство. Мы, мол, решили, что мистеру будет приятно повидать своего секретаря. Мистер мог бы даже покормить маса Рашиди обедом и снабдить сигаретами. Надеемся, что и наша любезность будет оценена, хотя бы в пачку хороших сигарет. Конечно, это нарушение строгих тюремных правил, но что поделаешь? Средств на сносное содержание всех заключенных не хватает. Поэтому начальство иногда позволяет подкармливать их где-нибудь на стороне. Можно было бы и в дальнейшем оказывать мистеру подобную любезность.

Шеф назвал меня абсолютным кретином, когда я доложил все по порядку. Он полагает, что я должен был сразу же послать к дьяволу этих вымогателей. «Поезжайте немедленно в тюрьму, в полицию, куда угодно, — рявкнул шеф. — Убедите там кого следует, чтобы нас оставили в покое. Выразите от имени фирмы сожаление, что все так получилось. Не забудьте прихватить для подарков наши рекламные пепельницы. Вы все-таки если не полный кретин, Гарри, то кретинетти, как говорят наши друзья итальянцы».

Вот такие дела, сэр. Давайте выпьем за здоровье моего шефа.

Грустные, трагические истории, которые я слышал, могли бы составить целую книгу. Но хватит и этих. В чем провинились все эти люди: типографский мастер, журналист, крестьянин, инженер, их семьи? Почему одни физически уничтожены, другие брошены в тюрьмы, третьи, оставаясь на свободе, стали бесправными париями?

Все они объявлены врагами «нового порядка», инновниками сентябрьских событий. Понятие «коммунист» отождествляется сейчас с понятием «участник движения 30 сентября 1965 года». «Новый порядок» официально возложил ответственность за великую национальную трагедию на Коммунистическую партию Индонезии в целом.

Справедливо ли это?

О сентябрьских событиях написано немало статей и брошюр, очерков и толстых научных фолиантов. Десятки зарубежных профессоров приезжают в Индонезию

ню, чтобы по горячим следам воссоздать картину недавних событий и дать им свою оценку. Реакционные авторы со злорадным удовлетворением пишут о разгроме Коммунистической партии Индонезии как о величайшей услуге, которую оказала индонезийская революция международному империализму. Они подхватили официозную версию об ответственности КПИ за сентябрьские события и назидательно изрекают: «Вот вам наглядный образчик того, что такое коммунизм!»

Однако любой сколько-нибудь объективный, даже буржуазный исследователь убежден в непричастности Коммунистической партии в целом и других левых организаций Индонезии к сентябрьским событиям. Поэтому ради истины напомним, что же произошло 10 сентября 1965 года.

Это было выступление одного из батальонов президентской охраны под командованием подполковника Унтунга и еще нескольких мелких воинских подразделений, например части персонала военно-воздушной базы. Путчисты выражали настроения определенных кругов младшего офицерства, недовольного тяжелым экономическим положением и политикой правительства. В выступлении также приняли участие несколько сотен наспех вооруженных членов левых молодежных групп. Позже стало известно, что о подготовке сентябрьского выступления знали и были с ним прямо или косвенно связаны и некоторые лидеры и видные члены левых организаций. Речь идет о лицах, пользовавшихся в Индонезии определенной репутацией людей пропекинского толка.

Среди немногочисленных участников сентябрьского выступления оказались весьма разношерстные, пестрые элементы. Наряду с отдельными коммунистами можно было встретить армейских офицеров вроде Унтунга. Но и последние не составляли однородной массы. Были среди них, по-видимому, и сочувствующие коммунистам, были и беспринципные авантюристы. Для этих последних главными стимулами выступления были эгоистичные, карьеристские соображения.

Итак, произошло нечто странное. Вместе оказались некоторые члены крупной и славной своими революционными традициями партии и сомнительные честолюбцы в военных мундирах. Что же заставило пред-

ставителей левых сил, пусть и немногих, втянуться в это рискованное, авантюристическое предприятие?

Ответ на этот вопрос нужно искать в той своеобразной ситуации и расстановке политических сил, которая сложилась к середине 60-х годов. В стране наблюдалось относительное равновесие сил между левыми во главе с коммунистами и правыми во главе с армейскими генералами. Правые, опасавшиеся растущего влияния КПИ и неудовлетворенные политикой Сукарно, который, по их мнению, потерял чувство меры в заигрывании с левыми, планомерно готовились к нанесению удара по левым силам, к захвату власти. Руководящая верхушка компартии знала об этих планах реакции и приняла решение поддержать акцию левой военной группировки Унтунга, когда это выступление стало реальностью. Идею превентивного удара внушали левым силам пекинские руководители, рассматривавшие Индонезию как орудие в своей внешнеполитической игре. Китайские маоисты убеждали руководителей КПИ в том, что силы реакции в Индонезии слабее, чем это кажется, и что в стране назрела революционная ситуация. Действительная или мнимая болезнь Сукарно ускорила ход событий. Каждая из противоборствующих сторон опасалась, что другая опередит ее и выступит раньше, воспользовавшись состоянием здоровья президента. Широкие народные массы, рядовые коммунисты ничего не знали о готовившемся выступлении, приобретавшем характер попытки путчистского переворота. Некоторые из его военных участников смотрели, по всей вероятности, на своих партнеров лишь как на средство, нужное для достижения собственных корыстных целей, временных попутчиков, которые в дальнейшем не понадобятся.

В ходе выступления путчистов было убито несколько генералов и видных офицеров, в том числе начальник штаба сухопутных сил генерал Яни. Они стали жертвами стихийной расправы толпы. Делалась попытка арестовать генерала Насутиона. Но вооруженная группа, которой было поручено схватить его, толком не знала, где находится дом генерала, и ворвалась во двор иракского посольства. Кое-как перепуганные служащие посольства смогли убедить солдат в их ошибке. Найдя наконец дом Насутиона, путчисты обозначились, приняв за самого генерала его адъютанта, ко-

который стал отстреливаться и поплатился жизнью. Наутро тем временем успел скрыться, перемахнув через высокую ограду и получив легкое ранение. Сторонники Унтунга захватили государственную радиостудию столицы и успели передать в эфир обращение к населению, в котором говорилось о создании так называемого Революционного совета. В него были включены некоторые из членов правительства Сукарно. О дальнейших целях совета ничего определенного не говорилось.

Уже с первых часов выступления стали очевидны просчеты его руководителей. Надежды на последующую массовую поддержку населением и армией движения 30 сентября оказались несбыточными. Для народных масс выступление Унтунга выглядело полной неожиданностью, цели провозглашенного Революционного совета были абсолютно не ясны. О реальной расстановке сил в армии руководители сентябрьского путча имели самое приблизительное представление, переоценивая число своих сторонников. Весьма вероятно, что они были введены в заблуждение умышленной дезинформацией, к которой прибегала военная верхушка, чтобы подтолкнуть левые силы к авантюристическому выступлению.

Отряды Унтунга отошли из столицы в район военно-воздушной базы Халим, намереваясь сделать ее своим опорным пунктом. Но вскоре сюда подошли силы стратегического корпуса под командованием генерала Сухарто. Не делая попыток принять бой, участники выступления рассеялись. Горстке плохо подготовленных людей противостояли кадровые армейские части, вооруженные всеми видами боевой техники. И за пределами столицы сухопутные силы, за исключением отдельных мелких подразделений в Центральной Яве, Центральной Суматре и еще кое-где, оставались на стороне реакции. Вскоре военное командование сделало хозяином положения в стране. Для подавления путча понадобились не слишком значительные силы.

Лучшего предлога для широкого наступления на левые силы реакция не могла и желать. По всей стране разбушевался кровавый террор, отделения компартии и других демократических организаций были разгромлены. В этой трагической ситуации руководители компартии не попытались обратиться к массам и органи-

зовать отпор. Наивными и беспочвенными оказались и надежды на влияние и авторитет президента. Сукарно поспешил откреститься от левых сил и под давлением реакции даже обвинил их в участии в путче. Это не помогло президенту сохранить власть. Он и был нужен победителям. Через некоторое время фактическим главой исполнительной власти стал малоизвестный до сих пор генерал Сухарто, ставленник военных кругов.

А тем временем террор продолжался. Реакционеры разжигали среди отсталой, неграмотной части мусульман религиозный фанатизм, внушали им, что во всех бедствиях повинны коммунисты. Были схвачены и убиты без суда и следствия ведущие лидеры КПИ Айдит, Лукман, Ньюто. Другие крупные руководители, например Ньюно, Судисман, были преданы суду и приговорены к смертной казни. Разные источники и авторы называют разное число жертв, но большинство сходится на цифре 300 тысяч.

Во все школьные учебники истории вошел хрестоматийный пример Варфоломеевской ночи как кровавой и вероломной расправы над политическими противниками. Тогда французские фанатики-католики прославились избиением тридцати тысяч гугенотов. Индонезийские масштабы террора превосходят масштабы Варфоломеевской ночи по меньшей мере в десять раз.

Индонезийские тюрьмы переполнены политическими заключенными. Власти и не делают из этого секрета. В феврале 1969 года католическая газета «Компас» опубликовала большую статью, основанную на беседе корреспондента газеты с генеральным директором тюрем Куснаном. По признанию этого должностного лица, в 324 индонезийских тюрьмах томится 60—65 тысяч человек. Вероятно, это далеко не полная цифра, так как здесь не учитываются заключенные специальных военных тюрем или же находящиеся в наспех оборудованных местах заключения, а также высланные на поселение. По свидетельству «Компаса», почти все тюрьмы не отвечают элементарным требованиям и приходят в ветхость.

Индонезийская печать пишет о намерении правительства постепенно осуществить массовую высылку десятков тысяч заключенных в районы джунглей Центрального Калимантана, Молуккских островов, Запад

ного Приана. Такая участь готовится только для рядовых коммунистов и членов других массовых левых организаций. Руководящие деятели и активисты КПИ должны предстать перед судом, который выносит обычно в таких случаях приговоры: смертная казнь, пожизненное заключение. Власти пытаются объяснить свое намерение выслать большую массу заключенных на отдаленные острова как некое справедливое социально-воспитательное мероприятие. Оно-де позволит избежать от обременительных расходов на содержание заключенных, предоставит им возможность обеспечить себя и заодно вовлечет их в освоение новых земель, что приведет к расширению сельскохозяйственного производства. В итоге подобного трудового переселения все эти люди станут полезными с точки зрения «нового порядка» членами общества. На деле же такое переселение будет означать для людей тяжелые лишения, непосильный физический труд, изнурительные болезни, голод, гибель многих из них. В качестве первого шага власти направили партию политических заключенных на Буру, один из малонаселенных Южно-Молуккских островов.

Во время судебного процесса над одним из лидеров Коммунистической партии Индонезии — Ньюно. Конвойные ведут обвиняемого

Как показывает опыт переселения в Индонезии, для эффективного освоения новых земель где-нибудь на Калимантане или в Западном Ириане нужны серьезные капитальные затраты, специальная техника для расчистки джунглей, осушения болот. Поэтому правительство пока что смогло перевезти из густонаселенных районов Явы лишь очень незначительную часть ее избыточного населения. Но и эти немногочисленные переселенцы, лишенные необходимой помощи, как правило, бедствуют на новом месте. Многие бросают предоставленную им землю и уходят в ближайший большой город в надежде найти там какой-нибудь заработок. Высланные на поселение коммунисты будут лишены возможности более или менее свободно распоряжаться своей судьбой и обречены на голодный каторжный режим.

У крестьян Западной Явы

Северо-Западная Ява — плоская, расчерченная водораздельными дамбами однообразная равнина с мозаичным узором рисовых полей-савах. Поля сменяются деревушками. Возле легких хижин, крытых черепицей, а чаще камышом, можно увидеть бананы и папая. Тонкоствольные папайи увенчаны зонтиками замысловатых ажурных листьев, словно вырезанных из жести, и пучком продолговатых плодов. На горизонте синеют горная вершина и цепь холмов, покрытых чайными кустами. За ними неширокий пролив, отделяющий Яву от соседней Суматры.

Неужели это Ява? Где же ее экзотика? Той первозданной экзотики, которую здесь многие ожидают увидеть, давно нет. Джунглей на острове почти не сохранилось. Любой клочок земли, будь то крутой склон горы, или овраг, или даже узенькая полоска у обочины шоссе, возделан. Сравнительно небольшой остров и свыше семидесяти миллионов жителей! Немногие районы земного шара могут потягаться с Явой в плотности населения.

Мы выехали с рассветом. Солнце еще не поднялось над алым горизонтом, а крестьяне уже трудились на полях. Сколько нечеловеческих усилий нужно затратить, чтобы оросить участок, вспахать землю, высадить

темно-зеленые стебельки рассады, уследить, чтобы не смыло ее потоками воды во время ливней, а потом дожидаться урожая, сжать и обмолотить колосья. Деревянный плуг и пара буйволов — вот обычные орудия производства крестьянина. А если их нет — мотыга или заступ и собственные мускулы.

Индонезийцы еще в глубокой древности стали применять искусственное орошение полей. И сейчас обычно всей деревней возводится сложная система дамб, водохранилищ, отводных каналов и канав. С ее помощью крестьяне ухитряются орошать участки, лежащие выше уровня естественного водоема. Каждый крестьянский участок окружается земляной насыпью, чтобы поддерживать воду. Уровень воды регулируется с помощью бамбуковых трубок, проложенных сквозь невысокую насыпь.

На полях женщины срезали маленькими серпами стебли с тяжелыми колосьями. Босоногие мускулистые мужчины сеяли мелкой рысцей по обочине дороги снопами риса на коромыслах. В илистой речушке, поричневой, словно кофейная гуща, ребятишки купали буйволов. Эти огромные животные с массивными рогами смело вступают в бой с тигром и безропотно подчиняются малышу.

Поднялось солнце, и наступил обычный зной. Крестьяне укрывались от солнца под широкими конусообразными шляпами из рисовой соломки. Оживились бары. Повстречалась какая-то пестрая процессия. Впереди шли парни с гонгами и барабанами, за ними — празднично разодетая толпа.

— Свадьба, — пояснил наш шофер, уроженец здешних мест.

В следующей деревне мы вновь услышали мелодичные звуки гонга. Опять процессия, на этот раз побогаче. Целый оркестр, а за ним двигались экипажи с невестой и женихом, многочисленной родней. Малорослые, словно пони, яванские лошадки были украшены пестрыми лентами и цветами. Сзади оживленная толпа соседей и друзей. Мужчины и женщины в праздничных саронгах.

Мы обогнали процессию и остановились в маленьком городке возле продавца фруктов. Продавец предложил нам связку золотисто-желтых бананов и сказал, прислушиваясь к приближающимся звукам оркестра:

— Женится Суварно, мой дальний родственник. Этот может пыль в глаза пустить. Богатый человек. У него почти полтора гектара савах.

— Разве это много? — спросил я.

Мой собеседник подумал и не без самодовольствия сказал:

— Я не самый последний бедняк в деревне. Имею три десятых гектара савах да еще выращиваю бананы. Если покупают мои бананы, могу кое-как свести концы с концами. А у многих и этого нет. Приходится арендовать землю у богачей.

Выходит, что владелец полутора гектаров и впрямь почти богач. А на владельца нескольких гектаров уже смотрят как на помещика. Такой, как правило, не обрабатывает землю сам, а сдает ее в аренду крохотными наделами односельчанам. Потом продавец бананов рассказал нам, что сезон уборки урожая — это обычно и время деревенских свадеб. Церемония обходится недешево, если следовать общепринятым традициям. Даже такому богатому человеку, как его родственник Суварно, нелегко собрать столько денег, чтобы заплатить улему за богослужение, нанять музыкантов, экипажи, угостить друзей и родных. Потом придется несколько лет выплачивать долги. Некоторым крестьянам приходилось даже закладывать землю, продавать скот.

— Года два назад я помогал младшему брату устраивать свадьбу. Обряд был не таким пышным, как у Суварно. Мы не могли нанять экипажи и пригласить оркестр. И все-таки пришлось занимать деньги у богатого соседа. Потом мы оба целый год отработывали долг.

— Разве земельная реформа не коснулась вашего района?

— Крестьяне, конечно, слышали о ней. Кажется, несколько лет назад правительство приняло такой закон, чтобы перераспределить землю и помочь беднякам. Разве это справедливо, когда в руках нескольких хозяев столько же земли, сколько у всей остальной деревни? У сотен семей вообще нет земли или ее так мало, что за счет собственного урожая можно кормиться лишь в течение двух-трех месяцев. Лурах, сельский староста, и еще кое-кто из богатеев забеспокоились и переписали часть земли на сыновей, даже на

Их примеру последовал и улем. Крестьяне ждали, что между ними поделят хотя бы холмы. На них можно выращивать пальмы, папаю, а если хорошо потрушиться, то и рис. Прежде на них англичане сажали банановые кусты. Но холмы перешли к государственной компании. Лурах сказал, что реформа здешних земель не касается, так как в округе нет излишков земли.

Музыка и звук бубенцов становились все громче. Пострая свадебная процессия, обрастая все новыми и новыми участниками, приблизилась к базарной площади. Продавец бананов засуетился. Ему тоже хотелось присоединиться к толпе гостей. Оставив с нераспроданными фруктами сына, мальчугана лет десяти, он пожелал нам доброго пути и побежал к процессии.

Собственно свадьба с музыкой и угощением устраивается в доме жениха или невесты, обычно там, где молодые остаются жить. Перед домом сооружают временный навес из бамбуковых жердей, украшенный лентами, флажками, цветами. Богачи позволяют себе иногда иллюминацию из электрических лампочек или фонариков. Под навесом собираются гости. Для жениха с невестой и музыкантов устраивают помост. Обычно ни одна деревенская свадьба не обходится без национальных танцев.

В деревнях и городах мы не раз видели навесы, приготовленные для свадебных торжеств. Кое-где уже собирались гости.

Проезжаем большую деревню с белой мечетью. В стороне от деревни нечто вроде выселка, несколько убогих хижин. Перед одной из них сидит, скрестив ноги, дряхлый старик. Перед ним его товар — спелые кокосовые орехи.

Не купить ли нам кокосов и не утолить ли жажду?

Старик ловким ударом ножа-голока отсекает часть скорлупы, но лишь столько, чтобы образовалось небольшое отверстие. Пью теплый маслянистый с каким-то необъяснимым привкусом сок. Не скажу, чтобы он мне нравился. Но надо отдать справедливость, кокосовый сок хорошо утоляет жажду.

Старик словоохотлив и старается завязать с нами беседу.

— Все ушли на свадьбу, — говорит он и смеется беззубым сморщенным ртом. — А я слишком стар,

чтобы веселиться с молодыми. Вот присматриваю к дому.

— Много ли тебе лет, бапак? — спрашиваю я старика.

— Сорок три мне, — не сразу отвечает он.

Я искренне удивлен. Только сорок три! Выходит, я старше его. А на вид ему можно прибавить еще двести три десятка. Видать, жизнь не баловала этого прежде временно состарившегося крестьянина.

— Земля есть? — спрашиваю опять.

— Э, какая там земля! Я уж и не помню, когда наша семья владела собственным участком савах и снимала с него урожай, — отвечает старик и саркастически смеется, словно речь идет о чем-то забавном.

Крестьянин выбирает из своей жалкой кучки орехов самый большой, ловко подбрасывает его на ладони, как мячик, снимает ножом слой скорлупы и протягивает орех нам.

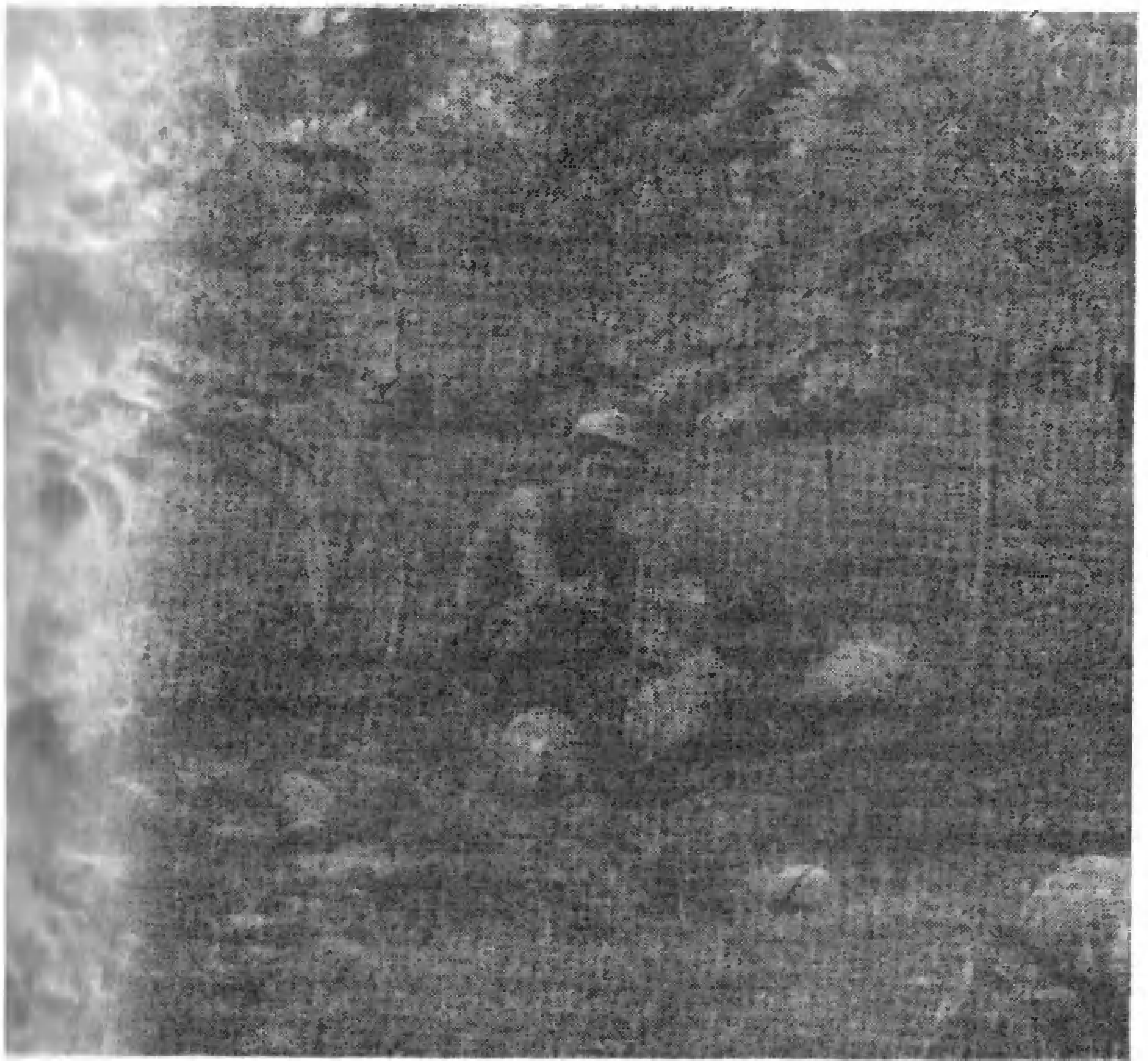
— Угощайтесь. Нет, нет, вы мне ничего больше не должны. К нам редко кто заглядывает, и я бываю рад гостям. Заходите, присаживайтесь. Если это вам интересно, расскажу кое-что про свое житье-бытье.

К крытой камышом хижине пристроен навес. Под ним грубые бамбуковые нары, покрытые соломенной циновкой. На стене вырезанный из старого журнала портрет генерала Судирмана, командовавшего республиканскими войсками на Яве в период борьбы против интервентов, и фотография молодого солдата в рамке. Хозяин пояснил, что это он сам.

— Воевал с голландцами под Бандунгом. А что завоевал? Посмотрите на мое жилище.

Сама хижина — крохотная каморка с земляным полом, без окон, два на четыре метра. На полу жесткая циновка, которая служит постелью для всех членов семьи, бедная утварь, корзинка для платья. Никакой мебели.

Мы слушаем рассказ крестьянина. Обычная история, которую мог бы рассказать любой бедняк. Его отец еще владел собственным полем, но таким маленьким, что когда несколькими братьям пришлось делить отцовское наследство, то делить, собственно говоря, было нечего. Нашему знакомому достались только овца и вот эти несколько десятков квадратных метров, на которых стоит теперь его хижина да растут

Яванский крестьянин, разделяющий кокосовые орехи

ние пальмы и бананы. Пришлось арендовать землю у богатого туана. Условия аренды обычные: половина урожая — владельцу земли, половина — арендатору. Но жадному туану и этого было мало. Он норовил урвать побольше с бедняка арендатора. Одолжишь у хозяина пару буйволов или старый заступ — за все плати. А потом он придумал особую плату за воду, за пользование ирригационными сооружениями, хотя все знали, что сам хозяин не вложил в ирригацию ни одной рупии. Вот и доставалась арендаторам не половина урожая, а только четверть или того меньше. Бывший солдат, воевавший с интервентами, попытался как-то раз поспорить с хозяином, заговорил о справедливости. Богатый туан не стал спорить, а сказал:

— Если тебя не устраивает хозяин, поищи себе другого. Ты больше не арендуешь мою землю. Я могу распоряжаться ею как хочу.

Попытался было бедняк просить землю в аренду у других богачей, да никто не захотел связываться со строптивым арендатором. Прежний хозяин постарался создать ему самую скверную репутацию в деревне.

После этого пробовал старик с двумя такими же горемычными бедняками ловить питонов. Красивую шкуру питона можно выгодно продать на пляже в Мераке богатым иностранцам, падким до всяких диковинок. Но питоны давно перевелись в этой местности, и теперь попадаются лишь полевые ужи. Только однажды посчастливилось поймать хороший экземпляр в дальних холмах.

Эти и многие другие встречи показали мне, насколько сложна аграрная проблема в современной Индонезии. Официальные органы не скрывают этой сложности. В печати можно найти любопытные цифры, характеризующие систематическое обнищание яванского крестьянина. На Яве проживает 64,93% всего населения страны, а площадь этого острова составляет менее 7% общей площади Индонезии. Из года в год сокращается и без того мизерная средняя площадь земли, приходящаяся на одно крестьянское хозяйство. Сейчас она оценивается не более чем в 0,3 гектара. За этой средней цифрой кроется нищета многих миллионов крестьян, не имеющих и этого жалкого клочка земли и вынужденных арендовать землю на кабальных условиях у богачей.

Нельзя не считаться с объективным фактором перенаселенности Явы и близлежащих островов Бали и Мадур. Но нельзя не видеть крайне неравномерного распределения обработанной земли. Ее значительная часть сосредоточена в руках кулацко-помещичьей верхушки, препятствующей справедливому перераспределению. Нередко, идя на поводу у этих сил, власти фетишизируют фактор перенаселенности и, по существу, прикрывают им свою неспособность осуществить демократическую аграрную реформу.

Может быть, равнина Западной Явы, о которой мы вели речь, район исключительной бедности, нищеты крестьян? Вовсе нет. Ту же самую картину можно наблюдать и в Центральной и Восточной Яве, где автору не раз доводилось бывать.

Едешь по шоссе из Джакарты в Бандунг и дальше в Джокьякарту. И всюду скученность. Ску-

ничуть неопиcуемая. За всю дорогу не встретишь нигде даже клочка нетронутых джунглей, невозделанной земли. Все распахано, долины разрезаны межами-дамбами на крохотные наделы. И здесь террасы рисовых полей взбираются на крутые склоны холмов. Рисовые поля сменяются плантациями: чайными, каучуковыми, гикриного тростника. К серой ленте асфальта жмутся хижины. Города, городки, кампунги, деревни сливаются в сплошную многокилометровую улицу. Лишь на горных перевалах шеренги строений прерываются. А дальше опять хижины, мозаика рисовых полей. Такова щедрая и нищая Ява.

Перенесемся теперь на восток, в плодородную долину реки Брантас, которая у города Моджокерто разделяется на два полноводных рукава — Кали Мас и Норонг, впадающие в Мадурский пролив. Здесь, в одной из деревушек, живет семья героя следующего рассказа — Харсоно.

Судьба Харсоно

Дед Харсоно хотя и не был зажиточным, но и бедняком его никто не считал. Он никогда не ходил на поклон к старосте-лураку или китайцу-лавочнику, чтобы взять в долг до нового урожая под высокие проценты мешок риса. У деда было около гектара хорошей орошаемой земли, пара буйволов, участок с деревьями цитрусов. Разве этого недостаточно в плодородной долине Брантас для скромной жизни крестьянской семьи?

Об этом рассказывал отец. Деда Харсоно почти не помнил. Тяжелый крестьянский труд рано состарил и сторбил его. И никто из односельчан уже не сумеет указать дедовскую могилу на старом мусульманском кладбище, поросшем белыми магнолиями. Простые люди ставят над прахом своих близких лишь небольшие вертикальные дощечки. Поди разберись теперь, чья эта дощечка, почерневшая и подгнившая от времени, затерялась в зарослях.

Когда дед стал больным и немощным, сыновья решили делиться. Всех братьев было шестеро. Только самые младшие, Анвар и Ридван, еще не были женаты. Они считали себя образованными, так как после войны

с голландцами пытались продолжать учебу в ближайшем городке, в средней школе первой ступени. Но дальше второго класса дело не пошло. Пришлось помогать по хозяйству.

Старшие братья сговорились между собой, чтобы исключить Анвара и Ридвана из дележа отцовского наследства.

— Вы же грамотей, гордость семьи. На что вам деревня? Найдете хорошее место в городе,— говорил отец Харсоно, самый рассудительный и хитрый из братьев.

После долгих препирательств было решено, что Анвар попытается поступить на службу в полицию. Быть может, парню посчастливится дослужиться когда-нибудь до сержанта. Лурах вызвался написать рекомендательное письмо к дальнему родственнику, жившему в городе и женатому на двоюродной сестре полицейского начальника. За эту услугу пришлось сделать лурагу щедрое подношение. Ридвану братья выделили небольшую сумму денег, чтобы он смог обосноваться в Сурабае и открыть собственную торговлю.

Отец Харсоно получил по разделу четверть гектара саваха и несколько деревьев папай, поставил рядом с отцовской хижинкой, доставшейся старшему из братьев, новую, поменьше. Такую же примерно долю получили три других брата. Буйволлов пришлось продать. Вырученные деньги ушли на подарок лурагу, на обзаведение Ридвана, на похороны деда.

Харсоно был свидетелем частых семейных споров отца с дядьями. Споры были нудными, долгими, тяжелыми. Братья постоянно жаловались на нужду, выплескивали взаимные обиды, попрекали друг друга.

— Твоя земля лучше моей. А каждый из нас получил четверть гектара. Где же справедливость?

— Делили по жребию. Не надо было продавать буйволлов.

— Анвар парень с головой. Достиг бы своего и без этого письма кровососа-лураха.

— Что мы знаем об Анваре?

Действительно, о его судьбе братья ничего не знали. Быть может, он и сумел стать полицейским или проявить себя на каком-нибудь другом поприще, а может быть, не достиг ничего. Зато Ридван иногда навещался в деревню. Он гостил по очереди у каждого

на братьев, наедался рисовой похлебки и печеных бананов, как будто выдерживал до этого длительную голодовку в знак протеста против вопиющей несправедливости судьбы, не уготовившей ему стезю преуспевающего бизнесмена. Братья роптали на прожорливого Ридвана, но терпели и даже посылали гостинцы для племянников. Брат все-таки. Этому и вовсе не сладко живется.

Ридван был бойким на язык, прытким малым, но всего лишь рыночным лоточником. Торговал всякой мелочью: метелками, циновками, спичками, пуговицами. Женился на девушке, работавшей за гроши прилугой у мелкого чиновника. Дети рождались каждый год.

Кроме торговли своим нехитрым товаром Ридван философствовал и изрекал мудрые мысли. Все-таки два класса школы давали ему некоторое основание чувствовать свое превосходство над деревенскими родичами. Когда братья возвращались с поля и собирались вместе, Ридван начинал рассуждать:

Деревня подобна сосуду с водой, как говорил мой школьный учитель. Вы бросаете в этот сосуд соль. Она растворяется. Вы бросаете еще и еще. И вот наступит момент, когда соль не может больше раствориться. Вода перенасыщается. Вот так и деревня перенасыщается людьми по мере того, как вы плодитесь. Наступает время, когда ваша земля уже не может нас всех прокормить. Голодная деревня выбрасывает людей в город. Я и Анвар были первыми, но не последними в нашей семье. За нами последуют другие, может быть, кто-нибудь из вас, братья, может быть, ты, мой племянник Харсоно.

Как-нибудь выкрутимся,— без большой уверенности говорил отец Харсоно.

Выкрутитесь, если всерьез потрясете богачей.

Братья опасливо озирались по сторонам — нет ли невольного свидетеля их разговора. (У старого лураха висели свои наушники.) Но и сами они были давно убеждены, что неплохо бы потрясти богачей: старосту-лураха, его родственника Сантосо, возглавляющего местное отделение мусульманской партии, деревенского имама. На эту троицу трудятся, не разгибая спины, бедняки, безземельные арендаторы. У одного лишь лураха около сорока гектаров лучшей земли на берегу

Брантаса. Все его сыновья получили образование и хорошо пристроились в городе. Один — офицер, второй — чиновник какого-то департамента, третий держит нотариальную контору. Но и этих сорока гектаров лураха мало. Многие бедняки заложили ему свои наделы и сейчас никак не выпутаются из долгов. Не даром же братья, да и все односельчане называют лураха «линтах», т. е. пиявка, кровосос. На вид это благообразный седой старик в черной бархатной пичи. Обычно он сидит на открытой веранде своего дома в удобном ротановом кресле. У лураха добротный кирпичный дом под черепичной крышей, резко выделяющийся среди деревенских хижин. На стене веранды в видном месте портрет нынешнего президента и арабская вязь изречений из Корана, окантованных и под стеклом. Перед лурахом на складном резном столике раскрытый Коран. Впрочем, хозяин больше интересуется делами мирскими. Он просматривает газеты, прихлебывая из стакана душистый чай. Покончив с газетными новостями, старик настраивает японский трапециевидный приемник, подарок сына-нотариуса, и блаженно слушает музыку, полузакрыв глаза и покачиваясь в такт. Приходит с докладом молодой секретарь, заправляющий всеми делами в деревенском правлении, и терпеливо ждет разрешения присесть. Говорит вкрадчиво-почтительно, употребляя старинный уничижительный яванский жаргон, на котором должен был обращаться нижестоящий в феодальной иерархии к вышестоящему. Лурах доволен секретарем — исполнительен, расторопен и, главное, свой человек. Зять, не кто-нибудь. Муж его младшей дочери, сын местного имама. Что ж, когда-нибудь он по праву займет место своего тестя.

Не раз Харсоно наблюдал, притаившись за деревом у ограды лураха, как его отец или кто-нибудь из людей поднимался не без робости по ступеням веранды.

— Пусть бапак разрешит беспокоить его...

Лурах устало поднимает седую голову в бархатной шапочке, с грустной усмешкой кивает, приглашая сесть.

— Как здоровье, мас? Как семья, дети?

Старик почти не слушает посетителя. Он наперед знает, зачем к нему пришел отец Харсоно или кто-нибудь другой, о чем может его просить бедняк крестьян

ниш. Всеведущий лурах всегда знает, чем живет его деса*. Он говорит:

— Да, мас, это очень печально. Только четверть гектара, и такая большая семья... До урожая далеко. Ты правильно сделал, что пришел ко мне, к твоему старому бапаку. Разве все мы не одна семья, связанная исламом? Разве не общий наш долг помогать друг другу?

Для пущей убедительности лурах кладет костлявую палочку на Коран. Он умеет говорить приветливо и в то же время строго-назидательно.

— Я сумел накопить кое-что на старость и всегда рад поделиться с ближними. Все об этом знают. Ты не сумел разбогатеть, зато ты молод, здоров, сыновья живут с тобой. И я, больной и одинокий старик, завидую тебе. Я дам тебе риса до нового урожая. Ты вернешь долг с процентами, как это принято, и поможешь мне по хозяйству. Поможешь старому, одинокому бапаку, у которого нет в доме помощников. вспашешь мое соевое поле. И пусть твой сын Харсоно присмотрит за моими буйволами.

Крестьянин уходит, проклиная старого лураха. Но что поделаешь, если в доме не осталось ни одной меры риса? Хорошо еще, что дело не дошло, как у других бедняков, до заклада земли. Уже немало односельчан превратились в нищих арендаторов. Скорее бы объявили об этой самой реформе, о которой давно ползут по деревне слухи. Будет же когда-нибудь справедливое перераспределение земли. И тогда потрясут и старого лураха, и господина Сантосо, и имама, оставят им установленную норму, а остальное поделают между бедняками.

Хоть бы один гектар получить, — с надеждой горючили братья.

Реформа, реформа!

Долгожданной громом грянула новость, быстро распространившаяся по деревне. Крестьяне собирались толпами на базарной площади, перед мечетью. Грамотные читали вслух газету. Харсоно, вытянувшийся подросток, тоже читал газетные статьи и вместе с другими восхищался мудростью бапака президента, подписавшего такой справедливый закон. Харсоно кончил сельскую народную школу и на этом

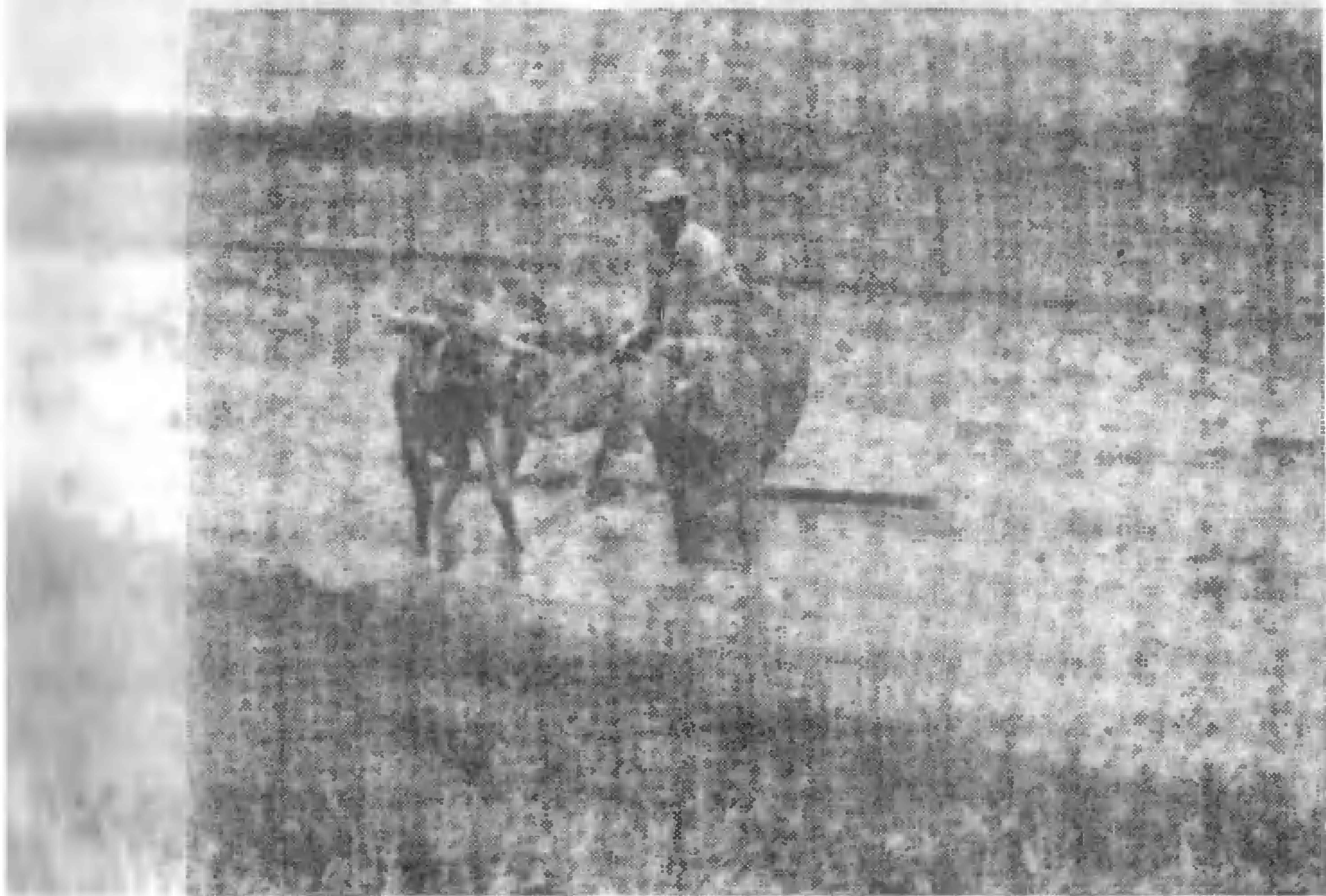
* Д е с а — деревня, сельская община.

завершил образование. У отца не было денег, чтобы учить сына дальше. Харсоно, как и взрослые, понимал, что реформа — это изъятие излишков у кулаков, помещиков. Излишки по праву получают такие, как его отец, люди. Чьи излишки? Конечно, старого лураха и его родни.

Волнение охватило и богачей. Лурах не выходил теперь на веранду и отсиживался во внутренних комнатах. Словообильный и суетливый толстяк Сантосо собрал экстренное заседание партийной организации. Для этого у него были серьезные причины.

Большинство жителей деревни считали себя членами мусульманской партии, и не потому, что членство это приносило какую-то ощутимую пользу. Скорее оно считалось по укоренившейся традиции признаком хорошего тона, своего рода признаком благонадежности. Сам старый лурах, имам и вся их родня принадлежали к мусульманской партии и входили в ее местное руководство. А ссориться с деревенской верхушкой никто не хотел. Существовала в деревне еще и секция одной из левых партий. Возглавлял ее инвалид войны — почтальон, в прошлом сержант, участник боев с голландскими интервентами. В боях за Сурабаю ему оторвало ногу, и теперь почтальон был вынужден пользоваться самодельной деревяшкой. Его помощником был молодой учитель. Вокруг них сплотилось около двух десятков крестьян. Все в деревне считали их чудаками. Лурах и другие богачи не упускали возможности бросить в адрес левых несколько желчных словечек: смутьяны, богоотступники, экстремисты. Но теперь односельчане обступали безногого почтальона и учителя и просили их еще и еще раз почитать про реформу.

— Не обольщайтесь. Такая реформа не лучшее решение проблемы, не лучший способ помочь вам. Излишки богачей не достанутся вам даром. Вы будете платить большой выкуп за землю. Но и эта реформа наверняка встретит сопротивление крупных землевладельцев. От вас самих, от вашей настойчивости и сплоченности во многом зависит, останется ли закон об аграрной реформе только на бумаге. Наша партия призывает всех крестьян требовать немедленного перераспределения земли. А что думает на этот счет мис Сантосо? Если верить его словам, то его партия только

Обработка рисового поля на Яве

и думает, как бы соблюсти ваши интересы. Пусть теперь он подтвердит свои слова делом.

Выслушав речь почтальона, крестьяне направились к дому Сантосо за разъяснением. Что думает мас насчет аграрной реформы? Что должны делать они, члены мусульманской партии, чтобы скорее получить обещанные излишки богачей?

Поскольку дело приняло такой оборот, Сантосо не мог больше отмалчиваться и созвал заседание. Говорил цветисто и пылко. Да, друзья, разве этот справедливый закон не свидетельствует о мудрости государственных руководителей, не забывающих о наших нуждах и чаяниях? Но помните и о том, что реформа — такой эксперимент, какого еще никогда не было в истории страны. Поэтому требуется время и терпе-

ние, терпение и время. Лучше повременить годик, другой, чем создавать почву для лишних обид и склок. Не так ли? Правительство попытается осуществить первый опыт в одном из районов, изучит результаты, сделает вывод, подходит ли этот опыт другим местностям. Конечно, партия отдает себе отчет, как нелегка жизнь яванского крестьянина. Нередко приходится слышать, что во всем виноваты богатые земледельцы. Верно ли это? Не руководит ли этими недовольными просто зависть к чужому богатству? Разве он, Сантосо, или бапак лурах отказываются помогать нуждающемуся? Конечно, долг полагается возвращать. Ведь и состоятельным людям даром ничего не дается. В этом ли все зло? Не виноваты ли в ваших бедствиях корыстные чужестранцы, скупающие по дешевке продукты вашего урожая? Ненасытные пиявки, люди чужой веры, злоупотребляющие нашим терпением.

Сантосо искусно повернул разговор в иное русло и обратил весь свой гневный пафос против китайских ростовщиков, торговцев, перекупщиков и конкретно против местного лавочника Тана. Действительно, Тан скупал у крестьян рис и сахарный тростник, иногда еще на корню, и перепродавал потом с немалой для себя выгодой городскому перекупщику. Тот в свою очередь, также с немалой выгодой, продавал тростник на сахарный завод, а рис — своим постоянным заказчикам, сурабайским лавочникам. Таким образом, за счет крестьянского труда наживалась многоступенчатая иерархия дельцов-китайцев, и г-н Тан был ее низшей ступенью. Сантосо пока не посвящал крестьян в причины своей антипатии к китайцам-конкурентам. Он и другие сельские богачи мечтали сколотить свой общинный кооператив, чтобы, минуя Тана и городского перекупщика, самим скупать у крестьян и перепродавать рис и сахарный тростник.

Речь Сантосо возымела действие. Убедить крестьян в той простой истине, что лавочник Тан — пиявка, спекулянт и эксплуататор, было не так уж трудно. Ватага парней, среди которых был и Харсоно, вооружилась камнями и палками и двинулась к лавке.

Тучный Тан с безразличным видом восседал, как всегда, за прилавком. Узкие щелки глаз терялись в складках заплывшего жиром лица, густо забрызган-

ного старческими родимыми пятнами. Монументальный лавочник напоминал позеленевшую от времени, испещренную мухами фигурку Будды из домашнего алтаря. Сыновья лавочника возились с товаром. Однако флегматичное безразличие г-на Тана ко всему окружающему было только внешним. Услышав воинственные выкрики приближающейся толпы, он моментально сообразил, чем это ему грозит, и тонким отрывистым голосом отдал распоряжение двум сыновьям. За несколько минут семейство Тан ухитрилось убрать внутрь товары, выставленные на лотке перед лавкой, и надежно забаррикадироваться. Это был тщательно отработанный, поражающий ловкостью и слаженностью номер. Номер, достойный хороших цирковых фокусников. Когда парни приблизились к лавке, перед ними вместо прилавка был плотный ряд толстых досок, задвинутых в пазы и перекрытых изнутри железным засовом с замком. Теперь Таны могли отсиживаться в своей лавке-крепости и терпеливо ждать, пока накалившиеся страсти не остынут сами собой и деревенская жизнь не войдет в обычную колею. На помощь полиции г-н Тан в таких случаях не очень-то полагался. Облеченные властью бапаки руководствуются изречением: «Нет худа без добра». Если людские страсти достигли критической точки кипения, пусть горлопаны и смутьяны обрушатся на какого-нибудь «камбунг хитам», т. е. козла отпущения. Китайский лавочник подходит для такой роли во всех случаях жизни. Для людских страстей, как для перегретого пара, нужен выхлопной клапан.

Парни обрушили на стены лавки град камней, сорвали вывеску. Пробивать прочные доски тараном не решились.

Приковылял на деревяшке деревенский почтальон.

— Чего вы добиваетесь, ребята?

— Тан — пиявка, эксплуататор, — задорно крикнул в ответ Харсоно.

— Разве один Тан? Прикроет он свою лавку, и вместо него станет скупать по дешевке ваш урожай вот же Сантосо. Что-нибудь от этого изменится? Что ты скажешь на это, Харсоно?

Что мог сказать Харсоно? И Сантосо говорил убедительно, и почтальон. Поди разберись, кто из них прав? Харсоно забросил в кусты палку и отправился

домой. За ним разбрелись и остальные. Их воинственный пыл угас.

Тан отсиживался еще несколько дней за прочным засовом. Деревня жила под впечатлением последних событий и как-то не обратила особого внимания на приезд сына лураха, франтоватого нотариуса. Мало ли кто заезжает к старику. Нотариус приехал с полным портфелем, набитым бумагами. В доме лураха сразу стало оживленно. Пришли Сантосо, имам со всей родней, о чем-то спорили, горячились, раскладывали на столе какие-то чертежи, подписывали какие-то бумаги. Нотариус скреплял бумаги своей именной печатью.

Крестьяне заподозрили недоброе только тогда, когда сын лураха уже уехал. Старый лурах вновь вышел на веранду и слушал музыку. Богачи не казались больше озабоченными.

Сантосо вновь собрал заседание и говорил пространно и витиевато. Всех волнует земельная реформа. Что ж, давайте потолкуем. Дело это, конечно, справедливое и хорошее. Никто не спорит. Но реформа касается всей Индонезии, а не одной Явы. Везде приходится учитывать местные условия. Ява отличается перенаселенностью, земельным голодом. Что надо делать? Где, у кого эти пресловутые излишки? Вы назовете состоятельных людей, например бапака лураха. Только что бапак оформил нотариальным актом раздел земли между сыновьями. Что же из того, что они не живут с отцом? Пусть кто-нибудь назовет такой закон, который запрещал бы отцу делить землю между детьми. Так же поступили и другие богатые люди, воспользовавшись своим правом. Разве они сделали что-нибудь противозаконное? Вот и получается, что в деревне никаких земельных излишков нет.

— Для кого же тогда принят закон? — слышался чей-то возмущенный голос.

— Как для кого, мас? Для тебя. Для всех нас, — невозмутимо ответил Сантосо. — Если ты согласишься переселиться на Калимантан, можешь рассчитывать получить там надел, предусмотренный новым законом.

— Какой надел? Джунгли, болота...

— Да, джунгли, болота. Трудись не покладая рук, и твоя земля принесет щедрый урожай.

Так вот зачем приезжал нотариус. Чтобы помочь Сантосо и другим кулакам проделать этот ловкий крюк с землей.

Ридван, приехавший погостить к братьям, сказал по этому поводу:

Бапак лурах и его друзья как карточные шулеры. Водятся на нашем базаре такие. Все их искусно в ловкости рук, в умении вовремя подсунуть нужную карту. Наблюдательный человек разгадает уловку и схватит шулера за руку, а простачок позволит себя обмануть.

Но ведь все делалось по закону,— возражали братья.

— Такие бапаки всегда повернут закон по-своему. С течением времени о реформе, о переделе земли перестали говорить. Мало ли всяких несбыточных планов и проектов предлагал президент? А все остается по-прежнему. Жизнь бедняков стала еще тяжелее, особенно после того, как деревня пострадала от стихийного бедствия.

Осенние ливни размывали большую дамбу. Оросительные сооружения давно уже не ремонтировались и с каждым сезоном дождей все больше разрушались. Правительство не выделяло средств для своевременного ремонта дамб, плотин, шлюзов. То тут, то там происходили наводнения. И вот мутные воды Брангаса хлынули на поля, смывая посевы, разрушая хижины.

Кулацкая верхушка ухитрилась извлечь выгоду даже из наводнения. Богачи, припрятавшие в амбарах большие запасы риса, стали продавать его по спекулятивным ценам или ссужать под высокие проценты. Голодающие бедняки, лишившиеся всего, были готовы на что угодно, лишь бы достать немного риса. После наводнения начался массовый уход крестьян в город. Одни не имели возможности засеять свой участок — семенной рис давно был съеден, другие лишились наделов, заложив их кулакам, третьи, давно не имевшие собственной земли, не могли больше терпеть кабальные условия аренды. Так покинул деревню сначала один, а потом другой дядя Харсоно. Его отец еще держался, батрача у лураха. Кормить большую семью становилось все труднее. Не раз отец заводил такой разговор с сыном:

— Отправлялся бы ты в город, Харсоно. Я уверен, что твой дядя Анвар большим человеком стал. Небось стесняется деревенских родичей. Оттого и не даст тебе себе знать. У Ридвана не бог весть какая торговля, а все же собственное дело. На первых порах он тебе поможет. А что тебя ждет здесь, в деревне? Отец твой почти нищий. А вас у меня пятеро.

Харсоно, ставший совсем взрослым парнем, согласился с доводами отца. Он теперь постоянно пасет буйволов лураха за одни харчи. Давно бы ушел Харсоно в город, да удерживает его привязанность к Фариде, гибкой большеглазой девушке, его ровеснице. Фарида — дочь многодетного безземельного арендатора. Ей нравится сильный плечистый парень. Когда Харсоно, взобравшись на широкую спину вожака, гонит вечером стадо к реке, Фарида как будто невзначай встречает его на берегу.

— А, это ты, Харсоно? Что нового?

— Все хорошо. Обожди меня, Фарида. Поболтаем.

Харсоно загоняет буйволов в воду и, искупавшись сам, оставляет животных в реке, выходит на берег и садится рядом с девушкой. Он рассказывает ей, что слышал когда-то от школьного учителя. Давно, давно поднимались вверх по Брантасу корабли с товарами. Невдалеке от теперешнего города Моджокерто была столица царства Маджапахит. Его могущественные махараджи не признавали власти никаких чужеземцев, они сами завоевывали соседние страны. Еще и сейчас возле деревни Тровулан можно видеть древние каменные сооружения, статуи, следы древней столицы.

Фарида слушает и думает о своем. Не раз предлагал ей Харсоно уйти вместе с ним в город. Может быть, им и посчастливится. Харсоно — славный парень. Правда, у них нет ничего, даже нарядного платья. Но разве испугает их физическая работа? Ведь они молоды и у них крепкие руки.

Но отец имеет на Фариду свои виды. Ей не даст прохода новый лавочник, младший брат Сантосо. Он купил лавку с остатками товаров у старика Тана, покинувшего наконец деревню. Всякий раз, когда девушке приходится покупать спички или соль, Сантосо младший угощает ее дешевыми леденцами или горстью прошлогодних орехов. Если же поблизости никого нет, лавочник, трусовато озираясь по сторонам, норо-

хотел облапить девушку, похлопать ее жирной липкой ладонью по щеке.

У лавочника жена, дети. Жена костлявая, с пропеченным лошадиным лицом, намного старше мужа. Она дальняя родственница супруги лураха. Все знают, что Сантосо женился на ней из-за приданого. Отец Фарида все еще надеется, что лавочник по-хорошему примет его дочери предложение. Ведь мусульманский адат не запрещает иметь двух жен. Но Сантосо-младший цинично откровенен:

— Я современный человек и не хотел бы официально брать вторую жену. Времена меняются. Сейчас многие не одобряют многоженства. Я бы взял твою дочь, старик, в качестве служанки. Она будет помогать мне в лавке, станет второй хозяйкой в доме. Если ты согласен, я не забуду о твоей семье.

Уж не знаю, что делать...— растерянно отвечал старик.— Не по адату твоя затея, мас Сантосо.

— Новые времена, новый адат. Впрочем, как хочешь. Любая нищая девка сочтет за честь...

Фарида как-то решилась рассказать Харсоно о предложении лавочника, о колебаниях отца.

— Я бы ушла с тобой, Харсоно, хоть на край света, если бы отец не возражал. Не знаю, что у него на уме.

У Харсоно инстинктивно сжимались кулаки. Он давно посчитался бы с этим наглецом-лавочником, если бы все его родственники не были всегда в долгу у семьи Сантосо.

И вот однажды на том же обрывистом берегу Фарида сбивчивым шепотом, глотая слезы, поведала Харсоно о своих горестях. Отец дал согласие лавочнику. Он долго молился и просил у Аллаха прощения. Нет, она не осуждает старика. Во всем виновата проклятая нищета. Отец так и сказал дочери, что теперь только она и мас Сантосо спасут семью от голода. Видно, так угодно Аллаху. Пусть она во всем слушается хозяина. Он добрый человек. Он согласился простить ему все старые долги, даже дает два мешка риса и обещает починить их хижину. И вот завтра она должна войти в дом лавочника.

Рука Фарида легла на плечо Харсоно. Она прижалась мокрой от слез щекой к его локтю.

Харсоно резко, почти грубо отстранил ее. Иди своей дорогой, Фарида, раз все так получается. Завтра ты

войдешь в дом маса Сантосо и уже не посмеешь отстранить его жирные, липкие руки. Ведь ты теперь его собственность. Дешево же тебя продали, Фарида, дешевле пары хороших буйволов.

Утром Харсоно распрощался с родными и покинул деревню. Он упросил сплавщиков, гнавших вниз по реке плоты из бамбуковых жердей, взять его с собой. Старый плотогон оглядел мускулистого парня и сказал:

— Ладно, будешь помогать нам.

Харсоно никогда не бывал дальше Моджокерто, административного центра области — кабупатена. Даже этот сравнительно небольшой город казался ему шумным, суетливым, а двухэтажные каменные здания, лавки богатых торговцев, купола мечетей и шпили церквей вызывали удивление. Город жил какой-то иной, неведомой и загадочной жизнью.

Огромная Сурабая ошеломила деревенского парня. По центральным улицам непрерывной вереницей двигались автомашины и бечаки. Витрины магазинов были наполнены удивительными и непонятными вещами. За зеркальными стеклами витрин, за высокими оградами, за стенами особняков был непостижимый мир сказочного богатства. Мир людей, которые могли разъезжать в автомашинах, покупать диковинные и дорогие вещи. Разве могли сравниться с этими городскими богачами старый лурах и г-н Сантосо?

Харсоно с любопытством разглядывал витрины, не постигая назначения выставленных предметов. Для чего, например, нужен этот ослепительно белый шкаф с электрическими проводами или странный деревянный ящик на колесиках, оскалившийся широкой пастью белых и черных зубов? А такие роскошные стулья, обтянутые цветной кожей, вряд ли купит и самый первый деревенский богач.

Впрочем, и в этом большом городе богатых людей, которым доступно все, что находится за зеркальными витринами, мало, очень мало. Даже в самых больших магазинах было пусто. Прохожие торопливо проходили мимо. Основную массу горожан составляли такие же бедняки: бечаки, рабочие, уличные лоточники, мелкие лавочники. Хозяйки торговались из-за каждой рупии, покупая немного овощей или кусок рыбы.

Больше всего поразило и испугало Харсоно мно-

множество нищих и бродяг в городе. Вереницы мужчин, женщин, стариков, детей бродили по улицам, останавливаясь у дверей магазинов и харчевен и с надеждой протягивая руку. Некоторые выпрашивали подаюшие деньги, другие вызывались посторожить автомашину или протереть стекла, третьи предлагали донести покупки с базара. Изредка хозяин лавки или состоятельный прохожий бросал нищему смятую бумажку с портретом президента, но чаще отмахивался от него и уходил прочь. Голодные люди рылись на свалках, в мусорных ящиках в надежде найти что-нибудь съедобное.

В городе было несколько тысяч безработных — таких же, как он, бедняков, кого безземелье и голод вышвырнули из деревни. Вдоль грязной извилистой речки, пересекающей город, тянулись длинными рядами шалаши, даже не хижины, а крохотные конурки из рогожи, кусков жести, старого картона и обрывков бумаги. В этих, с позволения сказать, жилищах можно было кое-как укрыться от дождя и солнца, от чужого глаза. Здесь можно было кое-как расположиться на ночлег, не имея возможности вытянуться во весь рост, но все же создав себе иллюзию крова. Во время сильных дождей шалаши и конурки размокали и разваливались. Но у многих не было и этого. Люди ночевали под мостами, в канализационных трубах, под навесами магазинов и контор, просто под открытым небом. Ночевали целыми семьями, здесь же рождались и умирали. На центральных улицах Сурабаи еще оставались трамвайные рельсы. Самого трамвая в городе давно не было. Ночью на шпалах между ржавыми рельсами бездомные расстилали куски рогожи и устраивались на ночлег. Все-таки не на голой земле.

Неужели и ему, Харсоно, уготована такая судьба — судьба бездомного бродяги? Неужели и ему не удастся найти работу?

Дядю Ридвана Харсоно разыскал лишь через несколько дней. Базаров в Сурабае было много, но ни на одном из них он не видел дядиной лавки. Хорошо, что отец собрал ему в дорогу немного денег. Питаясь у уличного разносчика, Харсоно смог протянуть до такого дня, когда встретил дядю на окраине города, в каком-то бедном кампунге.

Лавку дяди Ридвана и лавкой-то нельзя было на-

звать. Крытая тростником хижина два на два с половиной метра — не больше — и перед ней лоток с разной хозяйственной мелочью. Торгует жена дяди, тетушка Элия, окруженная малышами. Она давно уже не служит у чиновника. Чиновник вышел на пенсию и не может больше держать прислугу. Сам бедствует. Иногда он приходит к Элии и берет в долг спички, сигареты или что-нибудь съестное. Дяде Ридвану торговля давно опротивела. Он слонялся по базару, болтал с приятелями, комментировал последние городские новости, присочиняя что-нибудь от себя.

Ридван встретил племянника радушно и даже расщедрился по такому случаю на бутылку лимонной воды.

— Вот так и живем, племянничек. Как видишь, собственный дом, торговля. Детей четверо. Было еще двое, да померли. Ну, это дело наживное.

Судя по располневшей Элии, дядя не собирался подводить черту.

Весь вечер дядя слушал последние деревенские новости. Когда стали располагаться на ночлег, хозяева долго не могли решить, как быть с Харсоно. Наконец дядя придумал:

— Гостю самое почетное место. Элия, убери товары в дом.

Укрывшись от назойливой мошкары старым дядиным саронгом, Харсоно улегся на лотке перед хижинкой.

Утром Ридван спросил:

— И что ты думаешь делать, племянник?

— Что посоветуешь, дядя?

— Когда мы с Элией разбогатеем и откроем большой магазин на главной улице, я возьму тебя в помощники. Ты будешь стоять у входа в красивой батиковой рубашке и зазывать покупателей.

— Пустомеля, — вмешалась тетушка. — Ты все шутишь. Лучше дай парню настоящий совет.

— Без шуток было бы скучно жить, Элия. Тебе, Харсоно, вероятно, никогда не придется зазывать покупателей в наш большой магазин. Что я могу тебе посоветовать? Видел ты, сколько в Сурабае бездомных бродяг? Хорошо бы пристроить тебя садовником или сторожем в какой-нибудь богатый дом. Но, к сожалению, все мои друзья и соседи такие же бедняки,

как мы с тобой, и не нуждаются ни в садовниках, ни в сторожах. Все-таки я попробую что-нибудь придумать. Поброди и ты по городу. Может, тебе и повезет.

Харсоно понял, что на дядю особенно полагаться не приходится. Дядя Ридван сам едва сводит концы с концами. Нужно было уходить и самому заботиться о себе. Ридван не удерживал племянника, но все же сказал:

— Заходи, свои ведь. Что-нибудь попробую сделать для тебя.

Начались дни скитаний, однообразные и голодные, шивелки под открытым небом.

Сперва Харсоно настойчиво стремился найти постоянную работу. Он заходил в мастерские и магазины и спрашивал, не нужен ли мойщик машин, рассыльный или сторож. Но в его услугах никто не нуждался. Лишь однажды ему повезло. В течение нескольких

Крестьяне возвращаются с рисовых полей после жатвы

дней он работал на асфальтировании дороги. Подрядчик, чем-то напомиравший толстяка Сантосо из их деревни, набрал десятка два бродяг и нещадно обчитывал их. Работа была тяжелая, изнурительная. Вся дорожная техника состояла из лопаты и деревянного ручного катка. Поденный заработок был настолько мал, что его еле хватало на скудную еду. И все-таки это был заработок. А потом подрядчик перебрался в другую часть города и набрал новых рабочих из числа таких же безработных, в которых в Сурабае никогда не было недостатка. Он не имел обыкновения держать постоянных рабочих, с которыми не оберешься хлопот или, чего доброго, впутаться в разные профсоюзные дразги. Бездомный бродяга, вроде этого деревенского парня Харсоно, будет рад и нескольким рупиям и не помешает сделать хороший бизнес.

Неожиданно дядя Ридван пришел на помощь племяннику. Он уговорил одного из своих друзей, некоего Суброто, взять Харсоно в помощники. Суброто был разносчиком батиков. Он работал на одного богатого лавочника и получал комиссионные. Это был веселый изобретательный парень, любитель всяких прибауток. Дела у Суброто шли не так уж плохо. Он обходил дома богатых иностранцев, отели, появлялся у портовых причалов, где швартовались иностранные торговые корабли, наведывался в аэропорт. Суброто безошибочно угадывал в каком-нибудь американце или японце любителя экзотических сувениров и начинал артистически расхваливать дешевый фабричный батик, который обычно расползается после нескольких стирок. Он клялся и божился, что подобный батик мог прежде носить лишь сам сусухунан* Соло, что он, Суброто, уступает товар, которому не будет износа, за бесценок и непременно поэтому обанкротится, но готов на все ради хорошего человека, понимающего толк в вещах. Если же покупатель ничего не смыслил по-индонезийски, Суброто выражал ту же мысль на красноречивом языке жестов. Это был великолепный спектакль, в котором разносчик мастерски исполнял свою роль. В конце концов ему удавалось сбыть батик и без выгоды для себя. Поскольку дела у него шли не

* С у с у х у н а н — титул феодального правителя в Центральной Яве (до 1945 г.).

Суброто мог уже считать себя туаном и обзавестись помощником.

Теперь Харсоно, взвалив на плечо большой узел, следовал на некотором расстоянии за новым хозяином. Сам Суброто, приодетый, важно шагал впереди и наваливался на покупателей. По команде хозяина Харсоно развязывал узел и демонстрировал один за другим цветастые батйки. Постепенно он усвоил все хитрые артистические приемы Суброто и стал незаменимым действующим лицом в спектакле. Хозяин оценил способности помощника и купил ему новую рубашку, а также разрешил ночевать у порога своей хижины в кампунге. Вообще, этот Суброто был неплохим парнем, держался с помощником по-товарищески. За свою работу Харсоно получал харчи, а в случае удачной торговли — и несколько рупий.

Теперь он уже не бездомный бродяга и не новичок в большом городе. Заглядывая иногда к дяде, Харсоно приносил для детей какие-нибудь незамысловатые подарки — раскрашенный воздушный шарик или бумажного змея. Запуск змеев — любимая забава детворы на кампунгов.

Все как будто шло хорошо. Харсоно стал мечтать о собственной хижине, хотя бы совсем скромной и маляшской, такой, как у дяди Ридвана. Наверное, Суброто не откажет в просьбе дать взаймы немного денег. Но неожиданные события разрушили все мечты.

Тревожные заголовки в газетах... События 30 сентября! Убийство генералов в Лобанг Буая! Создание Революционного совета! Захват джакартской радиостанции! Попытка путчистов захватить власть провалилась! Армия спасает нацию от коммунистической опасности!

На газетных полосах мелькали имена убитых генералов, которых объявили теперь национальными героями. Часто упоминался какой-то неведомый для Харсоно подполковник Унтунг, вождь неудавшегося выступления; в статьях резко нападали на президента. На улицах города появилось много военных в разноцветных беретах, грохотали танки и бронемашины. Ползли слухи об арестах, о расправах над коммунистами. Возбужденная толпа громила китайские лавки.

Харсоно плохо понимал смысл происходящего. Во имя чего выступили так называемые участники движе-

ния 30 сентября? Кто такой подполковник Уигун? Почему вдруг коммунистов объявили врагами нации и армия должна спасти страну от коммунистов? Почему идет дикая расправа над мирными людьми? Почему президент Сукарно, мудрый отец нации, бунг Карно, подвергается насмешкам и оскорблениям, почему он не скажет в этот трудный час свое веское и авторитетное слово и не наведет порядок в стране?

С этими «почему» Харсоно обратился сначала к Суброто. Даже этот вечно неунывающий шутник был подавлен и угнетен последними событиями.

— Мы с тобой маленькие люди, Харсоно, — сдержанно ответил Суброто. — Наше с тобой дело торговать батиком, а не рассуждать о политике. Слава Аллаху, я никогда не был ни коммунистом, ни националистом. И вообще мне нет дела до всех этих партий. Все же не повредит, если я вступлю в мусульманскую партию «Сарклат Ислам». Мой хозяин — старый и влиятельный член этой партии. Он замолвит за меня словечко. Тогда уж никому не придет в голову подозревать меня в политической неблагонадежности.

С теми же вопросами Харсоно пришел к дяде Ридвану. Дядя ответил не сразу.

— Пойдем в дом, племянник, — сказал он. — Об этих вещах не следует теперь говорить на улице.

Опустив вниз циновку, прикрывавшую вход, Ридван перешел на доверительный шепот.

— Думаешь, я сам не задаю себе этих вопросов? Чего хотели участники движения 30 сентября? Почему бьют коммунистов? Что я могу ответить тебе? Многого из того, что сейчас происходит, мне и самому непонятно. Ясно одно, что хозяевами положения стали зеленорубашечники. Уж они-то не упустят такого великолепного предлога, чтобы свести счеты с левыми, участвовали те в движении или нет. Есть вести из нашей деревни. Лурах и Сантосо собрали мусульманскую молодежь, сынков богатеев. Помнишь хромого почтальона? Его убили. Хотели расправиться и с учителем. К счастью, ему удалось скрыться. Всех, кто говорил о земельной реформе, запугали. Многие бегут в город, опасаясь за свою жизнь. Теперь ты понял, для кого зеленорубашечники спасают нацию от коммунизма? Для таких, как Сантосо, и для туанов побогаче.

Харсоно не раз еще приходил к Ридвану. Дядя не приглашал его больше в хижину, ссылаясь на болезнь тети. Тетушка ждала младенца. Дверь хижины была надолго завешана циновкой. Ридван, озабоченный и испуганный, сам стоял за лотком с товарами перед хижинкой и неохотно отвечал на расспросы племянника.

И вот однажды Харсоно не застал дядю.

— Ридвана взяли этой ночью, — сказала заплаканный Элия. — Пришли солдаты и взяли его. А мне скоро рожать.

Разве дядя был коммунистом? Может быть, во всем виноват его острый язык? — спросил потрясенный Харсоно.

Тетушка призналась, что в последние дни Ридван прятал в хижине деревенского учителя, а за несколько часов до ареста отдал ему свой паспорт и куда-то пошел. Утром дядя намеревался пойти к местному лураку и поделиться своим мнимым несчастьем — в базарной суতোлке какой-то жулик вытащил у него из кармана кошелек с деньгами и паспортом. Дело обычное. Лурах сделает внушение растяпе, оштрафует его и прикажет секретарю выписать новый документ. Но, вероятно, кто-то из соседей-осведомителей подслушивал разговоры в хижине, через легкие стены из бамбуковой щепы хорошо слышен на улице и в соседних жилищах даже шепот. Когда пришли солдаты, учитель был уже далеко.

Новость быстро облетела кампунг. Об аресте Ридвана узнал и Суброто. Он сказал Харсоно:

— Ты был хорошим помощником. Из тебя бы вышел со временем дельный торговец. Но пойми меня правильно и не обижайся... Время такое... Я вступаю в «Сарекат Ислам». А ты, моя правая рука, племянник арестованного. Сам видишь, какое положение... Я должен взять другого помощника.

Суброто подумал и добавил:

— Я знаю твоего дядю и искренне жалею его. Пошлю-ка тебе мои старые сандалии... и, пожалуй, дам несколько рупий.

Харсоно распрощался с хозяином, не обижаясь на него. Этот Суброто был просто трусоват, он думал прежде всего о собственной шкуре и уж не пошел бы ради товарища в огонь и в воду. Небольшую сумму,

которую удалось скопить, и те деньги, что дал ему Субро, Харсоно отдал тетушке Элии.

Вновь потянулись однообразные дни голодных скитаний, ночевки на улице, безуспешные поиски работы. Харсоно стал присматриваться к бойким парням, которые неплохо ухитрялись зарабатывать на так называемом паркире. Паркир — стоянка автомашины. По написанному закону улицы за паркир полагалось платить несколько рупий добровольному сторожу.

Как только какой-нибудь «мерседес» или «фийат» останавливался перед рестораном или магазином, в машине подскакивал парень и услужливо открывал дверцу. Когда хозяин, закончив свои дела, садился в машину, парень деловито размахивал руками, делая вид, что помогает шоферу выехать на проезжую часть улицы. Принимая за свой труд бумажку, он протягивал хозяину машины для солидности самодельную квитанцию — все, как полагается. Если же хозяин не хотел раскошелиться и отмахивался от парня, у машины могла вдруг оказаться проколотой шина или исчез подфарник. Обычно это было делом рук самого сторожа — не оставляй машину без присмотра и не забывай о законах улицы.

Почему бы не попытаться заработать тем же способом, что и эти бойкие парни?

Харсоно выбрал тихую улочку, на которую выходил маленький отель. Ему сразу повезло. К отелю подъехал джип с двумя китайцами. Один из них сидел за рулем. Харсоно услужливо открыл дверцу. Китайцы вышли из джипа и направились к отелю. В открытом холле они громко о чем-то спорили, яростно жестикулируя, потом мирно распрощались. Один остался в холле и заказал себе пива, другой, тот, что сидел за рулем, возвратился к машине. Харсоно вновь открыл дверцу. Китаец машинально протянул ему несколько рупий. Харсоно с радостной поспешностью схватил бумажку и даже позабыл помахать руками перед джипом. Еще две-три такие удачи, и он смог бы сегодня неплохо пообедать у уличного разносчика.

Вот приближается еще одна машина, неуклюжий, облезлый «шевроле» старой марки. Харсоно устремился к нему. И вдруг на его пути встают два лохматых парня. Один из них, в красной куртке нараспашку, идет угрожающе:

Проваливай отсюда мигом. Слышишь?

Здесь наш паркир,— задиристо крикнул другой, тонкими, по-паучьи раскоряченными ногами.

Эта деревенщина, кажется, не понимает простых слов. Придется объяснить по-другому,— сказал первый, сжимая кулак.

Харсоно молниеносно оценил обстановку. Он, физически развитый крепыш, может потягаться с этими двумя, собственно говоря, с одним. Тонконогий мозгшик не в счет. Все-таки следует сперва сокрушить слабого, чтобы развязать руки для схватки с основным противником. Сильным ударом под вздох Харсоно свалил с ног одного, а затем железной хваткой сжал кисти обеих рук парня в красной куртке.

Может быть, не будем ссориться, приятель?

Его противник сквернословил и брыкался и в конце концов ухитрился ударить Харсоно головой в че-

Женщины-чернорабочие на асфальтировании дороги

люсть. Это разъярило Харсоно, и он основательно намял бока задире. Тонконогий тем временем поднялся и улизнул в отель за подмогой. Вскоре показалась орива слуг в форменных тужурках. Харсоно, надавав противнику увесистых тумачков, поспешил скрыться.

Он понял законы улицы и больше не вторгался в чужие владения.

Унылые дни бродяжничества...

Харсоно пытался стать разносчиком газет, сборщиком макулатуры. К сожалению, в городе было много всяких разносчиков и сборщиков, слишком много для одной Сурабаи. Харсоно продал старьевщику рубаху и сандалии, подарки прежнего хозяина, и несколько раз наедался досыта. Когда было совсем голодно, он рылся на свалке.

Один парень, такой же бродяга, надоумил его промышлять по харчевням. Чтобы хозяин не выставил за дверь, нужно играть роль разносчика какого-нибудь товара. Лучше всего раздобыть пачку старых книг и журналов. Иногда они попадаются на свалках и в мусорных ящиках. Пусть этот товар никому не нужен. Но с ним ты смелоходишь в харчевню и с видом делового человека направляешься к столикам. Все дальнейшее зависит от твоего проворства. Ты можешь взять объедки, пока их не собрала прислуга. Правда, рано или поздно хозяин надаст тебе по шее и с почетом выставит. Считай, что ничего страшного не произошло. Перебирайся в соседний квартал.

Жизнь неумолимо толкала Харсоно на самое дно, превращала его в профессионального бродягу, люмпен-пролетария. Сначала он тяготился праздным образом жизни, стыдился рыться на свалке, брезгал брать со стола объедки. Он с тоской вспоминал о деревне, о тех днях, когда пас буйволов или работал с отцом на поле, когда от здоровой усталости ломило тело. Но пришла каешь ко всему, даже к голоду. А голод притупляет стыд и брезгливость. Привык Харсоно и к образу жизни закоренелого бродяги. Однажды он встретил подрядчика, который когда-то нанимал его на асфальтирование улицы. Подрядчик узнал его и предложил поденную работу.

— Приходи, парень, завтра к Колонне героев. За работаешь немного рупий. Условия прежние.

Харсоно не пришел — проспал. А потом без сожаления

онья вспоминал о предложении подрядчика. Стоит ли за несколько жалких рупий гнуть целый день спину, разбрасывать лопатой тяжелый раскаленный асфальт и утрамбовывать его вручную?

На этом мы и закончим наш рассказ о судьбе Харсоно. Таких Харсоно многие тысячи, десятки, а может быть, и сотни тысяч в современной Индонезии. Они бегут из задыхающихся от безземелья и беспросветной нужды деревень. Бегут в большие города в поисках заработка. В городах найти более или менее постоянную работу удается редко, если не подвернется почти невероятный счастливый случай.

В Джакарте, Сурабае и других крупных городах Индонезии по обочинам дорог, на пустырях, по берегам рек и каналов, вдоль полотна железных дорог растут так называемые «кампунг лиар» — дикие поселки. Вершины убогих шалашей, палаток, конур, лачуг из рожи, кусков жести, старых досок. Растет армия люмпен-пролетариев, утративших производственные навыки, уже не способных к общественно полезному труду. Идет опасный процесс деклассирования. Его можно остановить, только если проводить терпеливую, последовательную и смелую политику, включающую целый комплекс социальных и экономических мероприятий.

Способен ли современный режим, «новый порядок», проявить эти качества — терпение, последовательность, смелость, — чтобы решить эти поставленные самой жизнью задачи?

Земля обетованная — горькая земля

Сможем ли мы когда-нибудь покончить с этим шом?

Не впервые задавал себе этот мучительный вопрос блинк валикота, иначе говоря, мэр большого яванского города.

О каком городе идет речь — не столь уж важно. Не важен для нас и военный чин его мэра. Может быть, даже он гражданский человек, а не генерал сухопутных сил, как губернатор Большой Джакарты Али

Садикин, и не полицейский полковник, как мэр Сурабаи Сукочо. Ведь из всякого правила есть исключения, хотя бы и немногословные.

Валикота объезжал свои владения и с тоской поглядывал из окна «бьюика» на кучки нищих, протягивающих руку за подаванием у бензоколонок и дверей магазинов, на все удлиняющиеся ряды лачуг. Он вспомнил старинную легенду о свирепом драконе, который рос не по дням, а по часам, стал больше самого могучего дерева варингина, больше горной цепи, наконец, больше всего острова Явы. Чудовище продолжало расти, пожирая все живое. Кажется, у этой легенды был счастливый конец. Нашелся один смелый богатырь, которому благоволили могущественные боги, и победил дракона с помощью магического заклинания. Об этом пел однажды, аккомпанируя себе на струнном инструменте кечапи, известный во всей округе слепой сказитель. Может быть, он сам выдумал эту легенду, переложив по-своему «Арджунавиваху», знаменитую древнеяванскую поэму об удивительных подвигах богатыря Арджуны.

В легендах все просто. Трудности преодолеваются, зло наказывается с помощью наивной хитрости или вмешательства богов. В реальной жизни все куда сложнее. Пока никто не открыл всемогущей магической формулы против такого, далеко не единственного и, может быть, не самого вопиющего в современной Индонезии зла, как вот эти разбухающие ряды лачуг.

Некоторые столичные бапаки убеждены или делают вид, что убеждены, в существовании такой магической формулы или универсального средства против всех социальных зол. Это, по их мнению, трансмиграция.

Наш валикота был не лучше и не хуже других мэров. Он искренне сокрушался, что бессилён очистить город от бродяг и нищих, провести в кампунги электричество, построить новые школы. Он занял свой пост сравнительно недавно благодаря связям с теми силами, которые составляют теперь опору «нового порядка», и сам признавал, что не имеет нужного опыта администратора.

Однажды валикота был по служебным делам в Джакарте и навестил своего дальнего родственника, видного правительственного чиновника. Может быть,

но советы будут полезны для неискушенного в административных делах провинциала. Родственник работал в директорате по делам трансмиграции. Он радушно встретил гостя в своем рабочем кабинете, в котором виселись макеты будущих поселков переселенцев, были развешаны карты и схемы.

— Вот где решение наших проблем! — с пафосом заявил чиновник, вооружаясь указкой и подходя к карте Индонезии. — Калимантан, Суматра, Сулавеси, Молуккские острова, наконец, Ириан... Огромные безлюдные территории, отличные климатические условия, плодородные почвы. Эти земли способны прокормить еще две-три страны, как наша. Мы вынуждены тратить значительную часть бюджета на импорт риса. Многие тысячи безземельных крестьян бегут в города и не находят там работы. Ява, Мадуро, Бали задыхаются от перенаселенности, земельного голода. Трансммиграция решает весь комплекс социальных и экономических проблем. Безработные находят применение своим силам. Увеличивается объем сельскохозяйственной продукции, и мы больше не тратим валюту для закупки риса в Бирме и Таиланде. Наконец, мы осваиваем новые земли, которые пока что лежат мертвым, нетронутым кладом. Вот районы, куда мы предполагаем направить поток переселенцев.

Указка чиновника скользнула по Калимантану, испещренному ниточками рек и штрихами болот.

— Посмотри макет типового поселка.

— Макет красивый, ничего не скажешь. Но каковы практические результаты всех ваших планов?

— Результаты пока не столь грандиозны, как нам бы хотелось...

— Я слышал высказывание министра труда. Генерал утверждает, что необходимо ежегодно переселять миллионы людей, чтобы число уезжающих превышало число рождающихся. Только в этом случае мы решим часть проблем. Удастся же переселять с грехом пополам не миллионы, а десятки тысяч. Да и из них добрая половина разбегается, столкнувшись на новых землях с немалыми трудностями и не получая ожидаемой помощи.

— Не надо быть таким пессимистом, мас. Главное, мы стоим на правильном пути. Правительство пока не может выделить нашему ведомству достаточно

средств. Доставка переселенцев на новые места, расчистка джунглей, осушение болот, помощь новоселам инструментами, инвентарем — все требует средств, и немалых. Часть этих средств, к сожалению, не доходит до переселенцев, оседая в карманах чиновников. Тем не менее мы должны внушать людям радужные надежды.

— Не хватает ли Корана? Он тоже внушает людям надежды на блаженство райской жизни.

— Я верующий мусульманин, мас, и не хотел бы привлекать Коран для вульгарных сравнений.

— Я тоже верующий мусульманин, как тебе известно. Но моя вера не закрывает мне глаза. Проблемы слишком серьезны, чтобы можно было отгородиться от них игрушечными домиками и картинками. Мы, провинциалы, лучше это видим. Послушай, что пишет губернатор Центральной Явы генерал-майор Мунали.

Валикота достал из портфеля газету, вооружился очками и стал размеренно читать:

Число людей, занятых поисками работы, растет, в то время как сфера применения труда не расширяется... Начиная с 1961 года и до сих пор ежегодный прирост населения Индонезии составляет 2,8%, но рост производства достигает лишь 1,8%. Итак, население ежегодно увеличивается на 3 миллиона человек, а численность рабочей силы — только на 1,3 миллиона. Это означает, что каждый год более миллиона людей приходит на рынок рабочей силы, который не в состоянии поглотить их. Поэтому число безработных и полубезработных неуклонно растет. По подсчетам, число безработных в Индонезии составляет 2—4 миллиона, а полубезработных — 13—14.

— Кто же против этого спорит? Я встречал и более внушительные цифры, — с философским спокойствием ответил чиновник трансмиграционного ведомства. Делаем, что в наших силах.

— Не обманываем ли мы себя всеми этими раскрашенными макетами, картами, диаграммами? Разумеется, заезжаем иностранцу, который не удосужился отправиться дальше богорского ботанического сада, такую выставку показать можно.

Родственник не обиделся и посоветовал на прощание:

— А ты поразмысли и сделай такую же выставку у себя. Хотя бы для заезжих иностранцев.

Валикота вернулся домой и, поразмыслив, решил, что совет родственника не столь уж плох. Его город был центром одной из самых густонаселенных областей Мьянмы. Отсюда периодически направлялись группы переселенцев на Калимантан. Люди ехали в этот обетованный край в организованном порядке, получая помощь от трансмиграционного ведомства. Ехали и сами по себе, на свой страх и риск, если удавалось собрать деньги на дорогу. И все-таки этот поток переселенцев был жалким, жиденьким ручейком. Несколько сотен человек за последние десять лет. Число безработных бродило в городе не убавлялось, а росло, росли и ряды лавочников. Представители политических партий, члены местного совета народных представителей нередко обращались к городским властям с запросом — что делается, чтобы смягчить остроту социальных проблем. На первых порах удавалось отделяться стереотипно уклончивыми ответами. Что, мол, поделаешь, если прежний «старый порядок», возглавляемый Сукарно, оставил такое тяжелое наследие.

И вот муниципальные власти позаботились о народной агитации. В одном из помещений мэрии вывешены большую карту Индонезийского архипелага. От подсвеченного электрической лампочкой кружочка, обозначающего данный город, на север, к различным районам Калимантана, тянулись стрелки. На столах выставлялись изящные модели домиков переселенцев. Схемы и диаграммы рассказывали о дальнейших планах трансмиграции. Валикота сам поднатаскал одного бойкого, красноречивого парня из отдела информации. Тот, быстро усвоив уроки начальника, вооружался уверенкой и говорил о трансмиграции с пафосом, не хуже того столичного чиновника.

Теперь валикота выслушивал представителей политических партий и направлял их к бойкому парню. Тот, барабаня указкой, словно тамбурмажор гарнизонного оркестра, ораторствовал:

Мы не скрываем правду. Результаты пока не столь грандиозны, как нам бы хотелось. Но мы стоим на правильном пути. Перед нами ясные перспективы.

Детище валикоты показывали теперь и иностранным гостям наряду с другими достопримечательностями города: батиковой фабрикой, развалинами древне-индонезийского храма. На днях представился случай

показать выставку одному западноевропейскому журналисту. Это был вполне благонадежный человек из вполне благонадежной страны, корреспондент крупной газеты, на которую часто ссылалась правая индонезийская печать.

Как только европеец появился в городе, заработала сложная машина специальных служб и ведомств. На следующее утро начальник безопасности доложил мэру, что корреспондент нанес протокольные визиты в различные службы и корректно, но твердо отклонил предложенные услуги. Он хотел бы сам ознакомиться с древними памятниками в окрестностях города, побеседовать с руководителями местных партийных организаций. Европеец остановился во второразрядном отеле «Сарасвати» без кондиционеров — вероятно, скуповат. Вечером он пил пиво в баре отеля в компании голландца, протестантского пастора. А потом оба бродили по антикварным лавкам и спрашивали старинные крисы.

— Полагаю, что гость не опасен. Пусть себе смотрит памятники и покупает крисы, — сказал валикота, выслушав доклад.

— Я тоже так думаю, мас. Но для верности мы с ним присмотрим. Он намерен также побывать в деревнях и ознакомиться с аграрной проблемой, а также собрать статистические данные о доходах и жизненном уровне городских ремесленников.

— Присмотрите, — согласился валикота. — Черны бы побрал этих корреспондентов. Вечно суют нос, куда не следует.

В день отъезда иностранный журналист был принят мэром города. Валикота был приятно польщен, когда гость приветствовал его на сносном индонезийском языке и поблагодарил за предоставленную возможность ознакомиться с городом и его окрестностями.

— Как вы находите наш город? — спросил мэр, протягивая гостю резную шкатулку с яванскими сигарами. Гость взял сигару и, затягиваясь, ответил с откровенной бесцеремонностью:

— Знаете ли, бапак, в вашем городе со мной приключился такой анекдотичный случай. Прошу администратора отеля достать для меня чернил. Из-за моего неважного индонезийского произношения администратор не совсем точно меня понял и вместо чернил

привел ко мне в номер уличную девицу. Ха-ха-хя...
«тинта», т. е. чернила, звучит по-индонезийски
как «чинта» — любовь. Этот услужливый парень
огорчился, когда я объяснил ему, что мне нужно,
и выпроводил его вместе с девицей. Хорошее начало
вашего газетного очерка, не правда ли?

— Все это очень печально,— сказал, вздохнув, валикота.— Мы всеми силами боремся с нищенством, проституцией, продажнымничеством. Может быть, если вы придете в наш город через десяток лет, вам не предложат гулящую девку.

Последнюю фразу валикота произнес с наигранным оптимизмом. Он ожидал теперь новых подвохов. Этот голландоевропейский писака вовсе не был так прост.

— Вот и расскажите, бапак, как вы намерены побороть со всеми вашими социальными бедами. Это мне очень интересно.

— Что ж, извольте. Мы наметили четкий и определенный путь,— с достоинством ответил валикота и увел гостя в соседнюю комнату, где размещалась выставка. Он мог бы и сам прочитать лекцию на эту тему, но решил, что это была бы слишком большая честь для какого-то самоуверенного газетчика. Пусть лекцию читает молодой помощник. Валикота остался лишь в качестве слушателя, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на гостя задуманное им мероприятие. К мэру присоединился весь его штаб в лице помощников, начальников служб и отделов. Был и главный фоторепортер из местной газеты. Гость внимательно слушал лектора, не перебивая, и даже что-то записывал в блокнот.

— У вас есть вопросы, туан? — обратился мэр к корреспонденту, когда молодой человек закончил рассказ.

— Какие же могут быть вопросы, бапак? Я прослушал отличную лекцию. План интересный — осушение джунглей, красивые поселки. Но я не вижу здесь конкретных цифр, которые бы показывали реальность выполнения плана в ближайшие годы и десятилетия.

Чиновник информационной службы растерянно вошел указкой по схемам, отыскивая спасительные цифры, как ученик у доски, не выучивший урок.

— Не утруждайте себя,— остановил его гость.— Все необходимые цифры у меня есть. Перед самой

поездкой я детально изучил ваш пятилетний план экономического развития и просил компетентных индонезийских экономистов дать ему оценку. Некоторые из них убеждали меня в том, что самое ценное в плане — это его реальность. Его составители не стремились якобы удивить мир грандиозным размахом, не шли давались целью ломать исторически сложившуюся традиционную структуру экономики, а планировали необходимый минимум.

— Совершенно верно, — согласился валикота. — Сохраняется аграрно-сырьевой характер нашей экономики. Предпочтительное развитие сельского хозяйства, повышение его продуктивности, восстановление разрушенных временем и стихийными бедствиями прибрежных сооружений.

— Ваши экономисты выражают опасения относительно реальности плана. Вы слишком полагаетесь на иностранную помощь. Что будет с вашим планом, если страны-кредиторы не проявят той щедрости, на которую вы рассчитываете, и не дадут новых кредитов? Ведь всякий кредитор когда-нибудь захочет не только давать займы, но и получать долги обратно. Разве не так? Ваши долги уже сейчас составляют...

Журналист любил точность и стал листать блокнот.

— Два с небольшим миллиарда долларов, — сказал валикота.

— Два с половиной, как писала недавно газета Национальной партии «Сулух Мархаен», — уточнил корреспондент. — Но допустим, план будет выполнен целиком. Какой необходимый минимум мероприятий предусматривает он для решения сложных и болезненных социальных проблем?

— Большой раздел плана посвящен трансмиграции, — перебил валикота.

— За все пятилетие намечено переселить 125 тысяч семей, или примерно 620 тысяч человек. Население же вашей страны за пятилетие возрастет на 15—18 миллионов. Это значит, что проблемы занятости населения, продовольственного снабжения, аграрная станут еще острее. Вы согласны?

— У вас, как видно, цифры и факты припасены на все случаи жизни, — грустно похвастался гостю валикота.

Цифры и факты убеждают меня, что трансформация в ваших условиях — дело хотя и полезное, но дорогостоящее. Она не может решить ваши социальные проблемы. Очевидно, ее нужно сочетать с индустриализацией, аграрной реформой, жестким режимом экономии. Армию вы, наверное, не сократите. Не станет же ваш «новый порядок» рубить сук, на котором он сидит. Да и с аграрной реформой у вас что-то не клеится.

— Вы рассуждаете так, как у нас рассуждали коммунисты.

— Значит, кое в чем они были правы. Не пугайтесь. Банак, по своим взглядам я католик и от коммунизма далек. Могу даже назвать себя умеренным антикоммунистом.

— Как понимать ваше определение «умеренный антикоммунист»? — вмешался присутствовавший там начальник службы безопасности.

— Это значит, что я не считаю коммунистов во всех случаях неправыми и не одобряю ваших методов борьбы с ними.

Банак валикота деликатно поспешил перевести разговор на другую тему. Гость видел все трудности и контрасты большого яванского города. Пусть же он объективно напишет об этом в своей газете. Городу не хватает электроэнергии, питьевой воды. Во время муссонов каналы выходят из берегов и затопляют жилища бедняков. У городского муниципалитета нет средств на расширение электростанции и водопроводной сети. Может быть, развитая западноевропейская страна, которую представляет гость, вложит свои капиталы в городское хозяйство и поможет городу?

Гость пообещал написать самый объективный репортаж о своих впечатлениях. Что же касается вопроса об инвестициях, то это вне его компетенции.

Этот западный корреспондент и испортил настроение валикоте. Начальник службы безопасности доложил ему, что гость фотографировал не только шиваитские памятники и Колонну героев, но и лачуги на окраинах и скопища бродяг.

Проезжая теперь через главную площадь, украшенную по примеру других яванских городов Колонной героев, валикота болезненно поморщился. Опять здесь ютились бездомные мусорщики. Женщины рас-

стелили на траве выстиранные в канале лохмотья. Резвились совершенно голые ребятишки. Одна семья успела соорудить нечто вроде палатки из невообразимо ветхого полотнища и, как видно, собиралась обосноваться здесь надолго.

Валикота выругался про себя. Сегодня же нужно принять меры, чтобы очистить от бродяг хотя бы площадь и прилегающие к ней кварталы, где находились важные учреждения. Небось приткий европеец сфотографировал и это.

Через некоторое время валикота собрал всех своих ближайших помощников. Он долго говорил о чести города и его традициях, вспомнил о боях с голландскими интервентами, происходивших в окрестностях два десятилетия назад. Потом он в осторожных выражениях заметил, что некоторые должностные лица забывают порой об этих традициях и позволяют своим ким бездельникам портить внешний вид города, устраивать свои сборища чуть ли не под окнами муниципалитета, собственно говоря, это недосмотр городских властей, в том числе и его, валикоты. Имена начальников полиции и военного гарнизона дипломатично не упоминались. Ссориться с полицейскими и военными властями валикота всегда избегал в силу выработавшегося инстинкта самосохранения. Ни ты ни другой практически ему не подчинялись и всегда могли использовать поддержку влиятельных лиц в местном военном округе или в столичных штабах. Военным ничего не стоит добиться отставки неугодного мэра или перемещения его на худшую должность, если к тому же у мэра нет никакого армейского или полицейского чина.

Начальник полиции, моложавый майор, пришел, однако, упрек на свой счет и возразил:

— Бапаку известно, что мы с помощью войск гарнизона периодически очищаем город от бродяг.

— Разве можно вычерпать воду из дырявого баркаса консервной банкой? — добавил начальник гарнизона, грузный подполковник с хмурым лицом.

Совещание перешло к вопросам финансов. Из провинциального бюджета городу и области выделялась некоторая сумма на трансмиграцию. Сумма не ахти какая. Все же можно было включить в число переселенцев около сотни семей из числа городских жителей.

На деревенской улице

чел. Следовало обсудить, как лучше использовать выделенные средства.

— Вот и включим самых злостных бродяг, правонарушителей,— с армейской прямоотой высказался подполковник.— Церемониться с ними и тратить время на уговоры нечего.

— Я не совсем с вами согласен, мас,— попытался возразить валикота.

— Как это не согласны? Разве не от бродяг у нас болит голова? Мне все равно, прельщает их эта обещанная земля или нет. Возможно, придется применить самые крутые меры к этим людям.

— Вы меня не так поняли, мас. Я хотел лишь дополнить кое-что к вашим справедливым словам,— сказал примирительно валикота.— Пресса и радио должны широко осветить эту кампанию и оценить ее как проявление заботы «нового порядка» о народе. Жела-

тельны интервью с отъезжающими, выдержанные в оптимистическом тоне.

— Я солдат и привык полагаться на силу штана а не пера,— сказал начальник гарнизона.— Но в принципе ваша мысль, бапак, не так уж плоха. Не попросить ли нам майора поделиться здесь своими личными впечатлениями о Калимантане. Ведь он прекрасно знает этот остров.

Начальник полиции много лет служил на Калимантане и лишь недавно был переведен на Яву благодаря родственным связям в порядке повышения по службе. Поэтому он мог многое рассказать об этом крупнейшем острове архипелага.

Люди, мечтающие о новой жизни, о собственной земле, о рисе, добытом честным трудом, называют Калимантан землей обетованной. Столкнувшись с неожиданными неведомого им острова, переселенцы назовут его горькой землей.

Природа Калимантана сурова и безжалостна к людям. Лесные даяки говорят, что это боги джунглей яростно противятся вторжению непрошеных пришельцев в их владения. Малярийные комары, прожорливые муравьи, скорпионы величиной с крупного рака и ядовитые змеи — еще не самые заклятые враги человека. Нужен титанический, почти нечеловеческий труд, чтобы отвоевать у джунглей небольшой участок земли, оросить его или, наоборот, осушить. Джунгли со всех сторон наступают на расчищенный участок. Со стремительной быстротой вновь вырастает кустарник, расползаются цепкие лианы, пробивается сорняк-трава. Она особенно опасный враг для земледельца. Жесткая и острая, выше человеческого роста, несъедобная для домашнего скота, трава пускает глубокие корни. Сколько ни борись с ней, ни выкашивая ее крепким даякским ножом-парангом, она дает новые ростки. Только огонь умерщвляет ее, но пеня долго. Сорняк высасывает из почвы все питательные соки.

Допустим, удалось отвоевать землю у джунглей и посевы не заглошило сорняками, не смыло разликом капризной лесной реки. Теперь на поля обрушивается новый враг — тикус. Полчища крыс-тикусов с ненасытной прожорливостью пожирают созревшие колоса.

Конечно, техника и химия легко преодолеют все

ни трудности. Мощный бульдозер справится с любым одностовольным деревом, кустарником, сорняком и превратит непроходимую чащобу в ровную, как стошница, площадку. Не надо далеко ходить за примерами. Русская техника пробивала на Калимантане тропы и джунгли, оставляя после себя широкую полосу шоссейной дороги. С помощью химии можно было бы справиться и с тикусами, и со всеми другими вредителями сельского хозяйства. Но у переселенцев нет ни бульдозеров, ни химии. У них вообще нет ничего, кроме собственных мускулов.

Начинается жестокий поединок человека с природой. Первым не выдерживает тот, кто уже давно покинул деревню, утратил навыки крестьянского труда и многие годы бродяжничества. Скучное подъемное хозяйство и семенной рис давно съедены. Люди бросают землю и бегут в ближайший крупный город — Банджармасин, Понтианак, Самаринду, Баликпапан — в надежде найти там хоть какой-нибудь заработок. Хорошо, если посчастливится стать бечаком, портовым грузчиком или рабочим нефтяных промыслов. Если не посчастливится — прежняя жизнь бездомного бродяги, городского люмпен-пролетария.

Власти Калимантана полагают, что успех трансмиграции был бы обеспечен созданием государственных механизированных станций. Но пока из этого ничего не получается. По мнению властей, все же можно добиться частичного эффекта, если на новые земли будут направляться крестьяне, а не городские бродяги.

— Нас не должно волновать, что думают бапаки на Калимантане, — высказал свое мнение начальник гарнизона, когда его полицейский коллега кончил свой рассказ. — Пусть они сами ломают голову над тем, что делать с бродягами, как заставить их работать в джунглях. А у нас свои заботы.

Решили включить в ближайшую партию переселенцев самых закоренелых бродяг, неоднократно попадавших в облавы. Если же эти люди не проявят должного энтузиазма, военное и полицейское начальство будет готово принять крайние меры. Чтобы из таких переселенцев получились земледельцы — пусть об этом позаботятся власти Калимантана.

Читатель вправе спросить, а не сгустил ли автор краски, рассказывая о социальных проблемах боль-

шого яванского города. Правдоподобен ли обобщенный образ бапака валикоты? Чтобы рассеять у читателя всякие сомнения, обратимся теперь к реальным фактам.

В декабре 1967 года я приехал в Сурабаю, крупнейший после Джакарты индонезийский город, административный центр провинции Восточная Ява. В моем дневнике сохранились подробные записи об этой поездке. Приведу выдержку из них:

13 декабря вместе с нашим генеральным консулом направили визит мэру города. Теперешний мэр, или валикота, как называют его индонезийцы,— полковник Сукочо. Это приветливый и до конца откровенный собеседник. Он производит впечатление мыслящего человека, искренне озабоченного проблемами Сурабаи.

Задаю вопрос:

— Какие наиболее серьезные проблемы приходится решать городскому муниципалитету?

Полковник Сукочо отвечает, что таких проблем много. В городе не хватает жилищ, электроэнергии, питьевой воды. Реки Сурабая и каналы, выходя из берегов, заливают некоторые районы города. От этого в первую очередь страдают бедняки в кампусах. Муниципалитет пытается бороться с наводнениями, углубляя реки и каналы, а также наводить в городе чистоту. На решение более сложных задач не хватает средств. Попытки привлечь иностранный капитал пока не увенчались успехом. Сфера городского хозяйства не сулит инвесторам таких выгод, как, например, добыча нефти или эксплуатация лесных богатств.

Мэр откровенно признал, что настоящим бедствием для города является бродяжничество, принявшее, к сожалению, массовые масштабы. В городе тысячи безработных. Они живут за счет мелких случайных заработков, чаще всего сбора бумажной макулатуры на свалках, или нищенствуют. Они ночуют целыми семьями под открытым небом, под мостами, навесами.

На этом прерву выдержку из моих дневниковых записей и оговорюсь, что личные впечатления о жизни бродяг Сурабаи я привел в предыдущем очерке «Судьба Харсоно», ничего не добавив от себя.

Бродяжничество полковник Сукочо объясняет перенаселенностью и нехваткой земли. По этой причине из деревень в крупные города идет непрерывный поток людей в поисках работы. Работу найти, естественно, не так уж просто. Больше шансов пополнить ряды безработных.

Самое страшное в этой проблеме, подчеркнул мэр, — дезориентирование вчерашних крестьян, потеря ими трудившихся навыков. Эти люди, отвыкшие от производственной работы, уже неохотно принимаются за труд земледельца на Калимантане или в Южной Суматре. Они предпочитают суровой борьбе с природой жизнь в городе.

Полковник, по-видимому, принадлежит к тем государственным деятелям, которые трезво отдают себе отчет, что одна трансмиграция, к тому же проводимая в столь ограниченных масштабах, не может решить этого комплекса проблем. Мэр убежденно говорил о роли индустриализации. Но чтобы ликвидировать безработицу в одной лишь Сурабае, нужно построить десятки крупных промышленных предприятий, которые привлекут бы тысячи рабочих. На это нужны большие средства. А иностранных предпринимателей сфера промышленности интересует мало.

Примерно те же мысли высказал и губернатор Восточной Явы бригадный генерал Вийоно. Я посетил его, когда уже стало известно о том, что в ближайшее время он сдаст дела новому губернатору Мохаммеду Шуру, занимавшему до этого пост главного администратора на Мадуре. Вот слова генерала Вийоно: «Только с помощью широкой и планомерной трансмиграции и индустриализации мы сможем бороться с безработицей, безземельем, перенаселенностью. Но это требует больших средств, которых у нас нет».

На алмазных копях Калимантана

На Южном Калимантане я встретил искателей счастья, не нашедших его на земле обетованной. Эти люди покинули перенаселенную Яву в надежде получить собственную землю, отвоеванную у джунглей, и выращивать рис по примеру отцов и дедов. Но земля обетованная обернулась горькой землей. Наводнения, неурожаи, изнурительная борьба с наступающей сорной травой, истощающей почву, полчищами прожорливых крыс и злокачественная лихорадка заставили многих покинуть кампунг переселенцев.

Более или менее сносный заработок, зависящий, правда, от изменчивой и капризной фортуны, люди

нашли на алмазных копиях. Они не стали бездомными нищими на улицах Банджармасина. Они превратились в старателей.

Старатель! Молодой читатель уже смутно представляет себе эту фигуру прошлого. Только в романах о старых таежных сибиряках встретит он колоритный образ предприимчивого бродяги — то разгульного и щедрого удачника, то нищего несчастливца. Или, перечитывая Джека Лондона и мысленно перенесется в Клондайк или Калифорнию прошлого века, увидит он пеструю толпу алчных, одержимых азартом наживы авантюристов.

Попадаю сперва в Банджармасин, крупный город административный центр Южного Калимантана. Город стоит в изменчивой, болотистой дельте большой реки Барито. Во время ливней рукава и протоки выходят из берегов и заливают часть города. Жители вынуждены приспособляться к капризам природы и строить дома не на зыбком, болотистом грунте, а на сваях.

После Явы климат Банджармасина кажется тяжелым. Воздух насыщен теплыми, удушливыми испарениями. Власти намерены перенести центр провинции к востоку, на новое место, возвышенное и более здоровое. В будущей столице Южного Калимантана уже возведены здания некоторых административных учреждений, особняки чиновников. Здесь же размещаются некоторые факультеты провинциального университета.

Местный полицейский офицер и чиновник информационного управления берутся доставить меня на алмазные копи. Предупреждают, что дорога нелегка. Возможно, придется шагать метров пятьсот по воде.

Заранее соглашаюсь на все. Едем на газике советского производства. Минуем новую недостроенную столицу провинции, университетский корпус. В стороне остается площадка со свалкой покореженного автотранспорта. Рядом стоят, словно подбитые стрекозы, два мертвых, ржавеющих вертолета. Здесь Сукарно намеревался строить металлургический завод. Но этому, как и многим его благим намерениям, не суждено было сбыться.

Шоссе переходит в разбитую дорогу. Газик подпрыгивает на выбоинах и ухабах. Мы покрываемся жел-

ной дорожной пылью. Природа здешнего края по своему богатству, по буйной яркости красок не идет ни в какое сравнение с природой Явы. Юго-восточная часть Калимантана, населенная народностью банджаров, — еще сравнительно обжитой край. Но и здесь полянки и деревушки встречаются нечасто, поля чередуются с джунглями. На горизонте синееет горная цепь. Мамило здесь всякой лесной живности. Вот шмыгнула по обочине дороги в джунгли обезьяна. Валяется развалившаяся автомашиной крупная змея.

В городке Мартапура мои спутники показывают мне гранильную фабрику. Здесь обрабатываются драгоценные и полудрагоценные камни.

Фабрика — слишком громкое название. Скорее кустарного типа фабричка. В крохотной конторе с металлическим сейфом в углу нас встречает группа индонезийцев. Это компаньоны — совладельцы предприятия. Открыв сейф, они демонстрируют на столе перед нами граненые камни всех цветов радуги и самой разнообразной формы: круглые, овальные, продолговатые, призматические, остrokонечные. Камни уже

Мастер шлифует драгоценные камни на гранильной фабрике в Мартапуре (Южный Калимантан)

тщательно отшлифованы. Вот самые дорогие из них — бриллианты, сверкающие, словно капли росы. Есть среди них и довольно крупные — в несколько десятков каратов. Хозяева показывают преёскурант цен в индонезийских рупиях — астрономические цифры с длинными рядами нулей. Компаньоны начинают уверять меня, что это совсем недорого.

— Нашу продукцию скупают ювелиры Джакарты и экспортные фирмы, — говорит один из них. — Вот те действительно наживаются. У них такой камешек будет стоить в полтора-два раза дороже.

Любуюсь хризолитами, лазуритами, агатами. Больше всего здесь александритов. Этот камень считается полудрагоценным и сравнительно недорог. Александриты бывают всех цветов: салатные, лазоревые, желто-розовые, кроваво-красные, сиреневые. Подбирают целые гарнитуры: большой камень — для броши, поменьше — для перстня, парные — для серег.

Покупаю на память небольшой александрит и прошу показать фабрику.

В полутемном сарае за длинными столами трудятся несколько десятков гранильщиков. Рабочие ловко орудуют крохотными инструментами. Наверно, такими молоточками и долотцами лесковский Левша подковал блоху.

Хозяева знакомят нас с жилистым пожилым мастером.

— Самый опытный у нас. Он шлифует только алмазы.

Мастер сдержанно отвечает на наше приветствие и продолжает работу, не пускаясь в разговоры. Он дорожит каждой минутой. Работает четко, ритмично, как часовой механизм. Перед ним еще не отшлифованный алмаз величиной с крупную горошину. Он должен превратиться в симметрично граненый бриллиант, который, быть может, украсит кольцо или диадему супруги заокеанского миллионера или избалованной голливудской звезды.

Задаю компаньонам вопрос: каков средний заработок квалифицированного гранильщика? Компаньоны как-то смущенно переглядываются. После заминки самый солидный из них начинает уклончиво:

— Видите ли... Трудно ответить на ваш вопрос коротко. Наши рабочие — люди разного возраста, раз-

они оныта. Они выполняют далеко не одинаковую работу. Но можно определенно сказать, что мы ценим хороших мастеров и платим им не плохо.

А конкретно? — не унимался я.

Цельзя сказать, чтобы эти люди были богачами. Но и мы несем расходы, приобретая камни у мелких гранильщиков. И мы, хозяева, должны иметь прибыль, иначе не было бы смысла держать фабрику. В целом нашим рабочим хватает заработка, чтобы содержать семью, одеться. Вы видите, у некоторых есть даже велосипеды.

— Сколько времени уходит на обработку одного камня?

— Иногда несколько недель. Некоторые камни, тот же алмаз, отличаются исключительной твердостью. Обычный инструмент не возьмет его. Только немногие из наших мастеров, самые опытные, знают все секреты ремесла гранильщика.

Идем дальше. Дорога становится все более разбитой. Джунгли вплотную подступают к ней, и мы едем как бы по узкому коридору, прорезанному в плотной зеленой массе. Въезжаем в какую-то деревню.

— Деревня Чемпака. Здесь живут старатели, — объясняет один из моих спутников, полицейский.

Странная эта деревня. Дома тянутся двумя нескончаемыми шеренгами. Почему-то много мечетей, слишком много для одной деревни. Я насчитал уже пять луковичных куполов, увенчанных полумесяцем. Еще один и еще... Мечети скромные, иногда просто дощатый навес, но обязательно с куполом. По местному обычаю перед каждой мечетью лежит или висит сигнальный барабан либо большой полый чурбан с прорезью. Дома не то чтобы слишком бедные, но какие-то не крестьянские. Они очень тесно жмутся друг к другу. Не видно ни рисовых полей, ни насаждений папайи или других плодовых деревьев. К задворкам домов подступают джунгли. Здесь живут не земледельцы, а старатели, добытчики драгоценных камней. Земледельство не их удел. Вот почему и облик деревни не крестьянский.

Бросается в глаза полное отсутствие взрослых и даже подростков. Все взрослое население Чемпаки — несколько тысяч человек — ушло на копи. Дома остались лишь старики да малые ребятишки.

Сворачиваем с главной улицы и наконец выходим к широкому бескрайнему озеру или болоту. Нагоним вереницу людей. Пестрая процессия мужчин, женщин, подростков шагает прямо по воде. Сперва вода доходит до щиколоток, потом до колен, до пояса. Женщины с тяжелыми ношами на голове смело задирают саронги и шагают вперед. Здесь свои правила, и о природной стыдливости мусульманкам приходится забыть.

— Перед нами два пути, туан,—говорит наш чиновник.— Либо мы разоблачимся и в одних трусиках преодолеем водную преграду, как эти люди. Не бойтесь, крокодилов здесь давно распугали. Либо найдем арбу.

Представителю полицейской власти явно не улыбается первая перспектива, и он настаивает на арбу. Оба сопровождающих отыскивают местного лавочника, и все втроем куда-то отправляются. Жду, наверно целый час. Меня обступает орда ребятишек. Все-таки любопытно поглазеть на европейца, ведь такого увидишь здесь нечасто. Найти свободного возчика оказалось не так-то просто. Наконец появляется белый порбатый зебу, впряженный в неуклюжую скрипучую повозку с огромнейшими деревянными колесами. Из таких впору перевозить средневековые осадные пушки.

Не без труда взбираемся на повозку и трогаемся. Более ужасного путешествия я, кажется, никогда в жизни не совершал. Зебу шагал буквально черпающими шагами, а иногда и вовсе останавливался. Возчик не пытался подстегивать животное, зная невозмутимость его нрава. Повозка скрипела и раскачивалась во все стороны, подскакивая на скрытых под водой кочках. Кажется, еще один толчок, и мы очутимся в этой грязной луже.

Но вот и твердая суша. Еще немного — и перед нами открывается нечто невообразимо пестрое, бурлящее. Табор, бивуак, орда — не подберу точного определения. Огромная поляна, изрытая, вспаханная, илъявленная ямами, рвами, траншеями, колодцами. И всюду снуют, копошатся, роются, подобно усердным земляным кротам, люди. И какие люди! Какие яркие неповторимые и сочные типажи этого тропического Клондайка! Вот черные от загара и грязи парни, почти совершенно голые. Вот старый индонезиец с лохматым

гранной до плеч и даякским парангом за поясом, с лицом древнего пророка. Другой в узких полосатых тиконных брюках и широкополой шляпе — персонаж ковбойского или пиратского фильма. Каждый словно стремится перещеголять другого пестротой и экзотичностью наряда. Колышется пестрая мозаика из красных, оранжевых, узорчатых курток и рубах, женских саронгов. Лица людей разгорячены азартом, глаза дерзки, запылены.

Вижу людей и иного склада. Степенные и дородные китайцы и арабы, словно маленькие божки, восседают перед походными палатками. Это и есть божки бизнеса местного, так сказать, масштаба. Они как будто безучастны, но на самом деле притаились, высматривая добычу, чтобы схватить ее мертвой хваткой. У них можно купить всякую снедь, арендовать помпу, сыграть в азартную игру, заложить последнюю рубаху или пойти под залог будущей добычи деньги в долг. Ручная помпа нужна для откачки воды из штольни. Старатель, как правило, не настолько богат, чтобы иметь собственную помпу, и вынужден идти на поклон к местному дельцу. За аренду помпы нужно платить ее хозяину процент с выручки, и немалый. Как прожорливая саранча, облепили подобные дельцы копи. И здесь к ним пришло меткое индонезийское прозвище «лингак» — пиявка.

Появляются здесь пиявки и более крупного масштаба, районного. Это скупщики камней. Они перепродают камни на гранильную фабрику в Мартапуре или же оптовым ювелирам-китайцам в Банджармасинге. Это уже дельцы провинциального масштаба. Последнее в свою очередь перепродают камни столичным ювелирам или экспортерам. Надо ли говорить, что каждый делец в этой многоступенчатой иерархии стремится побольше нажиться за счет старателя, которому достается лишь самая малая доля.

Присматриваюсь к толпе и начинаю улавливать некую систему. Люди копаются в земле группами по шесть-восемь человек. Это артели — обычно семьи или группы родственников и соседей. Они сообща арендуют помпу и приступают к промыслу. Сначала роется не слишком глубокая вертикальная штольня, кое-как укрепляется грубым деревянным срубом. Землекопы извлекают породу со дна штольни, углубляя и расши-

ряя ее. Штольня быстро начинает наполняться под почвенными водами, которые протекают здесь глубоко. Поэтому все время приходится откачивать грубую жижу с помощью ручной помпы. Эту тяжелую физическую работу выполняют мужчины. Но и женщинам достается не менее тяжелый труд носильщиц. Они заняты переноской породы в плетеных совках в месте промывки, где она тщательно промывается в долбленых деревянных корытах. Этим самым ответственным делом заняты опытные пожилые мужчины и старики.

Бывает, что к старателю не приходит успех неделями и даже месяцами. Извлекаются на поверхность тонны пустой породы, и не попадает в ней ни одного драгоценного камня. Вот такой неудачник, костлявый беззубый старик в конусообразной соломенной шляпе, похожий на тех классических стариков, каких вырезают из дерева балийские скульпторы. Он сидел на корточках перед корытом. Старик машинально перебирал руками породу, отбрасывая в сторону пригоршни песка и гальки. Лицо его выражало безнадежность и равнодушие ко всему на свете.

— Как дела, бапак? — спросил я.

Старик пожаловался, что дела его артели совсем плохи. Вырыли уже третью штольню, и хоть бы один дешевый александрит попался. Семья давно сидит без единой рупии. Еще хорошо, что китаец дал в долг риса и других припасов. За это придется делиться с ним будущей добычей. А когда Аллах пошлет эту будущую добычу?

А вот и удачник. Где-то раздается победный вопль. На пригорке в диком восторге пляшет человек, полуголый, немолодой. Он вытянул вперед правую руку, зажав что-то в кулаке. К нему уже бегут со всех сторон любопытные. Поддавшись общему порыву, бегу и я. Старателю повезло. Его жена принесла совок породой и высыпала в корыто. Он стал перебирать пальцами мелкую гальку, и вдруг... ослепительно блеснул алмаз. Небольшой, меньше рисового зернышка, но все-таки алмаз, чистый, искрящийся. И, кроме того, еще три зеленоватых александрита.

Счастливец поздравляют, ему завидуют. Камешки бережно передают из рук в руки, оценивают, бьются об заклад, сколько рупий даст за них перекупщик.

Мой полицейский опытным глазом заметил еще одну любопытную сценку и спросил меня:

— Не хочет ли туан посмотреть настоящие камни, не то что эти, и познакомиться с человеком, которому крупно повезло?

За грубым столом из жердей сидит человек и с удовольствием пьет пиво. Он сегодня даже позволил себе одеться и облачился в новые саронг и пиджак. Против него сидит перекупщик. Идет торг, неторопливый, ритуальный. Обе стороны явно набивают цену и не раскрывают до конца своих карт. Старатель расхваливает товар. Вокруг толпятся зеваки. Все знают, что после этого привычного ритуала перекупщик все равно купит у старателя всю добычу.

По просьбе моих сопровождающих старатель извлекает из внутреннего кармана мятую тряпицу, бережно разворачивает ее. В тряпице комочек газетной бумаги. Развернув и его, он высыпает на ладонь несколько сверкающих чистых росинок-алмазов — четыре или пять. Один довольно крупный, неправильной формы,

Старатели на алмазных копях близ деревни Чемпака (Южный Калимантан)

напоминающий острый обломок карандашного грифеля, другие совсем мелкие, словно крупинки пшена.

— Пусть русский туан подержит в руках эти мешки и пусть туану сопутствует в жизни большое счастье, как мне,— сказал старатель и высыпал алмазы на мою ладонь. Первый раз в жизни я держал в руках такое сокровище и, как мне показалось, ощутил какой-то электризующий холодок. Скорее всего испугался, как бы не выронить драгоценные камни в раковинную грязь. Налюбовавшись алмазами, возвращаю их хозяину и пытаюсь выяснить, сколько же рупий получит он за всю свою добычу.

— Много, туан. Очень много,— загалдели обступившие нас зеваки.

Старатель вмиг утратил самодовольную уверенность и злобно хлестнул глазами скупщика.

— Пусть лучше этот человек скажет, много ли он заработает на перепродаже моих камешков. И сколько заработает китаец из Банджармасина, который перепродаст камешки в Джакарту.

Из штольни вылезает наверх парень, липкий и грязный. Может быть, он и не настолько молод, чтобы называть его парнем. Просто он тщедушен и малорослый. Он устало потягивается и ложится ничком на землю. К нему подходит женщина, скорее всего жена, смотрит на него с заботливым сожалением и протягивает надрезанный кокосовый орех. Парень приподнимается и жадно пьет. Вдруг он замечает нас и с любопытством спрашивает меня:

— Откуда, туан?

Я объясняю. Парень не пускается в дальнейшие расспросы и рассказывает о себе.

— А я яванец. Здесь недавно, лишь второй год. Не хочет ли туан кокосового сока? Он хорошо утоляет жажду.

Женщина протягивает мне другой орех.

— Жена моя, Зайрина,— представляет ее яванец. Ее первый муж тоже добывал камни. Он умер — при давило в штольне.

Вот так я и познакомился с Тахиром, поведавшим мне свою историю.

У его отца под Семарангом был участок земли, но такой крохотный, что никак не мог прокормить большую семью. Голод постоянно наведывался в дом

В конце концов Тахир решил поехать с женой и маленькой дочкой на Калимантан в поисках счастья. Власть обещали предоставить хороший участок земли, семенной рис. В джунглях, куда он приехал, уже вырос небольшой поселок. Тахир был работающим парнем и сразу же принялся за дело. Он поставил небольшую бамбуковую хижину, занялся рыбной ловлей, собирал съедобные плоды. Семенной рис старался не трогать, чтобы засеять поле. С земельным участком пришлось повозиться. Рис принялся плохо. Земля была слишком истощена сорной травой и кустарником. С помощью удобрений можно было бы сделать землю плодородной. Но об удобрениях не приходилось и думать. А потом ливни размывали защитную дамбу — ведь один Тахир не мог соорудить достаточно прочную преграду. Вода ушла с участка. Был продолжительный сухой сезон, и урожай погиб. Жена опасно заболела болотной лихорадкой. Врач мог бы спасти ее, но врача не было в сотни километров. Правда, соседние даяки-охотники, с которыми он подружился, предлагали привести своего дукуна *. Дукун говорил, что это злые духи наказывают на людей порчу, но против них есть надежные магические заклинания. Но Тахир не очень-то верил в заклинания даякского дукуна и вежливо отказался от его услуг. После смерти жены Тахира постигло и второе горе — дочка погибла от укуса змеи. Соседи говорили, что это не самая ядовитая змея и врачи будто бы знают противоядие. Но где найдешь в джунглях врача?

Одиноким Тахир бросил хижину и землю и после долгих поисков по Калимантану пришел сюда, в Чемпаку. Здесь, в пестрой толпе, можно было встретить не только местных банджаров, но и яванцев, которые, так же как он, Тахир, не нашли своего счастья на земле обещанной. Один старый банджар-старатель сказал ему:

Будешь работать с нами. Мне нужны мужские руки. Полезешь в штольню. Прежде работал в штольне мой зять, но он не был достаточно осторожным, и его придавило обвалившейся породой. Если не сбегешь отсюда, сыт будешь, хотя богачом и не станешь.

* Дукун — жрец, шаман.

Тахир не сбежал и даже женился на овдовевшей дочке старого банджара. Это она приносила ему кокосовые орехи. Доволен ли он своей судьбой? Все дело в случайной удаче, как и в азартной карточной игре. Бывает и так, что перекопаешь большой участок, вгрызаешься в сырую землю, а удача не сопутствует тебе. Старый тесть спорит с ним. Он считает, что дело не только в счастливом случае, но и в опыте, который приходит с годами. Опытный старатель чувствует интуицию, постигает ее скрытые тайны. Возможно, старатель и прав. Теперь Тахир прочно осел в Чемпаке и стал заправским старателем. Может быть, и его семье когда-нибудь посчастливится найти большой алмаз, как тому старателю, который сейчас пьет пиво и ведет торг со скупщиком.

Крестьяне Суматры борются за землю

Иной пейзаж на севере Суматры. Шоссейная дорога уходит из Медана в глубь острова, к высокогорному глубокому озеру Тоба. Это один из красивейших уголков Индонезии. Дорога змеится по узкому карнизу над высоким, почти отвесным обрывом. В центре черного мрачноватого озера возвышается приземистое плато острова Самосира.

Но прежде чем попасть в уютный живописный городок Прапат, лучший суматранский курорт на берегу Тоба, нужно пересечь равнину восточносуматранского побережья. Это край крупного плантационного хозяйства. На десятки километров тянутся ровные шеренги каучуконосов гевей с белесыми стройными стволами или толстоствольных масличных пальм с гроздьями красных плодов. Масличная пальма, какая-то шершавая, топорная, кажется мне слишком экзотичной и ненатуральной, словно искусственное дерево в кадке. Из ее плодов вырабатываются технический жир и маргарин. Каучуковые и пальмовые плантации сменяются плантациями табака и кофейных деревьев.

Табак — одна из первых плантационных культур Северной Суматры. Его называют делийским сортом по имени местного вассального султаната Дели. Еще

Сейчас в центре Медана стоит обшарпанный, уютный дворец бывшего султана, в каком-то претенциозно-электрическом стиле. О делийских марионеточных султанах давно позабыли, а делийский табак известен во всем мире. Он идет на изготовление сигар.

Первые табак начали выращивать местные арабы много сотни лет назад. Голландские колонизаторы быстро сообразили, какие огромные прибыли может принести эта культура, пользующаяся высоким спросом в Европе. Вскоре голландцы заложили первую крупную плантацию Мартубунг. За голландцами, погнавшись за наживу, потянулись сюда англичане, немцы, американцы, бельгийцы, швейцарцы.

Крестьянские поля и деревушки стиснуты сейчас со всех сторон массивами плантаций. И хотя Северная Суматра не принадлежит к самым густонаселенным районам страны, крестьяне задыхаются здесь от малоземелья. Получая концессии от голландских колониальных властей, плантаторы повели фронтальное наступление в глубь прибрежной равнины. Они расчищали джунгли, а также не останавливались перед тем, чтобы всякими правдами и неправдами сгонять крестьян с земли.

Основная масса коренного населения Северной Суматры — батаков — была оттеснена в район центрального плоскогорья. Батаки — народ интересной, своеобразной культуры. В его жизни еще большую роль играют пережитки общинно-родовой организации, обрядов, связанных с анимистическим культом. Официально часть батаков исповедует ислам, другая часть — христианство протестантского толка. Поэтому в одних деревнях можно увидеть купол мечети с полумесяцем, в других — церковный шпиль, увенчанный крестом. Непременным атрибутом христианских деревень являются также черные длиннорылые свиньи.

Сельское население равнинной части в основном состоит из пришлых яванцев. Это сельскохозяйственный пролетариат и крестьяне-бедняки. Густонаселенная Миа давно уже выплескивала пауперизованных крестьян. Эта масса избыточной рабочей силы устремлялась во все концы архипелага в поисках заработка. Для плантаторов это был неисчерпаемый резервуар дешевых рабочих рук.

Но плантации не могли поглотить весь этот при-

ток голодных пришельцев с Явы. Росли семьи плантационных рабочих, и сыновья далеко не во всех случаях могли занять место отца на каучуковой или бачной плантации. Владельцы неуклонно стремились к так называемой рационализации, дающей возможность сократить число рабочих. Лишняя рабочая сила — лишние хлопоты, дополнительный источник возможных волнений. Под термином «рационализация» понималось отнюдь не использование современной техники — рабочие руки индонезийцев обходились дешевле машин. Имелась в виду интенсификация труда — получение максимальных прибылей при наименьших издержках производства. Поэтому плантационный рабочий в любой момент мог потерять место и скудный заработок.

Массы безработных устремлялись в города и пополняли ряды городского пролетариата. Другие шли возделывать клочок земли, используя любую пригодную для земледелия пустошь, полоску вдоль обочины дороги, заброшенный по каким-либо причинам плантационный участок. Нередко самовольный захват земельного участка, даже пустующего, приводил к острым конфликтам между земледельцами и плантаторами. Закон, разумеется, всегда был на стороне последних. И все-таки острая нужда, голод заставляли земледельцев вести упорную борьбу за землю, захватывать явочным порядком пустующие плантационные земли.

Оглянемся в прошлое и представим себе бедный поселок плантационных рабочих. Казарменное однообразие ветхих бараков из бамбуковой щепы, невысокая мечеть. В стороне от бараков чистенький особнячок голландца-управляющего. А вокруг на многие километры тянутся шеренги гевеи и масличных пальм.

Начало сорок второго года. Доходят слухи о том, что большая война докатилась и до Индонезийского архипелага. Где-то высадились японские войска. Японские самолеты бомбят города. Голландцам приходится туго. Они терпят одно поражение за другим, теряют остров за островом. Ожесточенный бой в Яванском море, и голландский флот разгромлен. Высокопоставленные голландцы спешат удрать в Австралию или Индию. Кажется, японцы высадились уже в Медане.

Рабочие довольно равнодушно воспринимают события

ни. Какая в конце концов разница — старые хозяева или новые. Японцы так японцы. Лишь администратор-голландец чувствует себя неуютно. Он плотно закрывает ставни бунгало и проверяет прочность засовов. Он маленький человек, а теперь ему придется расквитаться за всех. Главный администратор, живший в Медане, вероятно, успел удрать в Британскую Индию. Перед отъездом он прокричал в телефонную трубку:

Хэлло, Вилли! Мы расстаемся. Главное, не теряйте бодрости духа и не распускайте народ. Все будет хорошо.

Владельцы плантационной компании, захватив свои капиталы, небось отсиживаются где-нибудь в Канаде. А он, маленький клерк, должен теперь испить до дна горькую чашу поражения.

Пожалуй, Вилли боялся теперь не японцев, хотя много слышался о жестокости самураев, а этих упрямых, вечно чем-то недовольных индонезийцев. Уж что-то знали своего сурового администратора, который любил показать свою власть, прикрикнуть на рабочего, а иногда и пустить в ход увесистый кулак. Недаром же начинал он свою службу в Нидерландской Индии как сержант колониальной армии. Основной мерой воспитания нерадивых рабочих у Вилли был штраф. Не нравился порядок на плантации — проваливай на все четыре стороны. Дешевых рабочих рук на Суматре более чем достаточно. Штрафуя и обсчитывая неграмотных рабочих, Вилли копил гульдены про черный день и мечтал о собственном домике и садике с тюльпанами на плоской равнине Голландии. Такова традиционная мечта всех голландцев из колониальной службы.

Теперь Вилли с тревогой прислушивался к каждому шороху и держал наготове многозарядный винчестер, которым обычно охотился на леопардов. Он ожидал самосуда. В этот период безвластия кое-где индонезийцы стали расправляться с ненавистными голландскими чиновниками и предпринимателями.

Однажды голландец услышал приближающееся цоканье копыт. Приоткрыв ставню, он увидел конный отряд японцев в зеленовато-песочных мундирах и мягких кепи. Впереди ехал коротенький массивный офицер. Вилли спешно накрыл на стол и выставил весь

свой наличный запас джина. Теперь он безбоязненно распахнул двери бунгало и стал поджидать гостей.

Офицер с помощью денщика неуклюже сполз с веранды на землю и засеменил к бунгало, поддерживаясь волочившийся по земле кривой клинок. Он с улыбкой кивнул голландцу и уверенно направился к бунгалу, как будто заранее знал, что его ожидает щедрое угощение.

Весь кампунг столпился в отдалении и ожидал, чем все это кончится. Через некоторое время офицер, красный и раскрасневшийся, вышел в сопровождении голландца на веранду и, широко расставив коротенькие толстые ноги в обмотках, прокричал что-то тоненьким визгливым голосом. Солдаты восприняли это как команду и, подталкивая жителей кампунга прикладами, подогнали их к веранде. По знаку офицера к нему подбежал китаец-переводчик. Японец стал говорить речь. Переводчик плохо понимал его отрывистые, резкие взвизгивания, но все же приблизительно передал смысл. Вот о чем говорил японский офицер.

Японцы и индонезийцы — братья. Императорская армия выполнила свою миссию, освободив Индонезию от жестокого белого империализма. Офицер наглядно продемонстрировал толпе представителя этого самого белого империализма, ткнув пальцем в грудь голландца. Теперь оба народа плечом к плечу будут строить великую процветающую Восточную Азию под эгидой императора Хирохито. Соблюдайте порядок и работайте. Кто не будет соблюдать порядка и усердно работать, пусть пеняет на себя. Для пущей убедительности японец вытащил из ножен кривой клинок и угрожающе помахал им перед толпой. Понятно?

Голландца увезли в лагерь для интернированных. Вместо него остался новый администратор, тот самый китаец, который переводил речь японского офицера.

Сначала на плантации все продолжалось по-старому. Японцы наведывались редко, так как реквизировать у жителей кампунга было нечего. Рабочие собирали молочно-белый латекс, сок каучуковых деревьев и красные гроздья орехов масличной пальмы. Китаец не хуже прежнего администратора-голландца покрикивал и донимал штрафами, а строптивых парней именем японских властей отправлял в трудовые батальоны на строительство дорог и укреплений. Многие из них

никогда и не вернулись в кампунг. Они погибли от голода и физического истощения.

Но что следовало делать дальше с латексом и орехами, китаец представлял очень смутно. Наполненные латексом бидоны вовремя не свезли на фабрику для переработки его в листовую каучук-сырец, и весь ценный продукт испортился. Росли навалы орехов. Работники теперь не получали заработную плату. Новый администратор перестал интересоваться делами плантации и все чаще отлучался в город, где занялся какой-то выгодной спекуляцией.

В чем же была причина подобной бесхозяйственности?

Оккупировав богатые сырьевыми ресурсами страны Юго-Восточной Азии, Япония оказалась почти монополистом мирового каучука, получила в свои руки огромные массивы чайных, табачных, кофейных, пальмовых и других плантаций. Но полностью использовать эти богатства японский империализм не мог. Рынок Японии был слишком узок, покупательная способность населения низка, промышленность была развита односторонне, с явным преобладанием военных отраслей. Японские предприниматели не нуждались в таком количестве сырья, какое могла поставить оккупированная Юго-Восточная Азия. Прежде это сырье находило спрос на емких рынках Европы и Америки. Теперь мировая война нарушила традиционные экспортные связи. Следствием этого и явилась та грустная картина, которую мы могли наблюдать на одной из плантаций Северной Суматры. Картина, типичная для всей Индонезии в период японской оккупации.

Голод толкал плантационных рабочих на отчаянные шаги. Кому-то пришла в голову мысль воспользоваться расчищенным участком земли. Голландец собирался высадить здесь молодые саженцы гевеи. Когда деревья достигали дряхлого возраста и уже не могли давать высококачественный сок, их вырубали и на раскорчеванном участке через некоторое время возобновляли посадки. Сказано — сделано. Примеру одного следовали другие. Начался стихийный процесс заката заброшенных плантационных земель и пустошей. Там где безземельные крестьяне и плантационные рабочие начали вырубать зрелые деревья и раскорчевывать участки.

Нельзя сказать, чтобы японские оккупационные власти поощряли самовольный захват плантационных земель. Однако они отнеслись к свершившемуся факту более или менее терпимо. Япония нуждалась в продовольствии. Нужно было кормить огромную армию оккупировавшую Индонезию, сражавшуюся на фронтах Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, обеспечить хотя бы полуголодным пайком трудовые батальоны и различные вспомогательные формирования из индонезийцев. Но оккупированная страна не могла удовлетворить все эти потребности в продовольствии. Теперь в сельские местности в поисках пищи и заработка хлынула часть городского населения — рабочие закрывшихся предприятий, разоренные ремесленники.

Пусть лучше вместо ненужных плантационных культур крестьяне выращивают рис или овощи. К такому выводу пришла японская военная администрация. Ведь каждое крестьянское хозяйство облагается тяжелыми поборами в пользу оккупационной армии.

Вилли, постаревший и осунувшийся, с рыжей шатиистой бородой, вернулся из лагеря и вновь водворился в бунгало. Теперь это был не прежний крикливый Вилли. Годы лагерной жизни и последние события кое-чему научили его. Он не пытался, как прежде, покрикивать и пускать в ход кулаки, даже старался казаться добродушным и приветливым. Дух времени изменился. На бамбуковом шесте перед бараками развевался республиканский красно-белый флаг. Это индонезийцы набрались наглости провозгласить республику и, кажется, всерьез намерены бороться за ее существование. Пока придется смириться с тем, что жители кампунга самочинно захватили часть плантационных земель. Хоть бы сохранить то, что осталось. Он, Вилли, будет терпелив и дождетя лучших времен.

Лучшие для Вилли времена так и не наступили. Индонезия отстояла свою независимость, а голландские колонизаторы были вынуждены покинуть архипелаг. В годы борьбы с интервентами безземельные крестьяне Суматры продолжали захватывать заброшенные плантационные земли. Позже власти и плантаторы пытались сгонять крестьян с захваченных ими земель. В некоторых случаях это удавалось. Но основная часть земли осталась в руках земледельцев, и вла

На каучуковой плантации

он молчаливо признали эту стихийную экспроприацию.

А в конце 50-х годов всю страну охватило массовое движение за национализацию голландских предприятий. Зашевелился, заклокотал кампунг. Профсоюзные активисты ораторствовали перед толпой. Он, Вилли, до сих пор как-то не принимал всерьез этих горлопанов. Иногда руководители профсоюза приходили к администратору и требовали повышения заработной платы. Вилли непрерывно обесценивалась, и через несколько месяцев на ту зарплату, которую получал сегодня рабочий, уже ничего нельзя было купить. Вилли растерянно улыбался и разводил руками. Он только служащий, маленький человек и не решает такие сложные вопросы. Со своей стороны он готов передать требования рабочих хозяевам в Амстердам. Профсоюз грозил забастовкой. Вилли отчетливо представлял себе, какой убыток понесет компания, если люди не выйдут на работу, не погрузят вовремя на вагонетки бидоны с латексом, а фабрика по переработке латекса будет про-

стаивать. Голландец, сдерживая ярость, сдала и написал в Амстердам объяснительную записку. Главным не горячиться и уметь выждать. Лучше потерпеть немного, чем все. Времена не прежние, когда он мог выгнать смутьяна.

На этот раз рабочие долго митинговали и избрали делегацию во главе с секретарем местной профсоюзной организации. Делегация явилась к голландцу. Секретарь протянул ему исписанный неровным почерком лист бумаги и твердо сказал:

— Это наш ультиматум. Мы устанавливаем рабочий контроль на плантации. Мастер должен подчиняться контролю и не самовольничать.

Вилли стерпел и эту неслыханную дерзость. А прежде провинциальные власти прислали правительственного уполномоченного в чине капитана. Опираясь на широкое рабочее движение, а часто и под прямым давлением масс, требовавших национализации голландских предприятий, правительство Республики Индонезии повело наступление на позиции прежних колониальных хозяев. Впрочем, эта самостоятельная инициативная активность профсоюзов, рабочий контроль казались представителям властей опаснее джинна, выпущенного из бутылки. Джинна следовало загнать обратно. Поэтому власти спешили направить на предприятия своих уполномоченных и директоров, пусть малоопытных и некомпетентных, зато людей твердой руки. Среди них оказалось немало кадровых военных.

Капитан более или менее поладил с Вилли и даже выпил с ним бохму — голландскую водку. Все-таки надо отдать справедливость, голландец имел немалый практический опыт и знал плантационное хозяйство как свои пять пальцев. Познания офицера в области агрономии были самыми смутными. Он занимался прежде протокольными и снабженческими делами. Поэтому и приходилось до поры до времени принимать услуги голландца. Вилли в свою очередь проявил уважением к капитану, после того как он осадил профсоюзного секретаря. Рабочие послали его с петицией, в которой требовали очередного повышения заработной платы. Офицер прочел петицию и ответил:

— Твои люди, очевидно, забыли, что хозяева теперь мы, а не голландцы. Республика еще слишком бедна, чтобы накормить всех досыта. Я не потерплю

ног бумажек и тем более забастовок. Вы что делаете против своей республики? Работайте, как работали, не вынуждайте меня принимать крайние меры.

Профсоюзный секретарь был любознательным человеком. Какие меры имеет в виду капитан? Офицер похлопал ладонью по кобуре пистолета и намекнул, что для него не составило бы никакого труда вызвать Медана взвод военной полиции. Секретарь почему-то вспомнил японского офицера, размахивавшего криком клинком перед толпой.

Когда плантация была официально национализирована, Вилли собрал свои пожитки и уехал в Голландию. Он накопил достаточно гульденов, чтобы купить небольшой домик на плоской равнине и разводить козы. Если бы он не думал о своем завтрашнем дне и не обсчитывал индонезийских рабочих, ему бы пришлось теперь завербоваться в Суринам или на Кюру. Еще остались в Латинской Америке эти жалкие остатки голландской колониальной империи.

Капитан знал толк в военной амуниции, но не имел ни малейшего представления о сортности латекса. Он был уверен, что завтра его не перебросят на оловянный рудник, в банк или куда-нибудь еще. Поэтому ему не имело смысла углубляться в агрономию и технологии. Нужно было, не теряя времени, позаботиться о себе собственном и своих ближних. Из этих самых ближних, своих друзей и родственников, он составил административный аппарат. Его три заместителя, помощники, секретари не совсем четко представляли свои служебные обязанности, но получали жалованье, и имело. Свой человек сидел и на фабрике по переработке латекса. Вся эта предприимчивая компания занимала часть каучука-сырца «налево», богатому немецкому дельцу Го, изменившему по тактическим соображениям это китайское имя на Сулейман. Этот Сулейман был тем самым китайцем, который ухитрился ладить с японскими оккупантами и одно время управлял плантацией. Теперь он вел образ жизни разбойника с большой дороги, и этой большой дорогой, в которой он разбойничал, был Малаккский пролив. Сулейман промышлял контрабандой, сбывая сингапурским дельцам ворованный суматранский каучук. У него были связи по обе стороны пролива, и он знал,

кого следует щедро отблагодарить, чтобы и дальше
сквозь пальцы смотрели на его проделки.

Для правительства Республики Индонезии плантация, как, впрочем, и другие национализированные предприятия, становилась все менее прибыльной. Посадения гевеи давно не обновлялись. Узкоколейный транспорт и оборудование фабрики изнашивались. Правительство не выделяло средств, чтобы заменить старое оборудование, осуществить новые посадки. Сортность каучука падала, и иностранные импортеры уже не так охотно покупали его или устанавливали на него совсем низкие цены.

Правительство «нового порядка» подвело одинаково неутешительные итоги. Производство плантационных культур продолжает падать, сокращаются экспортные доходы государства. Где же выход? Не лучше ли справиться с собой лишнюю заботу и вернуть часть плантаций прежним владельцам? И вот начался процесс частной денационализации. Крупнейшие каучуковые плантации Северной Суматры, принадлежавшие прежде американской компании «Гудьир», уже возвращены старым хозяевам. Вновь на обочине шоссе появились гудьировские рекламные щиты с автомобильными номерами.

Отцам «нового порядка» пришла в голову и другая рациональная идея. А на каком, собственно, основании крестьяне занимают плантационные земли? На каком такому праву? Кто позволил нарушать незыблемые основы собственности? Ведь если эти земли будут возвращены плантационным компаниям, производство каучука, табака, пальмового масла увеличится, государство получит дополнительные экспортные доходы. Ведь речь идет не о каких-то там жалких полосках, а о многих десятках тысяч гектаров плодороднейшей земли. За счет каких источников станут жить крестьяне, лишённые земли? Это уже второстепенный вопрос. Какое значение в общеиндонезийских масштабах могут иметь еще несколько десятков тысяч голодных ртов?

И вот рациональная идея начинает претворяться в жизнь. Крестьян сгоняют с земли, лишают крова, ведь жилища тоже не по праву стоят на плантационных участках. Иногда крестьяне не успевают даже убрать долгожданный урожай. Бульдозеры упира-

важные посе­вы. Провинциальные власти изда­ют суровые приказы и циркуляры, запрещающие местному насе­лению впредь обрабатывать плантационные земли и брать с них урожай. Предусматриваются и строгие меры для нарушителей этих приказов и циркуляров.

По всей восточной равнинной части Северной Су­матры разыгрываются трагедии. В одной из деревень крестьяне пытались бороться за землю, отказавшись выполнить приказ властей. В деревню прибыл отряд военной полиции во главе с лейтенантом, чтобы силой заставить крестьян покинуть участки. Доведенные до отчаяния земледельцы оказали сопротивление, спешно вооружась палками, заступами, мотыгами. Завязалась драка. Кто-то нанес смертельный удар лейтенанту тяжелой киркой. Последовали жестокие карательные меры.

В другом районе власти распорядились уничтожить с помощью бульдозеров крестьянские посе­вы и сровнять с землей жилища. Командующий северосуматран­ским военным округом Букит Барисан бригадный ге­нерал Сарво Эдди дал обещание плантаторам покончить с самовольными захватами земли и грозил им самыми суровыми мерами в случае неповиновения властям.

Вот еще одна трагедия. В деревне Келамбир Лама крестьяне получили приказ покинуть земли, на кото­рых претендовала плантационная компания. Крестьяне пытались оспаривать решение властей, посылали телеграммы в провинциальный центр. Они доказывали, что уже много лет обрабатывают свои участки и вло­жили немало сил, чтобы получить скудный урожай риса. У них нет других средств существования, кроме этих клочков земли.

Власти направили в Келамбир Лама отряд военной полиции, чтобы помешать земледельцам собрать их урожай. Крестьяне попытались оказать сопротивление. Полицейские открыли по толпе ружейный огонь. Один из крестьян был убит, восемь человек арестовано. Их обвинили зачинщиками беспорядков. Газета Нацио­нальной партии «Сулук Мархаен» сообщала, что похороны убитого крестьянина вылились в демонстрацию, в которой приняло участие до тысячи человек. Власти оправдывали действия карателей, которые-де пресле­довали единственную цель — навести порядок.

Прошел примерно год со дня кровавых событий Келамбир Лама. Крестьяне голодали, не получив взамен отобранных участков никакой земельной компенсации. В таком бедственном положении оказались 80 тысяч земледельцев. Провинциальные власти, руководствуясь решением губернатора от 10 июля 1968 года, отобрали у крестьян 59 тысяч гектаров земли, дававшей им хотя и скудное, но все же пропитание. Крестьяне снарядили в столицу ходоков, не без труда собрав для них денег на дорогу. Ходоки Афиани Ну и Ашари прибыли в Джакарту с намерением встретиться с высшими государственными руководителями и просить у них помощи и защиты. Они заявили корреспонденту агентства Антара, что министр внутренних дел выступил с обращением к крестьянам Северной Суматры и призвал их подчиняться распоряжениям провинциальных властей, которые предоставят земледельцам другие земли. Несколько позже министерство внутренних дел и министерство сельского хозяйства опубликовали совместный документ, в котором утверждается, что крестьяне уже получили земельную компенсацию и, следовательно, не имеют оснований для недовольства. Но такой документ, как заявили делегаты, может лишь вызвать удивление, так как никакой земли взамен отобранной крестьяне пока не получили.

Добьются ли ходоки правды и с чем вернутся Северную Суматру?

В некоторых районах власти все же признали крестьянами право на часть бывших плантационных земель, которые обрабатывались земледельцами уже многие годы. Это было сделано несколько своеобразно. Власти объявили, что распределяют в рамках осуществления земельной реформы некоторую долю земельной собственности плантаторов. Кто говорит, что реформа не проводится? Крестьяне как бы получили в собственность землю, обрабатывавшуюся им более двух десятилетий. В сущности, речь шла о землях, в которых плантаторы по каким-либо причинам не были заинтересованы. Один мой собеседник, общественный деятель, метко охарактеризовал эту псевдореформу как хитроумную уловку, рассчитанную на доверчивого читателя газет.

Учитель Супрапто

Человек этот иногда заходил ко мне по вечерам. Он приветливо улыбался, как давнишний знакомый, раскрывал старенький полотняный портфель и доставал различные книжные новинки. Когда он пришел впервые, то протянул мне свою визитную карточку. Я прочитал: «Супрапто, агент магазина „Золотой луч. Книжки и канцелярские товары“».

Супрапто сразу понравился мне деловитостью, деловитством. Он не напоминал тех бесчисленных вымогателей, которые имеют обыкновение ходить по особнякам местных богачей или иностранных дипломатов с подлинным листом, выпрашивая деньги на строительство церкви или для несуществующего благотворительного общества. Обычно такое вымогательство облечено в форму продажи каких-нибудь никчемных брошюр, календарей, открыток с библейскими сюжетами. В качестве основной приманки выпускается заманливая разбитная девица, напоминающая манекенщицу из модного магазина. Это персонаж, так сказать, без реплик, предназначенный лишь для того, чтобы привести вас в некоторое замешательство, чтобы вы не успели хлопнуть дверью раньше, чем на вашей террасе появится другое лицо, постарше, со своим шармом, хваткое и назойливое.

Агент книжного магазина, сухопарый и подтянутый, был уже немолод, вероятно, побывал на войне. Он слегка прихрамывал, на лице его был неровный шрам. Старенькая рубаша всегда была идеально чистой и отутюженной.

Супрапто высыпал на стол кипу комиксов и пошлостей. В глазах зарябило от кричаще пестрых обложек со стреляющими гангстерами и детективами, полными красотками.

— А что-нибудь посерьезнее есть у вас? — спросил Супрапто, сделав, вероятно, непроизвольную гримасу.

— Эти господа охотно покупают подобное чтиво, — ответил Супрапто, вздохнув, и показал на соседние книжки. — К сожалению, и наша молодежь увлекается всеми этими ковбоями и детективами. Их кумиры — пресловутый Джемс Бонд, Тарзан и супермен Шенн Гордон, но не герои Джека Лондона или Вик-

тора Гюго. Местные издательства выпускают продукцию, подражающую американским боевикам. Длинная статья!

Супрапто спрятал обратно в портфель книжки с пестрыми обложками и пообещал в другой раз принести что-нибудь серьезное. В дальнейшем он стал приносить мне книги по истории национально-освободительной борьбы индонезийского народа, по искусству своей страны, сборники стихов индонезийских поэтов. Супрапто прекрасно знал современную литературу Индонезии, был в курсе всех книжных новинок и производил впечатление начитанного, думающего человека. Задерживался он ненадолго, так как всегда спешил обойти возможно большее число клиентов. И все-таки, беседуя с агентом книжного магазина, каждый раз узнавал немало нового и интересного для себя.

Мой собеседник рассказывал о трудностях издательского дела, о тяжелом положении писателей, публицистов, ученых, если это не богатые дельцы, которые могут издавать книги за собственный счет. Нехватка и дороговизна бумаги, высокие типографские расходы, конкуренция со стороны легковесной и дешевой литературы, поставляемой западными странами,— все это ставит перед автором почти непреодолимую преграду. В настоящее время в стране издаются лишь два тонких литературных журнала «Састрани» и «Горизонт». Попасты на их страницы могут лишь писатели с более или менее известными именами. Легко опубликовать свое произведение в воскресном выпуске газеты. Поэтому в современной индонезийской литературе главное место занимают малые формы: повесточка, очерк, стихи. Супрапто не скрывал своего удовольствия, если я покупал у него поэтический сборник или номер литературного журнала.

Как-то в воскресенье я заглянул в библиотеку Джамкартского музея, а потом задержался во внутреннем дворике, рассматривая камни с царскими надписями древние скульптуры богов и дьяволов. Вот многорукий Шива, его сын Ганеша, странное существо с головой слона, кровожадная Дурга с занесенным над головой жертвы мечом, Будда с непроницаемо-загадочной усмешкой. Традиционные персонажи индуистской и буддистской иконографии. Фантастические и вместе

В индонезийской лавке

те реальные образы. Натурой для скульпторов, как и раньше, служили живые современники, люди тогдашнего индонезийского общества. Поэтому-то образы богов и полубогов оказались слишком земными, очеловеченными.

В другом конце дворика я увидел группу подростков-школьников и с ними моего знакомого Супрапто. Он был экскурсоводом и что-то увлеченно рассказывал. Я прислушался к его словам. Супрапто говорил о роли индийского культурного влияния в древности, о вышешности и реализме изваяний. Некоторые из школьников старательно записывали слова учителя.

Шива в образе Махагуру, мудрого учителя, наставника. Посмотрите, есть ли в этой фигуре что-нибудь фантастическое, необычное? Старый коренастый человек, умудренный жизненным опытом. Наверно, скульптор воспроизвел образ собственного учителя, или или деда.

Я подошел к школьникам. Какой-то мальчуган делал в блокноте карандашный набросок, метко ставя черты образа Шивы-Махагуру.

Супрапто заметил это и, прервав рассказ, заглянул в блокнот маленького художника.

— Неплохо, Ахмад. Покажи свою работу товарищам. Вы видите портрет обыкновенного старика. Как бы мог подумать, что это одно из воплощений верховного божества?

Блокнот с рисунком передавали из рук в руки.

— В те далекие времена раджей считали земными воплощениями того или иного бога. Когда раджа умер, его останки сжигали и пепел помещали в храм-мавзолей. Большинство древних шиваитских и буддистских сооружений в Центральной и Восточной Яве — это именно такие храмы-мавзолеи. Они украшались каменными статуями. Это были одновременно изображения Шивы или Вишну или иного божества и скульптурный портрет умершего раджи. Вот почему в таком произведении искусства мы видим черты фантастического и реального. Делая жертвоприношение перед статуей, люди поклонялись богу и радже, отождествленным в единый образ. Жрецы-брахманы постоянно внушали людям, что раджа — представитель бога на земле. Если ты поднял руку против раджи, горе тебе, неверный. Ведь ты поднял руку против самого бога.

Это был профессиональный рассказ историка. Супрапто заканчивал лекцию. Он говорил о великом культурном наследии индонезийского народа, который по праву может гордиться камнями Боробудура, вот этими скульптурами и многим другим. Будем же ценить и уважать это наследие и не уподобляться тем, кто забыл «Арджунавиваху» и прельщается сомнительным чтивом вроде Джемса Бонда; кого больше трогают стреляющие ковбой из американских боевиков, чем изумительная пластика ваянгов из яванской классической драмы; кто считает устаревшими традиции национального искусства и увлекается модными картинами некоторых современных художников без смысла и содержания. Потом он отпустил детвору и подошел ко мне.

— Сламат! Мы с вами давно знакомы, но я, кажется, ни разу не говорил вам, что я прежде всего

Учитель литературы и истории. С вашего позволения присяду.

Мой знакомый опустился на каменные ступени лестницы.

— Осколок в ноге сидит с сорок шестого года, иногда беспокоит.

— Вы, мас Супрапто, воевали против интервенции?

— В ту пору был сержантом национально-освободительной армии. Когда голландцы заняли основные районы страны, ушел с товарищами в горы партизанить. Снова был ранен — вот след.

Супрапто показал на неровный шрам на лице.

И подумал, что учитель мог бы стать серьезным ученым, сотрудником музея, автором книг. Но из-за нехватки хлеба он должен ходить по особнякам богачей и в качестве агента книжного магазина.

Супрапто, кажется, угадал мои мысли и сказал:

— Пытался заниматься наукой. Написал большую работу о древнеяванской храмовой скульптуре. Даже немного поспорил с голландскими авторами. На мой взгляд, они слишком переоценивают роль индийского влияния на развитие средневековой индонезийской культуры. Ведь Боробудур и все эти статуи не могли быть созданы яванскими мастерами без серьезного опыта, накопленного предшествующими поколениями.

— И какова судьба вашей работы?

— Я не был настолько богат, чтобы издать книгу на свой счет, и не располагал влиятельными связями, чтобы рассчитывать на помощь государственного издательства. Одна левая газета опубликовала краткие выдержки из моей книги. Я был рад и этому, хотя редактор не смог заплатить мне ни одной рупии. Вскоре после событий 30 сентября газета была запрещена. О судьбе ее редактора я ничего не знаю. Министерские чиновники поставили мне в вину это выступление в неблагонадежном органе печати. Кое-как сумел их убедить, что статуи богов к политике и к врагам «нового порядка» никакого отношения не имеют. Мне сделали внушение, посоветовали впредь быть осмотрительнее и, слава Аллаху, оставили в покое. Ведь я все-таки ветеран войны. Это позволило мне закончить университет. Раньше государство оказывало помощь студентам — активным участникам национально-осво-

бодительной борьбы. На помощь родных я рассчитывать не мог. Покойный отец был всего лишь телеграфистом на маленькой железнодорожной станции.

— Значит, работаете в книжном магазине по совместительству?

— Ничего не поделаешь: семья, дети. Зарплата школьного учителя не позволяет сводить концы с концами. А у меня шестеро. В удачный день зарабатываю несколько десятков рупий. Достаточно, чтобы купить килограмм риса и немного овощей. Магазины платят мне процент с выручки. Кроме того, хозяин школы дает в порядке премии пришедшие в негодность книги, которые не идут в продажу. Я и мои ученики реставрируем их, переплетаем и таким образом пополняем школьную библиотеку.

Супрапто увлекся рассказом о своих школьных делах. Школа его совсем не первоклассная — простой барак из бамбуковой щепы на окраине города. И учатся в ней дети бедняков из кампунгов. Формальное школьное обучение бесплатное. Но приходится хотя бы кое-как поддерживать здание, приобретать самое необходимое школьное оборудование, помогать многим детским учителям. Правительство на эти цели средств почти не отпускает. Поэтому директор и школьный совет своей властью облагают родителей учащихся денежными взносами в пользу школы. Но даже и небольшие взносы оказываются непосильными для многих, таких, как бечаки, лоточники, уличные разносчики, рабочие, прислуга. Дети бедняков не могут продолжать учебу. А ведь среди них есть способные ребята, из которых могли бы со временем получиться учителя, инженеры, писатели. Бывает до слез обидно, когда видишь маленького Амира или Саида, твоего прежнего ученика, бросившего школу и ставшего теперь разносчиком газет, чистильщиком обуви или просто лодочником.

Официальная печать не скрывает того печального факта, что огромное число детей школьного возраста не посещает школу. Главная причина — родители не в состоянии внести плату за обучение, сносить одежду ребенка, купить ему тетради, учебники. Вот лишь одно из таких горьких свидетельств. Начальник провинциального управления культуры и просвещения Западной Явы Варнаена заявил, что в этой провинции

тысяч детей школьного возраста не могут посещать начальную школу. Все же эта цифра не столь высока, как в других провинциях Явы. По всей стране не менее миллиона детей в возрасте от 7 до 15 лет не посещают школу. По словам Варнаена, это серьезная национальная проблема, которая должна привлечь внимание правительства. Такую же тревогу нередко вызывают и газеты, требующие коренной реформы школы и увеличения бюджетных ассигнований на развитие народного образования. Пока в стране не хватает школьных помещений, учителей. Молодежь с высшим педагогическим или университетским образованием лишь в самом крайнем случае выбирает профессию школьного учителя. Слишком неблагодарен его труд в условиях современной Индонезии. Медкий чиновник, приказчик в магазине, мастеровой, шофер обычно обеспечены гораздо лучше.

Конечно, состояние школ далеко не везде одинаково. В аристократических районах Джакарты можно встретить хорошие школьные здания, с просторными классами, лабораториями, библиотекой. Дети в чистой школьной форме. За ними приезжают отцовские лимузины. Отцы — министры и генералы, видные правительственные чиновники и бизнесмены, партийные боссы и профессора. Они-то уж в состоянии оказать школе поддержку. Поэтому и учителя в этом случае обеспечены сносно.

Но большинство школ ничем не отличается от того многоэтажного барака из бамбуковой щепы в кампунге, где работает Супрапто. Почти все его коллеги вынуждены искать подсобный заработок. Один подрядился разрисовывать деревянные маски и шкатулки для лавки сувениров, хотя он вовсе не учитель рисования, а маматик. Другой подрабатывает в автомастерской. Третий помогает жене-портнихе. Есть еще среди учителей его школы помощник агента по распространению билетов и билетер кинотеатра. Кое-кто перебивается мелочной торговлей на базаре.

Иногда учителя пытаются бороться за свои права. Недавно бастовали учителя начальных школ Западной Явы. Требования забастовщиков были более чем скромны. Пусть власти гарантируют хотя бы своевременную выдачу зарплаты и продовольственного пайка.

— Позвольте задать вам один нескромный вопрос, г-н Супрапто,— сказал я, когда учитель кончил свой рассказ.— Вот вы были активным участником национально-освободительной борьбы, человек образованный, знающий историю и литературу...

— Какое там. Есть какие-то крохи знаний. Моя беда... в те свободные от уроков часы, когда следовало бы грызть фолианты, совершенствовать знания, я вынужден думать о куске хлеба, искать подсобный заработок. Вопрос ваш я, кажется, предугадал. Вы хотите спросить, удовлетворен ли своим положением я, бывший учитель и агент книготорговца, бывший сержант а потом и офицер народно-освободительной армии проливавший кровь в борьбе с интервентами.

Мы оба с минуту помолчали. Потом учитель сказал не без горечи:

— Некоторые из моих боевых товарищей по роду достигли большего. Есть среди них преуспевающие адвокат, богатые бизнесмены, партийные лидеры, даже генеральный секретарь одного министерства.

— Стало быть...

— Ничего не стало быть! Я рад, что я простой школьный учитель, что несу детворе крупички полезных знаний, прививаю любовь к родине, пытаюсь внушить интерес к древним камням, созданным искусными руками наших предков, к славным традициям национально-освободительной борьбы, к национальной культуре. Но борьба пока принесла народу не слишком много практических результатов. Возможно, наш путь к процветанию будет долог и извилист. Я хочу, чтобы у моих учеников хватило сил и опыта пройти его к победного конца. Пусть же пригодится им что-нибудь из тех знаний, которые смог передать я, скромный учитель.

Преуспевающий докторантус

Познакомился я с г-ном Усманом Трисно на одном из больших дипломатических приемов. И прежде я не раз встречал на приемах этого полного проворного человечка с повадками коммивояжера. Он подходил к гостям, легко заводил знакомства, обменивался с

картинками визитными карточками и потом протягивал им какие-то листки с картинками и въедливо и настойчиво что-то объяснял и доказывал. Я решил, что это мелкий коммерсант, рекламирующий свой товар, но проявил к нему профессионального журналиста интереса.

Но я был немало удивлен, когда один из моих знакомых корреспондентов представил мне этого человека.

— Профессор, доктор Усман Трисно. Он хочет с вами познакомиться.

Я пожал пухлую ручку профессора, обратив внимание на кольцо с непомерно большим лазоревым камнем на указательном пальце. Знакомство началось с обычных расспросов: давно ли я в Индонезии, где вы были за пределами Джакарты, как переношу здешний климат и сколько у меня детей. Выслушав мои вопросы, г-н Усман, что называется, взял быка за рога.

— Гуан недавно въехал в новый дом. Не так ли? Допустим.

Но удивленный столь уклончивым ответом, г-н Усман решил уличить меня с помощью документальных доказательств. Он извлек из кармана клетчатого пиджака книжицу и полистал ее.

— Абсолютно точные сведения. Получены от нотариусов. Американский банк арендовал дом в районе Ментенга. Японская фирма купила два дома в Ке-Моранге. Новый дом корреспондента «Правды»... жил Гулодонг. Я не ошибаюсь?

— Нет, все правильно.

Действительно, несколько месяцев назад кончилась аренда старого дома, в котором жили и работали еще мои предшественники, корреспонденты «Правды». После недолгих поисков я нашел уютный особнячок недалеко от нашего посольского жилого городка.

— Итак, вы приобрели дом,— продолжал дотошный Усман.— Как я полагаю, ваш холл можно украсить мебельным гарнитуром, выполненным в традиционном индонезийском стиле с резным орнаментом. Добавьте для разнообразия и другой, в стиле модерн. Легкие металлические кресла, цветной пластик, зеленый или оранжевый.

Профессор-коммивояжер уже протягивал мне рекламные листки с образцами мебели.

— Для холла также необходим бар. Полки непременно с зеркалами. В зеркалах отражаются бутылки с виски и джином. Вы представляете, как это украсит интерьер.

— Представляю. Но я вовсе не собираюсь называть бар и стильные гарнитуры.

— Должен предупредить вас, туан, что коммиссионные мне платит мебельная фабрика. Следовательно, вам мои услуги ничего не будут стоить. Если вы покажете кондиционер для охлаждения воздуха и электрическую помпу, коммиссионные я получу от владельца магазина. Усман Трисно — это посредническая фирма, обслуживающая иностранцев. Многие посольства могут рекомендовать меня. Видите того худощавого господина в очках, разговаривающего с генералом? Это советник одного посольства. Я организовал для него великолепный бар, отделанный бамбуком. Я обставил особняк вон того полного джентльмена из американского банка.

— Простите, г-н Усман, — перебил я. — Почему называют профессором и доктором?

— Видите ли... Как бы вам объяснить... Собственно говоря, я еще не профессор и не доктор, а только лишь докторантус и лектор университета. Докторантусом у нас называют молодого ученого, готовящего статью доктором наук. В принципе звание докторантуса может носить любой человек с высшим образованием, который никогда и не станет настоящим ученым. Друзья, коллеги, студенты обычно из уважения и по традиции называют профессором любого университетского преподавателя. Так что журналист, представивший меня, не сделал большой ошибки.

— Вы работаете в университете «Индонезия»?

— Нет, в частном университете.

Усман назвал одно небольшое и малоизвестное учебное заведение.

— Что вы преподаете?

— Соспол.

Видя, что я не понял значения этого термина, Усман пояснил:

— Социально-политические проблемы.

— И о каких же проблемах идет речь в ваших лекциях?

— Я излагаю политические идеи «нового порядка»

наивною моим студентам несостоятельность идей «старого порядка», критикую концепцию Сукарно.

Фигура Усмана Трисно становилась для меня интересной. В Москве, до поездки в Индонезию в качестве корреспондента «Правды», я был преподавателем Университета имени Патриса Лумумбы, где читал курс истории стран Востока. Всякая встреча с преподавателем индонезийского университета всегда представляла для меня большой интерес. Я и сказал об этом своему собеседнику и пригласил его вместе отобедать. Хотелось порасспросить его об университетской жизни, о научной работе преподавателей, об этом пресловутом госполе, который читается теперь, кажется, во всех индонезийских высших учебных заведениях, наконец, о том, что заставило его, лектора университета, человека образованного, стать коммивояжером.

Усман встретил мое предложение без большого энтузиазма и что-то пробурчал насчет своей занятости. Тогда я сделал тактический ход.

Над любезным предложением туана я обязательно подумаю. Хозяин предоставил мне дом со всей необходимой мебелью. Но в будущем, возможно, мне что-нибудь и понадобится, например книжный шкаф.

«Нанти», — многозначительно произнес я индонезийское слово, означающее «потом», «после», «в будущем». Я уже научился у вежливых индонезийцев употреблять это слово в качестве тактического отказа. Придет, к примеру говоря, индонезиец в магазин из чистого любопытства. Было бы невежливо сказать продавцу, который настойчиво предлагает свой товар, что не нужно или что товар не по карману. Посетитель поблагодарит продавца за любезность и скажет это емко по смыслу «нанти». Это значит, что он подумает и в будущем, возможно, что-нибудь купит. Или придет индонезийцу в дом какой-нибудь назойливый делец и предложит засадить сад тюльпанами или сделать барельеф на стене или станет вымогать деньги на несуществующее благотворительное общество. Так просто выставить за дверь гостя неудобно, да и не принято. Хозяин поблагодарит его и скажет «нанти», т. е. в принципе можно, но не сейчас.

Это «нанти» и сделало Усмана более покладистым — значит, есть еще надежда заполучить клиента.

Он полистал свою книжицу и сказал, что дней через пять у него будет свободный вечер. Отчего бы не отобедать вместе с туаном и не потолковать? Мы договорились встретиться в большом китайском ресторане.

Я думал о судьбе моего нового знакомого Усмана Трисно, которая казалась мне в общих чертах сходной с судьбой учителя Супрапто. Усман был значительно моложе учителя и поэтому вряд ли мог участвовать в борьбе против интервентов. Происходил он, вероятно, из более зажиточной семьи. Но я знал, что и преподаватели высших учебных заведений получают низкую зарплату и положение их немногим лучше положения рядовых школьных учителей. Поэтому, чтобы сносно существовать, преподаватели, доценты и даже профессора ищут дополнительный заработок. Чаще всего это совместительство в других высших учебных заведениях. Обычно такое совместительство удается найти, поскольку в Джакарте и в других крупных индонезийских городах расплодилось великое множество всяких частных академий, университетов, институтов курсов. Создают их политические партии и крупные общественные организации вроде мусульманской просветительской организации «Мухаммадиях» с целью подготовить свои кадры и оказать влияние на определенную часть молодежи. Создают их и отдельные деятели с целью наживы, спекулируя на тяге молодежи к высшему образованию. Уровень подавляющего большинства частных университетов исключительно низкий. Правительство не признает за ними права выдавать выпускникам официальный государственный диплом. Чтобы получить его, необходимо дополнительно сдать экзамены в одном из правительственных университетов. Все же недостаток государственных высших учебных заведений заставляет значительные массы молодежи устремляться в частные университеты и получать там убогие крохи знаний.

Я узнал, что университет, в котором читал лекции по социально-политическим проблемам мой знакомый, был одним из самых захудалых в столице. Он не имел даже собственного здания, не говоря уж о библиотеке или лабораториях, а арендовал помещение одной из средних школ, где в вечернее время и читались лекции. Вероятно, не от хорошей жизни Усман Трисно бежал

дипломатическим приемам и предлагал стильную
боду.

Но докторантус был вовсе не так прост, как я ду-
мал вначале. Это был скорее антипод, чем двойник,
похожий на Супрапто. Перебирая комплекты газет, я
обнаружил имя Усмана Трисно на страницах одной край-
реакционной газетенки. А в одном из номеров был
напечатан его портрет — самодовольный, улы-
бающийся толстячок. Оказывается, г-н Усман был фи-
гурой многогранной. Не только лектор-докторантус и
журналист, но еще и доморощенный мыслитель. Га-
зетенка печатала серию его статей под крикливыми
заголовками: «Коммунизм против демократии», «Ком-
мунизм против свободы личности», «Коммунизм против
инициативы», «Коммунизм противен духу индонезийской
демократии» и т. д. и т. п.

По долгу службы мне приходилось читать немало
работ идеологов антикоммунизма разных калибров.
Среди них и крупные фигуры, враги многоопыт-
ные и умные, с учеными званиями, знающие нашу со-
временную действительность, наши временные трудности
и ошибки. Искусно обыгрывая их, подтасовывая и пе-
рифризируя факты и фактики, произвольно манипули-
руя выдернутыми из произведений основоположников
ленинско-ленинского учения цитатами, облакая свои
обычные нападки на коммунизм в наукообразную фор-
му, они еще могли убеждать простаков, людей неис-
пытанных. А были и мелкие, неумные пакостники, не
способные и на эту наукообразность.

В писаниях г-на Усмана, никак не относящегося к
какой-либо категории идеологов антикоммунизма, трудно
было найти что-нибудь, кроме трескучих лозунгов,
имитивной компиляции и невежества. Автор брался
писать о коммунизме вообще и приписывал ему все
возможные грехи. Нет, дело было не в том, что Усман
вовсе не был индонезийцем, а не американцем или за-
падным немцем. В Индонезии я встречал немало ум-
ных и серьезных идеологических противников, элемен-
тарно знакомых с тем ненавистным для них учением,
против которого они яростно боролись.

Что же заставило молодого докторантуса, имеюще-
го самое смутное представление о предмете критики,
браться за перо? Конечно, дух времени, общий угар
антикоммунизма, захлестнувший страну, стремление

легким путем нажать морально-политический кант. А это открывает дорогу на кафедру хотя бы в какой-нибудь частный университет, позволяет называться профессором, доктором, быть своим человеком в дипломатических посольствах и находить там клиентуру. Ведь любая антикоммунистическая писанина — это визитная карточка благонадежности, с которой смело обращаются к советнику западногерманского посольства или к управляющему отделением американского банка.

Я все-таки переборол в себе чувство неприязни к доморощенному мыслителю и решил встретиться с ним, как мы условились. Хотя бы из любопытства.

Усман Трисно был точен. В назначенный час он подъехал к ресторану на собственной малолитражке «тойоте». Мы поднялись на второй этаж ресторана. Я спросил, чего бы хотел отведать мой знакомый.

— Что угодно, кроме свинины, — ответил он. Я мусульманин, хотя и не ортодокс. Не откажусь от хорошего красного вина.

Мы заказали бутылку итальянского вермута «Мартини», суп из акульих плавников, курицу по-нанкински, креветки, вермишель с шампиньонами и ростками молодого бамбука и разные острые приправы. Усман не заставил себя долго упрашивать и принялся за еду. Он, как видно, был большим чревоугодником.

Беседа наша не клеилась. Попытался я расспрашивать Усмана о его университете. Но ничего интересного он не смог рассказать. Он, собственно говоря, мало связан с этим университетом. Лишь два раза в неделю читает лекции. К сожалению, студенты воспринимают его лекции плохо. Возможно, что он как молодой лектор не смог увлечь их своим предметом. Факультетов в университете три — экономический, готовящий будущих бизнесменов, социально-политический и правовой. Обычно в маленьких частных университетах бывают именно эти факультеты. Они не требуют лабораторного оборудования, мастерских. Сколько студентов обучается в его университете? Он точно не знает. Вероятно, сотни три-четыре.

— Может быть, вы расскажете о научной работе преподавателей?

— Какая может быть у нас научная работа? Преподаватели — совместители из других, более крупных университетов, профессоров нет вовсе.

Владелец походной харчевни со своим товаром

Пытаюсь перевести разговор на другую тему, рассказываю о своем университете, о книгах моих товарищей, ожидая от собеседника жадных вопросов. При посещении любого индонезийского университета всегда завязывались живые беседы с преподавателями и студентами. Они неизменно атаковывали меня градом вопросов, проявляя большой интерес к развитию образования и науки в нашей стране, к жизни советских студентов, к условиям учебы в СССР студентов-иностранцев. Но г-н Усман не проявил никакой любознательности. Он не задал мне ни одного интересного вопроса. Беседа превращалась в нудную и малосодержательную жвачку. Мой знакомый охотнее говорил о кушаньях и об итальянских винах, снова пытался расхваливать свою стильную мебель и убеждал меня заказать бар с зеркалами. Это уже становилось скучным. Тогда я решил перейти в наступление и встряхнуть этого самодовольно-невозмутимого Усмана.

— Узнал я, что туан частенько выступает в печати. Прочел ваши статьи.

— Поделился с читателями некоторыми мыслями.

— Очевидно, это и есть те социально-политические проблемы, которые составляют содержание ваших лекций?

— Отчасти. Критикуя идеи «старого порядка», естественно, касаюсь и идей коммунистов.

— Если позволите, я хотел бы высказать свое суждение о ваших статьях.

И я высказал откровенно, чересчур откровенно то, что думал о писаниях г-на Усмана. К моему удивлению, он не обиделся. Заправские коммивояжеры отвыкают обижаться.

— Что ж, мы люди разных политических убеждений и по-разному смотрим на вещи. Это естественно,— невозмутимо ответил Усман.

— Поймите же, г-н Усман... Можно не принимать коммунизм, ненавидеть его. Но в наше время даже самые ярые враги коммунизма не могут закрывать глаза на его успехи и силу и понимают, что бороться с ним с помощью бездоказательных фраз и абсурдных ярлыков бессмысленно. Вот вы договариваетесь до того в одной из ваших статей, что коммунисты препятствуют историческому прогрессу, а коммунизм — шаг назад в развитии общества. Так?

— Я имел в виду индонезийских коммунистов...

— Да полно вам... Вы толкуете о коммунизме вообще, считая его универсальным злом. Наша страна за каких-нибудь несколько десятилетий шагнула из вековой отсталости к прогрессу и стала одной из самых высокоразвитых стран в мире. Неужели вы ничего не читали об успехах советских космонавтов, о крупнейших советских гидроэлектростанциях, о лучшем в мире Московском метрополитене, о Московском университете, о нашем техническом и научном прогрессе? Мы считаем это торжеством идей коммунизма.

Все-таки я вывел моего собеседника из невозмутимого равновесия. Он долго молчал, собираясь с мыслями и сосредоточенно пытаясь поддеть вилкой креветку.

— Я много слышал о вашей стране от людей, учившихся в Москве. Среди них был и один из моих

родственников. Все они говорят о больших достижениях русских, о которых мы можем только мечтать. Вероятно, они правы. Я не такой уж скептик. Как верующий мусульманин и член мусульманской партии, я не разделяю вашей атеистической идеологии. Но не считайте меня настолько глупым, чтобы не понимать простой вещи: не коммунизм, а нечто другое — причина всех зол и бед, от которых страдает современная Индонезия. Нищета, безработица, массовая коррупция, разъедающая страну, подобно раковой опухоли, доминирующее иностранное влияние, которое не дает вдохнуть национальному предпринимателю — вот лишь некоторые из наших зол. И конечно, не коммунисты их вызвали.

— Вы совсем неглупо рассуждаете, туан. Но получается, что думаете вы одно, а пишете и рассказываете студентам совсем другое. Как вас понять? У нас это называется беспринципностью.

— Видите ли... — нерешительно начал Усман и замолчал. — Как бы вам это объяснить?

— А так и объясните.

— Я не фантастический витязь Арджуна, побеждающий с помощью богов могущественное чудовище. Я простой маленький человек. Хочу построить счастье для своей семьи. Не судите же меня слишком строго. Я не лучше и не хуже многих, подобных мне. Разрешите быть до конца откровенным.

Усман наполнил наши бокалы вином и хотел было произнести тост, но так ничего и не сказал.

— Пусть туан что-нибудь скажет, — попросил он.

— За откровенность, г-н Усман, — предложил я. — Ответьте мне на простой вопрос. Какова ваша цель в жизни? У каждого мыслящего человека должна быть она, эта цель. Ученый стремится к открытию, полезному для человечества. Писатель хочет написать хорошую книгу, которая открыла бы перед читателями нечто новое, неизведанное, чему-то научила его. А какова цель у вас, докторантуса, лектора университета, коммивояжера и, простите за откровенность, автора поганеньких статей?

— Буду с вами откровенен. Но дайте мне слово джентльмена, что не упомянете ни моего настоящего имени, ни названия моего университета, если вам при-

дет в голову написать что-нибудь про меня, про нашу беседу.

— Это я вам твердо обещаю. Какая в конце концов разница, зовут ли вас Усманом или Сулейманом.

— Я вовсе не из богатой семьи, как вы, может быть, подумали. Отец имел маленькую типографию точнее фабричку клише, печатавшую бутылочные этикетки. Двенадцать рабочих и один конторский служащий. Фабричка не выдержала конкуренции. Отец продал ее за бесценок и уехал к моему старшему брату работавшему в конторе каучуковой плантации под Богором. Братья кое-как помогли мне закончить курсы на юридическом факультете университета. Сначала мечтал стать врачом. Но на юридическом платили обучение ниже, чем на медицинском. Не приходится платить за лабораторные занятия, пользование микроскопом, клиническую практику. Кончил университет успешно. Что могло ожидать меня? Мелкий судейский чиновник, секретарь или мальчик на побегушках у частного адвоката, в лучшем случае ассистент права в университете. Грошовое жалованье, на которое я не смог бы купить и одну бутылку такого вина, как мы сейчас с вами распиваем... А сколько способной молодежи после университета вообще не может найти работы. Те, у кого есть богатые родители или связи, стремятся на государственную службу, а мечтают вести свое дело, открыть рекламное бюро, собственный врачебный кабинет, адвокатскую контору, на худой конец стать маклером, агентом частной компании.

Усман отпил вина и продолжал:

— У меня не было богатых, влиятельных родственников. Но и я поставил перед собой цель — открыть собственную адвокатскую контору. Нужны деньги и имя, чтобы получить правительственную лицензию, купить дом на бойком месте, создать себе рекламу. Вы видите, каким образом я добываю деньги. Фирма Усмана Трисно по обслуживанию иностранных представительств. Как делаю себе имя? Статьи на актуальную тему, лекции в университете, тебя уже называют профессором и доктором. Кстати, когда я опубликовал эти статьи, мой второй брат, морской офицер, назвал это интеллектуальным проституированием и перестал подавать мне руку. Он слишком прямолинейный человек и не понимает, что жизнь наша сложна.

представляет нас идти на сделки с совестью. Университет, разумеется, не цель моей жизни. Тех денег, что получаю за лекции, не хватило бы на жизнь и одному. Однако думаю со временем стать доктором и профессором. Представляете, как это будет звучать — адвокатская контора доктора, профессора Усмана Трисно. Вот и будет и имя, и реклама. В Джакарте, к сожалению, слишком много частных адвокатских контор. Не привлечь клиентуру, не имея имени, не так-то просто. Придется написать солидную монографию и отдать ее за свой счет.

Насколько я понимаю вас, эта будущая монография сделает вас доктором наук?

Да. Вероятно, я остановлюсь на теме «Коммунизм противен духу индонезийской нации».

Как вы объясните в своей монографии тот факт, что в середине 1965 года компартия Индонезии насчитывала в своих рядах около трех миллионов человек, что на коммунистами шли миллионы членов профсоюзов, молодежи, крестьян?

Буду объяснять это как явление случайное и непостоянное для Индонезии. Или же этот вопрос вообще не будет ставиться в книге. Я буду говорить о глубокой религиозности индонезийского народа, о его приверженности исламу. А затем сделаю вывод, что коммунистическое учение как атеистическое не может иметь почвы в моей стране.

Мы с вами, г-н Усман, договаривались об откровенности. Так?

Договаривались.

Тогда скажите откровенно, эта самая ваша еще не написанная монография будет продуктом ваших размышлений, вашей искренней убежденности или компромиссом с совестью в условиях, как вы говорите, сложной действительности? Короче говоря, не будет ли она просто средством любой ценой добыть ученую степень доктора, нужную преуспевающему адвокату?

Видите ли... Не так все просто, не так все просто.

На мой последний вопрос прямого и искреннего ответа от г-на Усмана я так и не получил.

Я сдержал слово и не назвал в очерке настоящего имени моего знакомого. Но фигура Усмана Трисно типична для современной Индонезии. Среди подобных

молодых индонезийцев культивируется презрение к общественно полезному труду и жажда легкой наживы. Для достижения этой цели все средства хороши даже те, которые избрал г-н Усман и которые его родной брат метко назвал интеллектуальным проституированием. Я никогда не встречал этого морского офицера, не знаю его политических убеждений, но представляю его человеком честным, принципиальным, и похожим на своего брата.

Генерал, профессор

Одно упоминание имени отставного генерала Мустопо неизменно вызовет на лице вашего собеседника веселое оживление. Кто же не знает в Джакарте этого экстравагантного, чудаковатого человека?

Зубной врач по образованию, Мустопо становится видным военным руководителем республиканской армии в годы борьбы с английскими и голландскими интервентами, а затем занимает должность заместителя начальника штаба сухопутных сил. Такая карьера в условиях Индонезии не была необычной. Покойный Адан Капан Гани, например, был в молодости киноактером, а впоследствии стал видным деятелем Национальной партии и неоднократно занимал пост министра. Недостаток кадров национальной интеллигенции заставлял молодую республику смело выдвигать на ответственные правительственные и военные посты людей самых неожиданных профессий.

А почему бывший киноактер не мог стать министром и рядовой зубной врач — генералом?

На посту заместителя начальника штаба сухопутных сил Мустопо завоевал широкую известность как политический оратор. По сложившейся традиции на различных общественных митингах, партийных конференциях, симпозиумах, юбилейных вечерах непременно должен был выступать с приветственным словом от вооруженных сил видный офицер. Обычно командование направляло для этой цели велеречивого Мустопо, который в грязь лицом не ударит.

Помню конгресс Национальной партии, проходив-

ной в конце 50-х годов в здании спортивного клуба, ныне снесенном, на площади Мердека. С краткими трибунальными речами выступали гости — члены других партий. Наконец слово было дано представителю вооруженных сил. На трибуну поднялся офицер вооруженных сил, плотный круглолицый человек с узкими щелками глаз. Его появление вызвало оживление в зале. Это и был Мустопо, тогда еще полковник. Как и другие слушатели, я плохо улавливал общий смысл его речи, пространной и витиеватой. Оратор наяривал лозунги, приводил цитаты из Корана, прерывал речь пением молитв и в конце концов впал в такой экстаз, словно командовал сражением.

Мой сосед, почтенный индонезиец, сказал тогда:

— Полковник чересчур работает на публику, забывал о сути предмета.

Впоследствии Мустопо становится видным деятелем просвещения, проректором бандунгского государственного университета «Паджаджаран». Когда я вторично приехал в Индонезию, то узнал, что он, уже генерал-майор в отставке, стал крупным дельцом — владельцем многих учебных заведений, поликлиник, многоврачебных учреждений, родильных домов в Джакарте и Бандунге. Его университет выделялся среди многочисленных частных университетов столицы как относительно солидный. Он так официально и назывался: «Университет профессора, доктора, генерала Мустопо». На его пяти факультетах обучалось около тысячи студентов. Владелец университета был одновременно и ректором.

Я посетил это высшее учебное заведение без предварительного звонка или приглашения. Университет размещался в легких, барачного типа постройках, скромных, но чистых. На стене административного корпуса висели листы бумаги с забавными карикатурами, дружескими шаржами, фотографиями, студенческими стихами. Это было нечто вроде нашей стенной газеты. Здесь пробирали нерадивых студентов, пробовали свои творческие силы, старались в шуточной форме представить себя в будущем врачами, журналистами. Проявлялись смелая выдумка и остроумие. В аудиториях шли лекции, слышались размеренные голоса лекторов. Вообще с первого взгляда обстановка в этом университете показалась мне дело-

вой. Чувствовалась твердая рука хозяина, почтенного организатора.

Узнав, что ректор у себя, я попросил милостивую девушку-секретаршу доложить обо мне. Через минуту секретарша вернулась и сообщила:

— Бапак ректор очень рад с вами встретиться. Он просил вас немного обождать. Сейчас у него нет замен.

Ждать пришлось довольно долго, так что я имел достаточно времени, чтобы осмотреть секретариат. Это был своего рода мемориальный кабинет, посвященный боевому прошлому ректора. Рядом с портретом генерала Мустопо висели картины каких-то самодельных художников. Генерал изображался то перестроен солдат во время обороны Сурабаи осенью 1944 года, то во время других эпизодов борьбы с интервентами. Излишней скромностью, как я мог убедиться, Мустопо отнюдь не страдал. Наконец я услышал:

— Ректор просит вас.

Войдя в соседнюю комнату, я увидел крепко сбитого, заметно располневшего человека в штатском с коротким ежиком волос на большой лобастой голове.

Традиционные приветствия. Традиционная чашка кофе. Объясняю причину моего интереса к университету. Мустопо не принадлежит к тем людям, которые умеют выслушать собеседника. Он, прирожденный оратор, любит говорить сам. Выслушиваю пространную лекцию об истории создания университета, его структуре, учебных программах. Все это я смог потом прочесть в отпечатанном проспекте, которым снабдил меня ректор. Читая для меня лекцию, Мустопо успевает же принять плату за обучение от студента, который по каким-то причинам не внес ее в срок, и сурово отчитать его.

— Что поделаешь,— говорит он мне.— Частный университет существует в основном за счет студенческой платы. Не получу ее вовремя, стану банкротом и вынужден буду прикрыть свое заведение. Горько, но это так.

Лекция прерывается приходом фоторепортера. Он принес выполненный заказ ректора — пачку фотографий, переснятых с каких-то архивных материалов. Мустопо с почти детским восторгом раскладывает фотографии на столе и переключается на другую тему

Продавщица шляп

— Вы видите национальную индонезийскую ар-
ию в годы борьбы с интервентами.

На каждой фотографии я вижу самого Мустопо.
Это легко узнать по большой лобастой голове.

— Это я рядом с генералом Насутионом,— пояс-
няет он.— Бапак Насутион в ту пору командовал ди-
визией, а я был заместителем. Возьмите на память
этот снимок.

Из рассказа Мустопо об университете я понял, что
важнейшим принципом в повседневной работе ректор
считает опору на студенческий актив. Студенты при-
влекаются к административной работе в университете,
проходят постоянную практику в университетской по-
ликлинике. Большая группа студентов совмещает уче-
бу с работой в качестве технических секретарей,
библиотекарей, помощников деканов, младшего меди-
цинского персонала поликлиники, лаборантов, препа-
раторов. Даже один из проректоров университета —

студент. Самые способные студенты старших курсов зубо-врачебного факультета работают в качестве прачей-практикантов. Силами студентов изготовлено немало медицинских инструментов и различного учебного оборудования.

Я поинтересовался, полагается ли за этот труд от благо университета какое-нибудь вознаграждение.

— Нашим помощникам снижается плата за обучение, — пояснил ректор.

Он предложил теперь ознакомиться с университетом. Мы заглядываем в аудитории, где идут лекции. Студенты дружно встают и приветствуют ректора. Мустопо решил представлять меня студентам не как корреспондента советской газеты, а как «профессора из Москвы». В каждой аудитории он говорил отрывистой скороговоркой примерно следующее:

— Помните, у нас были в гостях профессора из Америки, из Голландии. Откуда еще?

— Из Австралии, — подсказывал кто-то.

— И из Австралии. А теперь нас посетил профессор из Москвы. Вы видите, друзья, нашим учебным заведением интересуются в разных странах. Гордитесь же своим университетом и учитесь хорошо. Ясно?

Мустопо оставался самим собой. Когда мы вышли из первой аудитории, я сказал ректору:

— Бапак генерал ошибается. В Университете имени Патриса Лумумбы я был лишь рядовым преподавателем. Никаких оснований называться профессором у меня нет.

— А вам-то не все ли равно? Я называю вас профессором потому, что студенту это понятнее. Мы вкладываем в это слово более широкий смысл. И, кроме того, я преследую воспитательные цели. Пусть студенты гордятся университетом, который посещают иностранные профессора.

Что я мог возразить на это простодушное заявление?

Познакомил меня ректор с лабораториями, анатомическим классом, зубо-врачебной поликлиникой. Лаборатории скромные, на уровне нашей обычной средней школы. Все-таки они оснащены необходимым минимумом приборов и препаратов, с помощью которых можно вести практические занятия по физике, химии, биологии. В других частных университетах нет и этого.

В лабораториях тишина. Парни и девушки склонились над микроскопами, тщательно записывают результаты наблюдений. Ректор пожаловался, что микроскопов не хватает. Они слишком дороги.

Как старый зубной врач Мустопо проявляет особенно большой интерес к подготовке людей этой специальности. Помимо медицинского факультета общего профиля в университете есть зубо врачебный факультет.

— Создавая поликлинику при университете, я стремился не только обеспечить студентов базой для практики, но и сделать ее дешевым лечебным заведением для людей из кампунга, — объяснил мне Мустопо, когда мы заглядывали во врачебные кабинеты с жужжащими бормашинами.

Пациенты знают, что здесь лечение обойдется значительно дешевле, чем в других поликлиниках и аптеках или у известных врачей, занимающихся частной практикой. И в то же время это для университета, нуждающегося в финансовой поддержке, некоторый дополнительный источник дохода.

— Не забыли, генерал, вашу старую специальность? Вы практикуете теперь? — спросил я из любопытства.

— Уж много лет, как бросил врачебную практику, — с заметным сожалением сказал Мустопо. — Административные заботы... Не до того. Читаю сейчас курс социально-политических проблем.

Наша экскурсия по университету закончилась посещение студенческой лавки. Здесь продавались тетради, бумага, ручки и другие предметы, необходимые для скромного студенческого обихода. Ректор пояснил, что все это стоит здесь значительно дешевле, чем в городских магазинах.

— Обратите внимание на эти медицинские инструменты, — сказал Мустопо, указывая на витрину. — Все это сделано в нашей мастерской руками студентов. Если будущему врачу понадобится, к примеру говоря, скальпель, он купит его здесь за полцены. Пусть даже он не такого хорошего качества, как импортный.

— Вероятно, этот молодой человек за прилавком тоже студент? — спросил я.

— Да. Мы организовали также дешевую закусочную. Недавно я приобрел участок земли и начал

строить общежитие. Это будет простой, непритязательный дом из бамбуковой щепы, крытый черепицей. Зато койка обойдется студенту совсем дешево. Для приезжих жильё — самая серьезная проблема. Снять в городе дешевую комнату невозможно. Многие собственные молодые люди из провинции, столкнувшись с жилищной проблемой, вынуждены бросать учёбу. Вот все, что мы можем пока сделать для наших студентов.

Я уже собирался поблагодарить ректора и расстаться с ним, но он сам предложил:

— Если вы располагаете временем, я покажу вам некоторые из моих лечебных учреждений.

Соглашаюсь, надеясь получить более глубокое впечатление о разносторонней деятельности Мустопо.

— Но прежде всего, туан, давайте побродим по ближайшему кампунгу. Ваш брат, иностранный корреспондент, видит индонезийскую столицу в основном с фасада. В общих словах вы пишете, разумеется, о нелегкой жизни простого индонезийца, страдающего от нищеты, безработицы, дороговизны, живущего в трущобах, скученных и грязных. Но вряд ли вы представляете отчетливо всю глубину этих бедствий. Чтобы понять это, нужно побывать, и не раз, в самом центре трущоб. Пойдемте.

«Университет профессора, доктора, генерала Мустопо» находится на стыке территории центрального спортивного комплекса «Сенаян», построенного в своё время с советской помощью, и аристократического района Кебайоран. Рядом возвышаются корпуса общежития министерства иностранных дел и начинаются шеренги коттеджей богатых дельцов, крупных чиновников, иностранных дипломатов. И совершенно неожиданно сюда вклинивается небольшой кампунг, прижавшийся к самому университету.

Мустопо свернул с главной улицы в узкий проход и повел меня куда-то в глубь кампунга, пропитанного зловонием нечистот, затхлостью, гнилью. В неопишуемой тесноте хозяйки ухитрялись заниматься стиркой, готовить на небольших очагах пищу. Ведь другого места не было. В жалких жилищах можно было увидеть лишь жесткие соломенные циновки, служившие постелью. Обитатели кампунга не знали ни электричества, ни све-

ни питьевой воды, ни канализации. Они дышали серым, нездоровым воздухом. Под ногами была грязь, в которой копошились полуголые или совсем голые ребятишки.

— Обратите внимание,— с горечью говорил Мустопо.— Чесотка, парша, экзема — вот чем постоянно болеют эти несчастные дети. В нашей стране они не видят достаточно солнечного света. Он не проникает в эти темные клоаки. Это ли не печальный парадокс?

Отсюда Мустопо свернул в другой, еще более мрачный и вонючий проход, крытый кровлей. Теперь мы ступали не по вязкой грязи, а по шаткому деревянному настилу. Под ним была сточная канава. Недостаток земли заставил бедняков застроить хижинами даже этот участок. Это было нечто вроде крытого базара, грязного и вонючего. В лавках-хижинах на прилавках или просто на полу перед входом был разложен скудный товар: маленькая сушеная рыбешка, несвежие креветки, овощи, фрукты, которые считаются состоятельными индонезийскими полусъедобными, бананы, какая-то зелень. Даже рис, основная пища населения, был для многих обитателей кампунга малодоступной роскошью. В лучшем случае его покупали к празднику.

Привыкнув к полумраку, я смог разглядеть жилища. Дверей обычно нет. Лишь иногда вход завешен старой тряпкой или циновкой. Позади прилавка крохотная полочка. Если семья большая, сооружаются двухэтажные пары, занимающие половину жилища. Под нарами — крошечный домашний скарб.

Люди встречали нас сумрачными взглядами, без любопытства. Казалось, беспросветная нужда притупила в них все чувства, вытравила всякий интерес к окружающему.

Вслед за Мустопо я вышел из кампунга на широкую пыльную улицу подавленный, ошеломленный и прежде всего глубоко вдохнул свежий воздух. Но запахи кампунга преследовали меня: запахи нечистот, гнилых овощей, протухшей рыбы, прелой соломы, затхлых каморок. Перед глазами стояли картины нищеты, чесоточные ребятишки, изможденные люди с тусклым, опустошенным взглядом.

— Вот вам столица не с фасада, а с задворок,— сказал Мустопо.— А ведь многие из этих людей, которых мы с вами только что видели, были участниками Ав-

густовской революции, сражались против интервентов. А чего они добились для себя лично? Понимаете, с таким чувством я, участник этой борьбы, в прошлом главный военный руководитель, прихожу в этот кампунг, встречаюсь с его обитателями, особенно с теми, которые были моими солдатами.

Все это говорилось с неподдельной горечью.

— Не будем говорить о всех наших социальных проблемах — их слишком много, — продолжал он. Со своей стороны я делаю все, что в силах, чтобы помочь этим людям, создаю дешевые поликлиники, родильные дома, зубные лечебницы, доступные для таких вот бедняков. Я строю их не в центре города, а в бедных кампунгах, на городских окраинах. Если бы богатые предприимчивые люди следовали моему примеру, создавали школы, детские сады, лечебницы, они бы внесли серьезный вклад в решение наших социальных проблем. Если не возражаете, я покажу теперь вам два моих лечебных учреждения.

Мы долго ехали куда-то через юго-западную окраину Джакарты, пересекли полотно железной дороги на Мерак. Мустопо тем временем рассказывал мне с большим делом о состоянии здравоохранения в стране, о нехватке врачей. Платные госпитали и лечебницы, частные врачи недоступны для бедняка. Люди из кампунгов вынуждены обращаться к невежественным знахарям-табибам. Играя на суевериях неграмотных людей, эти шарлатаны ловко дурачат пациентов. Нередко больным, которым помогло бы срочное врачебное вмешательство, приходится дорого расплачиваться за услуги невежд, не обладающих элементарными медицинскими знаниями. Сколько преждевременных смертей, особенно молодых рожениц, на совести знахарей.

Городская окраина осталась далеко позади. Мы проехали рисовые поля. На опушке пальмовой рощицы, на которой начиналось какое-то поселение, я увидел аккуратную каменную постройку. «Родильный дом доктора, профессора Мустопо» — увидел я вывеску.

Нас встретила молодая девушка в белом халате, не то начинающий врач, не то акушерка. Она явно оробела, увидев своего шефа с гостем-иностранцем. Но, взяв себя в руки, девушка толково доложила о состоянии дел. На сегодняшний день в стационаре две пациентки, родившие вчера почти в одно и то же время. Новорожден-

...чувствуют себя нормально. Кроме того, пришлось на прием две женщины из кампунга. Одна из них пришла дома и едва не погибла от заражения крови. Известно, при ней был какой-то знахарь. Теперь тяжелое заболевание.

— Вот видите,— перебил Мустопо.— Что я вам говорил? Эта женщина может остаться инвалидом. Люди из-за своего невежества и предубеждения предпочитают врачу шарлатана. И вот вам горький итог. Этот родильный дом рассчитан на шестнадцать коек, а только две пациентки...

Мы прошлись по палатам, посмотрели операционную, кабинет врача. Все скромно, но чисто. Потом Мустопо пригласил меня в маленький домик, стоявший на улице. По-видимому, здесь принимали гостей и останавливался хозяин, приезжая сюда взглянуть, как идут дела. Мы устали и проголодались. Обеденное время давно миновало.

— Я угощу вас чудодейственным напитком. Он подкрепит ваши силы,— сказал Мустопо и отдал распоряжение санитарке. Она принесла на подносе стаканы с желтоватой, как лимонад, водой. Вода была горькой.

Мустопо прочитал мне целую лекцию о свойствах напитка. Это настой корня одного местного растения. Многие индонезийцы употребляют его в качестве тонизирующего средства при малокровии, общем недомогании, упадке сил. Напиток прописывается роженицам как обязательное лекарство. Он, Мустопо, засадил весь дворик этим целебным растением, этим индонезийским женьшенем.

Мы вышли во двор. Мустопо собственноручно вырыл несколько кустиков и протянул мне.

— Обязательно посадите в вашем саду. Рекомендую пить настой корня.

Я привез кустики домой и посадил под окнами. Но потом, занятый своими делами, как-то забыл про них и про рекомендации пить горький напиток.

Идем обратно в город. Колесим по окраине и попадаем опять в какой-то кампунг.

— Дальше на машине не проехать,— предупреждает Мустопо.— Придется немного пройти пешком. Здесь мой поликлиника. Здесь же я строю общежитие для студентов.

Идем извилистыми переулками, минуем узкий мостик, перекинутый через канал. Кампунг как будто и столь убогий и грязный, как тот, первый. Но и здесь всюду бедность, нищета вопиющая, безысходная.

Как видно, генерал Мустопо фигура здесь известная, даже популярная. Прохожие почтительно приветствуют его, кланяются.

Мустопо отвечает на приветствия, успевает на ходу перекинуться с кем-то шуткой, потрепать по щеке мальчугана. Потом он подходит к одной хижине. Вернее, это даже не хижина, а крохотная пристройка к большому бараку. Мой спутник окликает кого-то по имени. Из пристройки выходит пожилой сухопарый индонец.

— Здравствуй, Али. Как дела?

— Хорошо, бапак генерал.

— Где работаешь?

— Здесь, в кампунге. В маленькой мастерской.

— И сколько тебе платит хозяин?

— Тысячу рупий в месяц без риса.

— Тысячу? Что-нибудь прирабатываешь?

— Какой может быть в кампунге приработок...

— Если мне не изменяет память, у тебя трое детей.

— Трое, бапак. У бапака хорошая память.

Мустопо говорит своему знакомому что-то ободряющее, и мы идем дальше.

— Вы представляете, что такое в наше время тысяча рупий на такую семью? — с азартом говорит генерал.

— Представляю. Это двадцать килограммов риса.

— Нет, вы не представляете. Рис в последние дни опять подорожал. На тысячу рупий вы уже не купите двадцать килограммов. Семья этого Али живет впроголодь. А ведь он мой солдат. Что он завоевал, спрашивается.

Мустопо все больше и больше распалялся, и его голос, полный неподдельного негодования, гремел над кампунгом. Из хижины выглядывали люди и сочувственно прислушивались к генералу.

— Вот чем я пока смог помочь этим людям, — закончил свою гневную речь Мустопо, показывая на лесное сооружение с четырехскатной крышей посреди кампунга. Это была поликлиника. Время приема пациентов уже истекло. В поликлинике оставалась только де-

сестра. Она показала Мустопо толстую пачку записей с врачебными записями и объяснила:

Сегодня было много больных. Больше дети с легочными и желудочными заболеваниями.

А что можно ждать при такой жизни в кампунгах? — сказал Мустопо. — Антисанитария, нездоровая пища, систематическое недоедание, недостаток витаминов. Это социальные болезни.

Проставаясь с генералом, я искренне благодарил его. Он помог мне заглянуть в самое чрево джакартских кампунгов, увидеть жизнь столичной бедноты без прикрас.

Сам по себе колоритная фигура генерала, профессора, доктора Мустопо оставляла яркое впечатление. Превеличивая, скажу, что это один из интереснейших людей, с которыми доводилось мне встречаться в Индонезии. Не буду подходить к нему с нашими привычными мерками и строго судить его экстравагантности, чудачества, а может быть, порой и поиски дешевой популярности. Я посещал немало индонезийских университетов, государственных и частных, оставлявших разное впечатление. На их общем фоне университет Мустопо выглядит хорошим учебным заведением. О его ректоре можно сказать как о неплохом организаторе, умеющем опереться на студенческий актив. Все учебные учреждения, которые создал Мустопо, весьма полезны. Ведь страна так нуждается в них. И все же Мустопо и ему подобные остаются прежде всего дельцами, бизнесменами. А вся их деятельность — это чисто коммерческий бизнес, приправленный буржуазной филантропией.

Да, студент может купить сравнительно дешевую еду в местном киоске, выгадать несколько рупий, пообедав в скромной студенческой закуской. Но он перестанет быть студентом, если не внесет вовремя плату за посещение лекций, лабораторных занятий, семинаров, за экзамены, пользование микроскопом и многое другое. Предположим, что амбулатории Мустопо вполне дешевые и доступны для бедняков. Но и здесь надо платить за прием, за каждую лечебную процедуру. А как быть тем обитателям кампунгов, у кого денег нет?

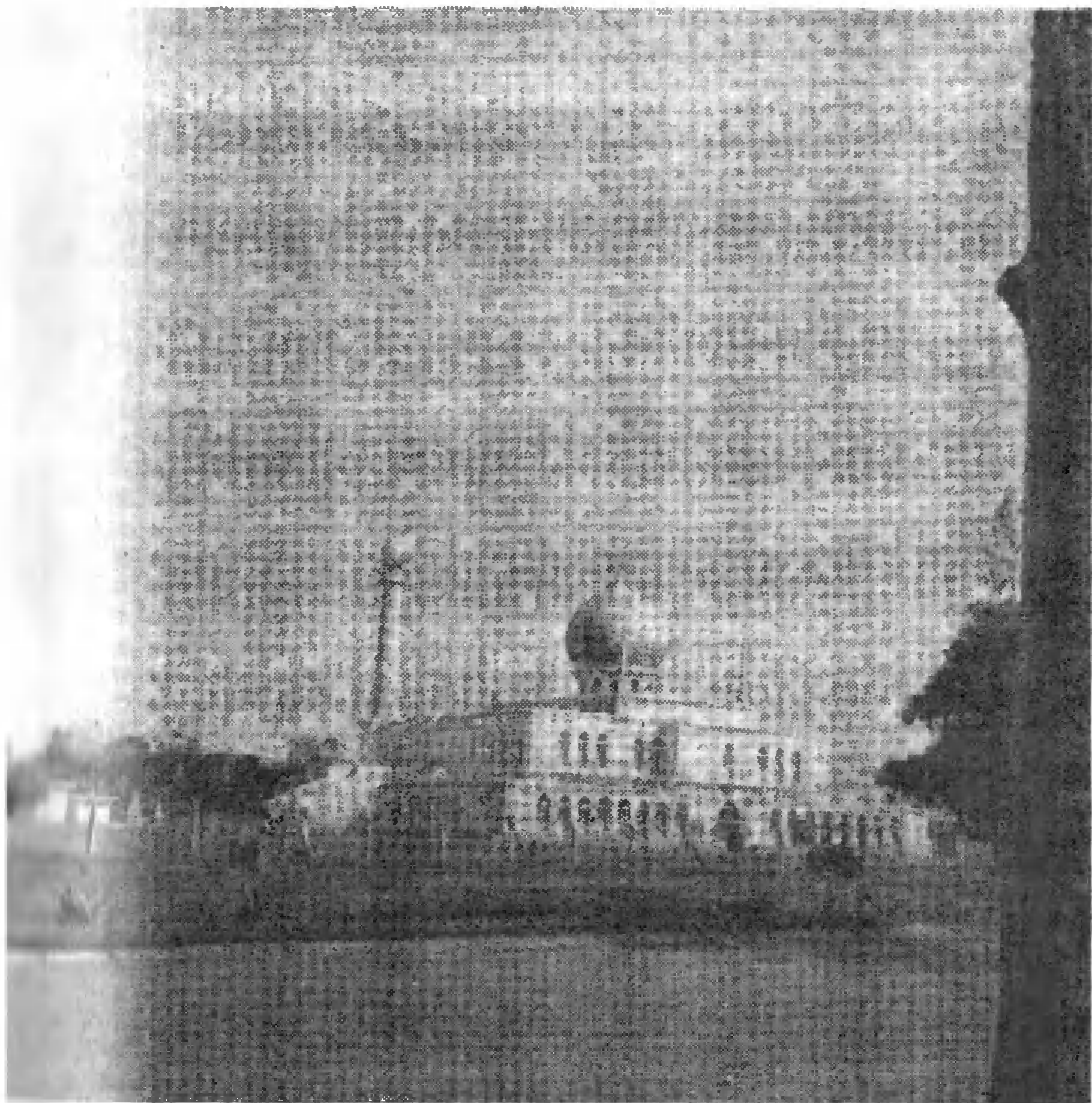
Студенты

Учебный год в индонезийских учебных заведениях начинается не с первого сентября, как у нас, а с первого года. Будущие студенты устраивают странные маскарады. Вывернутые наизнанку брюки и рубахи с паштыми на них декоративными заплатами, рогожные колпаки или шляпы, метелка за поясом, ожерелье из жестяных консервных банок или детских сосок — это далеко не предел их буйной изобретательности. На шее, на куртке, непременно болтается картонная бирка с именем и фамилией студента и с названием его будущего учебного заведения.

Колонны ряженых шагают по улицам, повинаясь чьей-то команде, бегут, останавливаются. Раздает команду: «Лечь! Встать! Лечь!..» Хорошо, если под ногами только пыльный асфальт. Но вожак колонны нарочно выбирает самое грязное место. Ему непременно хочется, чтобы ребята плюхнулись в лужу или в грязное месиво. Снова бег. «Скорее, скорее!» — слышится команда. Продолжительный бег при тропической жаре под палящим солнцем трудно выдержать даже натренированному солдату. Отстает один, другой, третий. Падает в обморок хрупкая девушка. Смешной маскарад приобретает жестокий характер.

Двигаются ряженые велосипедисты, колоннами и одиночку. К велосипедам привязаны совки, корзины, старые ведра. Ребята в рогожных колпаках и шляпах растекаются по всему городу. Они останавливают прохожих и задают нелепые, вызывающие смех вопросы. Заходят в лавки и без приглашения хозяина подметают пол, вытирают пыль с полок. Ко всему этому публика давно привыкла и встречает выходки ряженых без особого удивления. Традиция!

Я решил, что это только маскарад, карнавал, время которого будущие студенты дают волю изобретательности и позволяют себе немного лишнего. Мне объяснили, что это не маскарад и не карнавал, испытания для новичков, неофициальные, так сказать, общественные. Будущий студент проходит испытательный срок. За это время он должен продемонстрировать свою выносливость, исполнительность, повиновение старшим, готовность выполнить любое задание.

Большая мечеть в Кебайоране (Джакарта)

м бы сложным, нелепым, физически тяжелым, уникальным оно ни было. Бег под палящим солнцем, движение по грязи, бесцельная езда на велосипеде от рассвета до полуночи — это еще не самые сложные виды испытаний.

Однажды я заглянул в гости к одному старому индонезийцу, в прошлом видному чиновнику, а теперь пенсионеру. Его младшая дочь Индра, шустрая миниатюрная девушка, стриженная под мальчика, собирается поступать в университет. Я поинтересовался ее планами.

— Индра серьезно больна. Не встает с постели, — пожаловался старик и рассказал, что девушка не выдержала испытания. Вожак, студент-старшекурсник, приказал ей искупаться в глубоком канале. Индра плавать не умела и побоялась лезть в воду. Вожак настаивал на своем. Она должна безбоязненно выполнить за-

дание, если дорожит будущей репутацией в студенческом коллективе. Если она начнет тонуть, ребята вытащат ее на берег. Девушка все-таки не полезла в воду. Тогда вожак наложил на нее штраф — пусть она простоит на открытой площадке под палящим солнцем по стойке «смирно» шесть часов. Индра простояла только два часа и потеряла сознание. Занятия в университете уже начались, а она еще не выдержала испытания. Она верит, что вожак сделает теперь скидку на ее слабое здоровье. Он не такой уж злой парень. Вероятно, Индре придется в течение двух недель кататься на велосипеде вокруг большой мечети. Об этом сказала по секрету навещавшая ее подруга Сунати. Две недели совсем нетрудного повторного штрафного испытания... И потом Индра сможет снять этот дурацкий колпак, вывернутые наизнанку брючки, оденется по-человечески и пойдет слушать лекции профессоров.

Кстати, эта самая Сунати получила задание куда более сложное. Вожак предложил ей, будущей журналистке, посетить одного очень важного господина и взять у него интервью. Этот господин и отец вожака принадлежали к разным политическим партиям и считались давнишними врагами. Вопросы для интервью были самыми нелепыми и оскорбительными. Вот наиболее безобидный:

— Туан, конечно, любит сатэ. Какое сатэ он предпочитает — свиное или собачье?

Потом Сунати должна была подробно рассказать вожаку, как важный господин реагировал на ее вопросы, плевался ли при этом или болезненно морщился. Вожак хотел не только проверить будущую студентку, но и сделать маленькую пакость политическому противнику своей семьи.

Сунати долго стояла в нерешительности на открытой веранде большого двухэтажного дома, прежде чем набралась смелости нажать кнопку звонка. Хозяин дома оказался вовсе не таким уж важным и суровым, как она предполагала. Выслушав молодую гостью, он не плевался и не морщился, а только грустно покачал головой. Он даже усадил Сунати за низенький столик и угостил кофе.

— Выпейте, нона *, и послушайте, что я вам скажу.

* Н о н а — обращение к девушке.

Многие выходки чужды национальным традициям. Они скорее в духе немецких буршей времен Бисмарка. Когда воспитывался культ слепого повиновения старшим. Младший слепо повиновался, чтобы потом, через несколько лет, стать старшим и точно так же измысливать над новичками. Вот и вырастали поколения материалистических и чванливых людей. Удивительно ли, что впоследствии эти люди заговорили о своих претензиях повелевать миром. Вероятно, эти чуждые намерения пришли сюда вместе с голландцами. Почему же мы снова культивируем их? Мне стыдно и больно за вас, за нашу молодежь. Вы наряжаетесь в эти дурацкие рогожи, слушаетесь каких-то деспотичных глупцов, подражаете панургову стаду.

Хозяин говорил терпеливо, без раздражения, как внимательный доктор говорит с тяжело больным человеком. Сунати сидела, низко опустив голову, стесняясь спросить, что означает это непонятное для нее выражение «панургово стадо».

— Я чувствую, вы не поняли мои последние слова. Вы никогда не читали Франсуа Рабле, великого французского писателя? Это лучше комиксов, которыми увлекается современная молодежь.

Встретившись с вожаком, Сунати обманула его и была рада удавшемуся обману. Она сказала, что важный господин брезгливо плевался и гримасничал и ничего вразумительного не смог ответить на ее вопросы. Вожак ликовал. Он похвалил Сунати и освободил ее от дальнейших испытаний. Однако близким друзьям и подругам, в первую очередь Индре, она пересказала своими словами все то, что говорил ей человек, живущий в большом двухэтажном доме.

Обо всем этом Индра рассказала отцу, а старый пенсионер поделился со мной.

— Согласен, что эти жестокие испытания чужды нашим национальным традициям, порой унижительны. Молодежь теряет чувство меры,— говорил мой знакомый.

— А если кто-нибудь, к примеру ваша дочь, откажется проходить испытания? — спросил я. — Ведь не студенческие вожаки, а ректорат решает вопрос о приеме.

— Все это так. Но сложившаяся традиция сильна. Противник традиции противопоставит себя студенче-

скому коллективу, неизбежно столкнется с руководителями влиятельных студенческих организаций. Именно они выступают в роли блюстителей подобной системы испытаний. Она, эта система, в конце концов преследует цель воспитывать в студентах чувство повиновения старшим, маленьким факультетским и университетским бапакам, укреплять бапакизм.

— Поясните, пожалуйста.

— Термин «бапакизм» происходит от слова «бапак», т. е. отец, глава, вождь, старший, причем не обязательно старший по возрасту. Председатель студенческого совета уже бапак для рядовых членов. Слово «бапакизм» вы можете интерпретировать как папизм.

— Но скажите, разве ректор или декан не могут одернуть этих студенческих лидеров, хотя бы в тех случаях, когда они переступают границы разумного?

— А зачем? Разве в маскарадах с колпаками есть что-нибудь социально опасное для устоев «нового порядка»? Пусть молодежь почудит, отвлечется от своих проблем. И потом... Ведь маленькие бапаки — это, как правило, дети больших бапаков, тех, кто стоит во главе «нового порядка». Зачем же с ними ссориться? А если в исключительных случаях дело дойдет до чего-то предосудительного и опасного, ректор может прибегнуть к крайним мерам вплоть до исключения из университета или донесения в полицейские или судебные органы.

— Вы хорошо знаете студенческую жизнь, туан.

— Еще бы. Трое сыновей — студенты, дочь почти студентка. Дома только и слышу разговоры о каких-то там митингах, дискуссиях.

— Вы только что сказали, что маленькие бапаки это в основном дети представителей правящих кругов. Так? Но разве студент из простой семьи, завоевавший авторитет товарищей, не может быть избран в студенческий совет, стать руководителем студенческой организации?

— Из всякого правила бывают исключения. И многим ли студентам из этих простых семей вообще удастся поступить в университет? И многим ли из тех, кто поступил, удастся его окончить?

Через некоторое время я узнал, что Индра выдал

шила, выдержала штрафное испытание и наконец стала полноправной студенткой факультета гуманитарных наук. Она решила изучать французскую филологию. Почему именно французскую? Может быть, какую-то роль в этом выборе сыграло пресловутое патристическое стадо.

Сунати рассказала больной подруге, что пыталась спросить у школьного учителя литературы о французском писателе Франсуа Рабле. Учитель не мог сказать ничего определенного. Рабле не было в школьной программе. Да, жил очень давно такой писатель, написавший, кажется, смешную книгу об удивительном человеке. Ничего Сунати не добилась и в большой библиотеке. Там нашлись книги Рабле только на голландском языке, незнакомом для нее.

Как только Индра выздоровела, она подала подружке мысль — отчего бы не сходить вместе в культурный центр при французском посольстве. Там не только библиотека. Сотрудник центра — француз, выслушав девушек, достал с полки томик и, полистав его, прочел несколько страниц. Подруги не понимали французского языка, но хорошо улавливали в выразительной речи чтеца едкий сарказм, издевку. Потом помощник французского, молодой индонезиец, пересказал прочитанное по-индонезийски. Некий изобретательный проказник по имени Панург решил проучить купца за его неумеренную жадность. Дело происходило на корабле, на котором купец вез на продажу стадо баранов. Панург увидел у него только одного барана, выбрав вожака стада, и выбросил его за борт. За вожаком бросилось все стадо. Животные погибли в морской пучине оттого, что слепо следовали за вожаком.

А ведь это про нас с тобой написано, — сказала Индра Сунати подружке.

Ну уж я-то теперь научена. Не буду больше овец из панургова стада, — ответила Индра. — Как мало хороших книг мы с тобой читали. И как многому можно научиться, читая их.

Получив последнее штрафное задание, девушка с прохладцей крутила педали велосипеда. Убедившись, что за ней никто не следит, она останавливалась под тенистым деревом и садилась на траву. Если бы сам вожак или кто-нибудь из ее ребят уличили ее в неработности, Индра придумала бы, что сказать. Разве она

виновата, что неожиданно спустила шина? Вот только что она накачала шину и готова продолжать путь.

Итак, Индра стала студенткой. Отец внес в кассу университета вступительный взнос. Теперь основная забота дотянуть до окончания курса, до выпуска. И экзамены ее страшат. В школе она всегда отличалась усидчивостью, прилежанием, гуманитарные дисциплины давались ей легко. Страшит другое. Отец не такой уж состоятельный человек — кроме скромной пенсии у него пай в небольшой торговой фирме. Две фирмы идут отнюдь не блестяще. На шее отца еще три брата-студента. За их обучение в университете тоже надо платить. Индра отчетливо представляет, что ждет ее, если отец не сможет внести очередной взнос за ее учебу. Ее вызовет секретарь декана и покажет ей письменное распоряжение об отчислении. Под вечным страхом быть отчисленным будут теперь пребывать многие из ее университетских товарищей и подруг. С каждым курсом их становится все меньше и меньше.

Массовый отсев студентов, в основном детей малоимущих родителей. Это ли не самое большое зло на донезийской высшей школе?

За годы независимости в Индонезии возникли десятки новых высших учебных заведений. В каждом крупном провинциальном центре, вплоть до далекой Джаяпуры в Западном Ириане, имеется теперь государственственный университет. Иногда он располагает еще и местными филиалами в важнейших городах провинции. Студенчество составляет довольно внушительную для такой развивающейся страны, как Индонезия, массу. Телеграфное агентство Антара определяло численность в начале 1968 года в 110 тысяч. Говорят, что эти данные далеко не полные, так как они вряд ли учитывают студентов мелких частных учебных заведений, университетов и академий, не получивших официального признания со стороны властей. Уместно вспомнить, что во времена голландских колонизаторов высшее образование в Индонезии находилось в запущенном состоянии, а общее число студентов в стране накануне второй мировой войны не превышало полутора тысяч человек.

Итак, перед нами картина как будто бы значительных успехов. Но отражает ли эта количественная сторона сторону качественную?

Десятки тысяч студентов! Пусть эта цифра, как гордо заявленная, которую приводит Антара, не вводит нас в заблуждение.

При посещении индонезийского университета или института бросается в глаза одна характерная деталь. Мы зашли в аудиторию первого курса. Это огромный зал, вмещающий полторы-две сотни слушателей. Ни парт, ни столов или парт. Их просто некуда было бы поставить. В аудитории лишь ряды деревянных кресел с подлокотниками. Один подлокотник сделан чуть пошире другого. Положив на него тетрадь или блокнот, студент ухитряется делать записи. Аудитория второго курса уже поменьше раза в два, третьего — еще меньше. И наконец, старшекурсники занимаются в комнате, вмещающей всего лишь десятка три людей. Уже подобная экскурсия по университету не оставляет у нас сомнения, что далеко не все из этих десятков тысяч парней и девушек окончат университеты, академии, институты и получат дипломы.

Посещая индонезийские высшие учебные заведения, беседуя с ректорами и деканами, я всегда задавал один и тот же вопрос: каков процент отсева студентов? Собеседник обычно старался уйти от прямого ответа на этот неприятный вопрос и уверял, что год от года отсев сокращается, многие студенты, покинув университет по каким-либо причинам, продолжают заниматься самостоятельно, сдают экзамены самостоятельно и все-таки получают диплом. Но, сопоставив все прямые и косвенные ответы, я сделал неутраченный вывод. Дипломированными специалистами становятся лишь 15—20% общего числа студентов, поступивших на первый курс. Остальные 80—85% отсеиваются в процессе учебы, в основном по причине материальных трудностей и лишь отчасти из-за неуспеваемости и плохой организации учебного процесса. Единственно лишь дети состоятельных родителей могут покрыть высокие расходы, связанные с посещением лекций, семинаров, лабораторных занятий, с экзаменами и пр.

В результате такого беспощадного отсева высшие учебные заведения удаётся окончить преимущественно тем богатым дельцам, землевладельцам, чиновникам, военным офицерам. Представители более или менее демократической молодежи оказываются вне стен

университетов и институтов. Это обстоятельство не может не влиять на социальный состав современной индонезийской студенческой молодежи и интеллигенции.

Неоднократно профильтрованную массу студенчества втягивают в орбиту влияния крайне правых и просто правые студенческие и молодежные организации, такие, как, например, Исламистское объединение студентов, АНСОР, КАМИ и др. Последняя претендует на роль общеиндонезийской студенческой организации, объединяя студентов различных политических направлений. Ее полное название — «Кесатуан примахасисва Индонесиа», или, в переводе на русский язык, «Организация единства действий индонезийского студенчества».

Пока большинство индонезийских высших учебных заведений, особенно провинциальных и частных, не дает студентам достаточно высокой профессиональной подготовки. Это можно объяснить и слабой учебно-технической базой, и недостатком высококвалифицированных научных кадров, и отсутствием учебников на индонезийском языке, и многими другими причинами. Но, получая профессиональную подготовку, заставляющую желать лучшего, студенты за время учебы в университете проходят определенную политическую школу, или, лучше сказать, школу политиканства. Эта школа — молодежные и студенческие организации.

При посещении любого высшего учебного заведения Индонезии создается впечатление активной общественной деятельности студентов. Постоянно проходят какие-то митинги, собрания, дискуссии, издаются листовки и бюллетени. На факультетах создаются выборные студенческие «сенаты», а в рамках всего университета или института — студенческий совет. Эти органы обычно считаются беспартийными. Фактически же они находятся под влиянием той студенческой организации, которая занимает здесь доминирующую позицию. Ректор в определенной мере вынужден считаться с руководством студенческого совета. Бывает, что совет, чувствуя поддержку влиятельных политических кругов, оказывает давление на ректора. Так, в университете «Андалас» в Центральной Суматре реакционно настроенное студенчество потребовало удаления преподавателей — членов Национальной партии.

Нельзя отрицать, что студенческие организа-

организуют порой полезные и интересные мероприятия: спортивные встречи, самодеятельные вечера, не предусмотренные учебной программой семинары и дискуссии. Иногда организуются научные кружки, пробуждающие творческую мысль, пылкий интерес к науке. В сурабайском технологическом институте преподаватели и студенты электротехнического факультета создали небольшую телевизионную студию. Их руками сконструирована вся аппаратура. Несколько раз в неделю студенты выступают в студии с любительскими номерами. В городе уже несколько сот телевизионных точек. Группа студентов джакартского и бандунгского государственных университетов участвовала в археологических раскопках в районе Гарута (Западная Ява). Там обнаружен интереснейший шиваитский памятник эпохи раннего средневековья. До сих пор подобные памятники в этом районе острова не встречались. Ценная находка вносит серьезные коррективы в представления историков о прошлом Западной Явы.

Но таких примеров не слишком много. Студенческие организации больше политиканствуют, отражая интересы той или иной партии. Предметами дискуссий чаще бывают не события университетской жизни, а те же политические проблемы, которые волнуют партийных лидеров. Я был свидетелем и нескольких студенческих демонстраций.

По джакартским улицам тянулись к центру города толпы празднично одетых студентов и школьников с плакатами. На многолюдных перекрестках улиц молодежь разбрасывала листовки. Парни с ведерками краски деловито писали лозунги на витринах магазинов, заборах, стенах домов, бортах автобусов. Лозунги были решительные и резкие: «Народ голодает!», «Народ хочет риса!», «На виселицу взяточников!», «Долой неспособных чиновников!», «Требуем принять меры против дороговизны!». Пикетчики останавливали автомобили, обклеивали их борта листовками или писали на них мелом те же самые лозунги. Не могли избежать этой участи и машины с дипломатическими номерами.

Нетрудно было заметить, что демонстрантами были не ребята из кампунгов, а чисто одетые парни и девушки совсем не из бедных семей. «Это камисты», — рассказывал я.

Первые демонстрации, свидетелем которых я был, выливались в конце концов в разнузданную стихию бесконтрольные хулиганские действия, порчу автомобилей и разгром витрин. Среди лозунгов появлялись такие: «Взяточники — это китайцы!», «Бей китайцев!». Беспорядочные толпы молодежи устремлялись к району базара Глодок громить китайские лавки. Лавочники, уже испытывшие не раз и не два подобную неожиданность, спешно прятали товары в недра лавок, задвигали ставни и решетки, запирали замки и оставались до тех пор, пока страсти не остывали. Пострадавшими оказывались базарная мелкота, владельцы самых захудалых лавок и палаток, у которых не было надежных решеток и засовов. Чувствовалось, чья-то опытная и умелая рука превращала молодежную демонстрацию под социальными лозунгами в шовинистические бесчинства погромщиков. Пусть эти погромы послужат тем полезным клапаном, через который безболезненно для «нового порядка» прорвутся накопившиеся запасы «людской энергии и страстей».

Но последующие демонстрации приобрели более организованный характер. Китайских погромов больше не было. Демонстранты направлялись к парламенту, к правительственным зданиям, вручали толпы петиции с требованиями принять меры против дороговизны, разрешить продовольственную проблему, строго наказывать коррупционеров, удалить неспособных чиновников. Тогдашний командующий столичным военным округом и нынешний министр внутренних дел генерал Амир Махмуд издал строгий приказ, запрещающий всякие демонстрации на территории Большой Джакарты. Несмотря на запрет, молодежные волнения некоторое время продолжались.

Что такое современное студенческое движение Индонезии? Чьи интересы выражают камисты? Что заставило их выходить на демонстрации с социальными лозунгами?

Вновь я в гостях у знакомого чиновника-пенсионера. Собралась вся его семья, в том числе и сыновья-студенты. В младшем, Ахаде, слишком порывистом и горячем, учившемся на втором курсе факультета публицистики, было еще много мальчишеского. Средний, Халим, и старший, Хашим, оба экономисты, напоми-

отца степенностью, рассудительностью. Наша
она коснулась студенческого движения, demonstra-

Старые политики превратились в корыстных
тов и забыли революционные традиции,— пылко
выскнул Ахад.— Теперь мы, студенческая моло-
ва, станем главной силой, которая смело бо-
ется со злом и несправедливостью.

— Видели борца за справедливость? — иронически
спросил хозяин.

— Не смейся, отец. Разве какая-нибудь другая га-
зета, кроме нашей, камистской, критикует так резко
нарушителей закона? Разве кто-нибудь другой осмели-
лся открыто бросить правду в лицо большим бапа-
кам и даже зеленорубашечникам? Вот, убедитесь
сами.

Ахад протянул мне номер камистской газеты с мел-
ким подслеповатым шрифтом. Редакционная статья
была обведена красным карандашом. Я уже читал ее.
Статья была исключительно резкой по тону. Она кри-
тиковала представителей военных властей, злоупот-
ребивших своим положением. Поводом к этому вы-
ступлению послужил арест в Банджармасине (Южный
Суматран) группы журналистов из местного моло-
дежного еженедельника по распоряжению военного
командования. Военным не понравилась какая-то пуб-
ликация в этом издании. Камистская газета назвала
инициаторов ареста мафией. Позже представился дру-
гой повод для столь же резких выступлений. В Джокь-
карте военные арестовали по какой-то неясной при-
чине двух студентов технического факультета уни-
верситета «Гаджа Мада». Эту инициативу проявили
лишь представители местного гарнизонного штаба,
курсанты академии, не имевшие ровно никаких пол-
номочий арестовывать и допрашивать студентов. Это
обратило всколыхнуло весь огромный университет. На-
чалась бурные демонстрации протеста. Камистская
газета из номера в номер публиковала резкие статьи,
выражая свою солидарность с демонстрантами и тре-
буя наказания нарушителей законности. Армейские
власти сдержанно огрызнулись на камистов. Никаких
репрессивных мер против камистской газеты власти не
приняли.

Ахад принялся с азартом убеждать меня в смело-

сти и принципиальности своей газеты. Халим прервал красноречие брата и сказал рассудительно:

— Брат слишком горяч по молодости. Все гораздо сложнее. Пусть Хашим объяснит вам, что такое КАМИ

— Туан, вероятно, намерен спросить нас, каковы мы, камисты, правые или левые, розовые или зеленые, реакционные или прогрессивные,— начал Хашим. И я вам определенно не отвечу. Мы, камисты, люди очень разные. Есть такая детская игра — калейдоскоп. Вы встряхиваете коробочку с зеркальными стенками. В ней цветные шарики — желтые, голубые, зеленые. Шарики не сливаются в однородную массу, а образуют разноцветную мозаику. Вы можете любоваться ею через стеклышко. Не понравилась мозаика, потрясите коробочку, и перед вами новый узор, опять разноцветный. Вот и мы, камисты, такая же волшебная коробочка. Трясут и перетряхивают ее разные политические лидеры, большие бапаки, желая подчинить нас своему влиянию, сделать нас... Как это ты, сестра, любишь говорить?

— Панурговым стадом,— подсказала Индра.

— Вот именно. Но мы остаемся разноцветной, пестрой, неоднородной мозаикой.

— Брат любит все объяснять слишком заумно, вмешался Халим.— Быть бы ему поэтом, а не экономистом. Я объясню вам проще. В Индонезии много студенческих организаций. Каждая из десяти политических партий имеет свою. И все они объединены в общепондонезийскую организацию КАМИ. Может ли быть она единой, если каждая партия тянет ее в свою сторону?

Объяснение было убедительным, но, вероятно, далеко не полным. КАМИ возникла наряду с другими так называемыми организациями единства действия несколько лет назад. Их созданию способствовали стоящие сейчас во главе страны политические силы, желавшие получить в свое распоряжение ударный кулак для наступления против левых и умеренных. Особо важная роль здесь отводилась молодежи. И вот теперь камисты, участвовавшие в погромах коммунистических и других левых организаций, выступая в роли защитников народа, требуют от правительства серьезных социальных мер. Как одно сочетается с другим?

На мой вопрос ответил сам хозяин:

— Очень просто. После мрачных лет расправ и насилия наступило некоторое отрезвление. Мыслящие молодые люди понимают, что погромы и расправы — это слишком сомнительный моральный капитал даже в наше время. Как же в таком случае завоевать симпатии народа? Ведь многие молодежные лидеры спят и видят себя будущими парламентариями, партийными руководителями и министрами. Вот и появились лозунги: «Народ хочет риса!», «Долой взяточников!» Народ встретил их сочувственно.

Мы шли с этими лозунгами, искренне желая народу добра, — с обидой бросил Ахад.

И мы, и многие из наших товарищей, — поддерживая брата Хялим. — Но отец говорит не о нас, рядовых камистах, а о наших лидерах. Семья одного такого парня владеет рисовыми мельницами и наживает на продовольственных затруднениях. Какое ей дело до того, что народ голодает. Вот и получается, что одни относятся к борьбе серьезно, другие видят в ней иную политическую игру.

— Дело не только в этом, — добавил старший брат. Отец правильно сказал — наступает отрезвление. Многие камисты не удовлетворяются ролью бездумных неодушевленных кожаных ваянгов*, которых приводит в движение даланг, дергая их за костяные рычажки. Молодежь стремится играть более самостоятельную и активную роль в жизни страны. На наших митингах постоянно раздаются голоса, что молодое поколение должно внести свой вклад в решение сложных национальных задач, требовать от правительства серьезных социальных преобразований, без которых страна придет к катастрофе. Что это за преобразования — мы сами не всегда представляем. Но нам ясно одно — стране нужны перемены.

Обобщая все то, что говорили мне друзья и знакомые о современном студенческом движении Индонезии, я пришел к выводу, что движение это чрезвычайно сложно и неоднородно. Дать исчерпывающую и простую оценку ему подчас бывает трудно. Здесь мож-

* В а я н г и — персонажи яванской классической драмы как в театре живого актера, так и в кукольном театре. В данном случае речь идет о театре плоских кожаных кукол, управляемых марионетщиком — далангом.

но обнаружить и стремление определенных политических сил использовать организации студентов в своих интересах или отвлечь их от опасных для общественных устоев целей. Иногда можно увидеть и проявление личной амбиции, стремление нажить себе моральный капитал в надежде стать впоследствии крупным политическим деятелем. Но при всем том нельзя не отметить и искренних порывов молодежи, продиктованных раздумьями о будущем своей страны, своего народа.

С дипломом на родину

Начинаю свой рабочий день с просмотра утренней прессы. Разворачиваю воскресный выпуск армейской газеты «Ангкатуан Берсенджата». Почти весь номер заполнен развлекательным чтивом, идет продолжение иллюстрированных приключений Тарзана. Но вот попадает интересная заметка. По официальным данным ООН, только в Соединенные Штаты Америки эмигрировало из Индонезии 6000 дипломированных специалистов, в том числе 680 лиц технических профессий.

Вооружаюсь ножницами и режу номер. Приключения Тарзана попадают в корзину, а заинтересовавшая меня заметка — в папку-досье, озаглавленную «Утечка мозгов».

Здесь уже накопилось несколько вырезок. Вот сообщение телеграфного агентства Антара. Многие индонезийские студенты, обучающиеся в зарубежных странах, стремятся всеми правдами и неправдами не возвратиться на родину. Отчасти к этому толкает тяжелое материальное положение интеллигенции в Индонезии, а отчасти затруднения с распределением специалистов, угроза безработицы в своей стране. В сообщении речь идет не о выпускниках высших учебных заведений социалистических стран, где число студентов-индонезийцев в последние годы резко сократилось. Речь идет о тех, кто учится в Японии, Австралии, США, западноевропейских странах. Массовое не возвращенчество студенческой молодежи вызывает глубокое беспокойство властей. Посол Индонезии в Японии, где подобное явление приняло особенно широкое

интересные масштабы, провел беседу с индонезийскими студентами и взывал к их патриотизму и сознательности. Молодые индонезийцы, не желающие возвращаться на родину, женятся на девушках-японках и стремятся остаться в Японии «по семейным обстоятельствам». Посол убеждал молодежь, что индонезийские девушки ничуть не уступают японским по красоте, изяществу, грации. Читатели обменивались шутками по поводу сообщения Антары. Но горькие это были шутки.

По признанию печати, страна испытывает недостаток дипломированных инженеров, агрономов, врачей, учителей. Почему же возникает проблема с распределением молодых специалистов?

С этим вопросом я пришел к компетентному чиновнику министерства культуры и просвещения.

— Строителей, нефтяников, судостроителей мы стараемся пристроить, — ответил чиновник, желая изменить картину. — Но посудите сами, приезжает специалист по строительству гидроэлектростанций, обучавшийся в Амстердаме или Сиднее... Единственной более или менее крупной гидроэлектростанция строится с помощью японцев на реке Риам Канан на острове Калимантана. Японцы составляют основной инженерно-технический персонал на этой стройке.

— Это частный пример.

— Один из многих примеров. Возьмем другую специальность. Приезжает парень с дипломом инженера-текстильщика. Мы могли бы рекомендовать его на какое-нибудь предприятие. Но на крохотной фабричке с кустарным оборудованием никаких технологических проблем не возникает. Директор управляется с помощью мастера-самоучки. Брать на работу дипломированного инженера невыгодно. Чтобы использовать всех этих гидроэнергетиков, текстильщиков и прочих, нужно построить современные электростанции и фабрики. Пока нам это не под силу.

— Ваши газеты пишут о нехватке врачей.

— Правильно пишут. Страна нуждается в лечебницах, больницах, больничных койках, врачах, младшем медицинском персонале. Сельские районы фактически лишены медицинского обслуживания. Но чтобы использовать новоиспеченного молодого врача на государственной службе, нужно открыть на счет

государства новый лечебный пункт, расширить госпиталь, получить новую штатную единицу. Это очень серьезная финансовая проблема. Бюджетные ассигнования на нужды здравоохранения слишком малы. Не едва хватает на содержание существующих государственных лечебных учреждений. Кое-кто из молодых врачей устраивается в частные клиники или пытается начать собственную практику.

— Каким специалистам особенно трудно получить работу?

— Юристам, журналистам, экономистам. Их рынок плодился чересчур много благодаря стараниям некоторых этих частных университетов и академий.

— Насколько я себе представляю, вы направляете молодежь на учебу в зарубежные страны в порядке двусторонних соглашений о культурном обмене.

— Не только. Нередко наши партнеры, подписывая с нами соглашения о помощи, берут на себя обязательство принимать в счет кредитов на учебу в своих университеты индонезийских студентов. Иногда мы получаем возможность послать молодежь на учебу в США или в другие страны по линии различных фондов помощи, например фонда Форда или фонда Рокфеллера, а также по приглашению крупных фирм.

— Но во всех этих случаях студенты направляются вашим правительством?

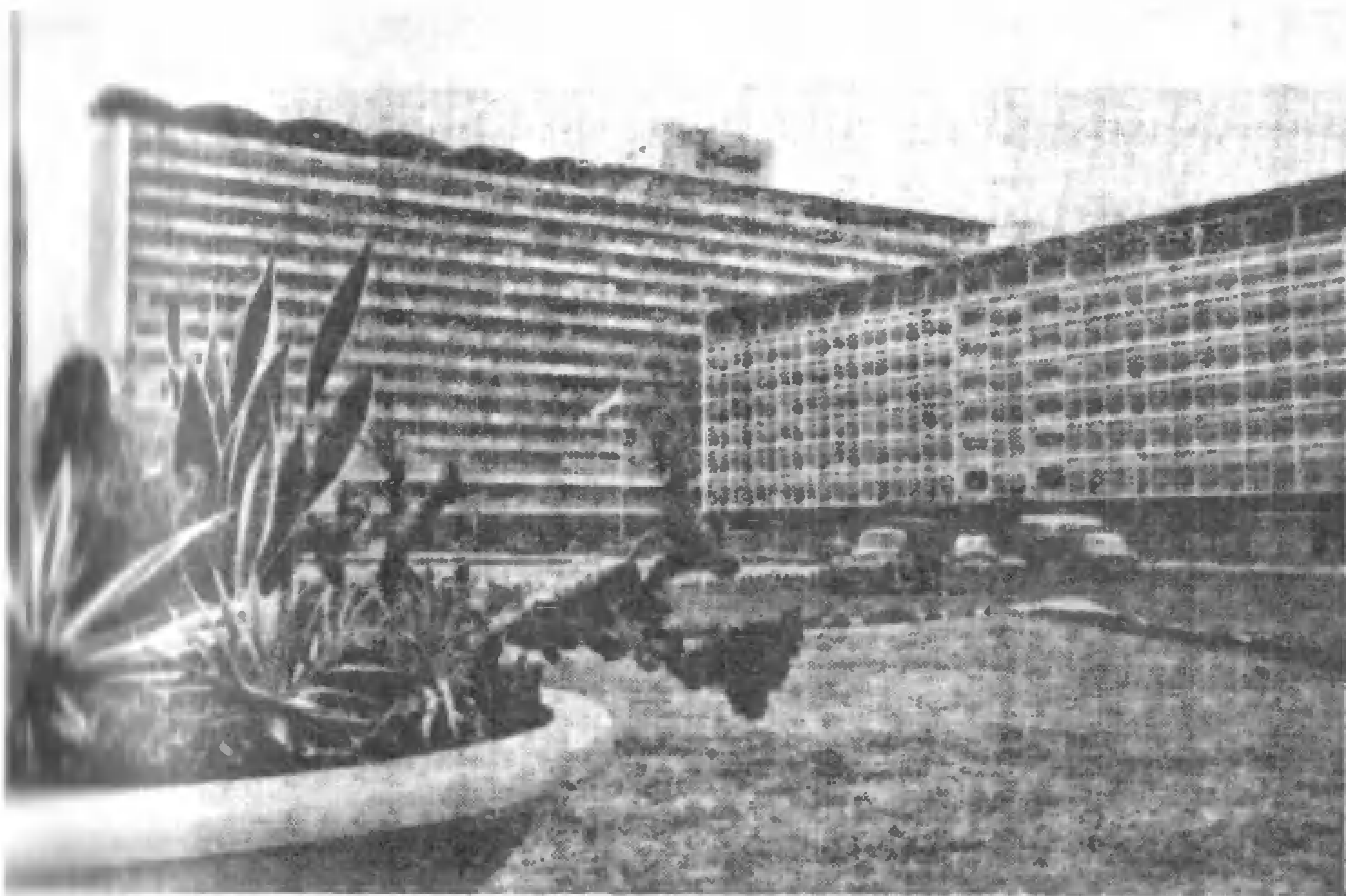
— В одних случаях непосредственно правительством, в других — с его ведома и согласия.

— Следовательно, молодой индонезиец, получающий образование за границей, вправе надеяться, что вы берете на себя ответственность за его судьбу, и ожидать вашей помощи.

— Мы никого не обнадеживаем. Каждый едет на учебу по собственной воле. И он сам должен трезво себе представлять, с чем он столкнется в будущем.

— Какую реальную помощь оказывает правительство тем дипломантам, которые не находят работы и становятся безработными?

— Прежде мы брали многих выпускников в административный аппарат, в различные ведомства и министерства. За примерами долго ходить не надо. В нашем министерстве культуры и просвещения работают младшие чиновники с дипломами инженеров, экономистов, торговых работников. Конечно, обидно маши

Отель «Индонезия» в центре Джакарты

инжентеру, энергетика, мелиоратору терять специальности. Но заниматься канцелярской работой и получать небольшую заработную плату все же лучше, чем вовсе не иметь ни того, ни другого. Те же, кто не смог получить никакой работы, могли раньше рассчитывать на скромное пособие.

Разве теперь эта практика изменилась?

К сожалению, да. «Старый порядок» оставил нам в наследство дефицит, кучу долгов, раздутый административный аппарат. Нам приходится осуществлять режим экономии. Президент издал декрет, направленный против дальнейшего разбухания аппарата. Он запрещает принимать на работу в государственные учреждения новых чиновников. Конечно, можно было бы взять молодого образованного специалиста, уволив неспособного, малограмотного, нечестного чиновника. Ведь таких у нас много. Но и это проблема, особенно в том случае, если этот последний имеет влиятельных покровителей в министерстве. Как видно, наша бедность еще усугубляется бюрократической рутинной.

Эта откровенная беседа в министерстве культуры и просвещения помогла мне многое понять. Но я все же искал случая познакомиться с каким-нибудь моло-

дым инженером, получившим диплом в Соединенных Штатах или Западной Европе, Японии или Австралии.

Я уже представлял более или менее отчетливую картину положения бывших студентов советских вузов. Со многими из них я был знаком еще в Москве, работая в Университете имени Патриса Лумумбы. В основном своей массе это были хорошие, старательные ребята жадно тянувшиеся к знаниям. Нередко они радовали товарищей яркими национальными песнями и танцами на студенческих вечерах.

На родине судьба тех, кто учился в вузах Москвы, Ленинграда, Баку, Киева, складывалась по-разному. Их можно было встретить в нефтяной промышленности, на различных предприятиях, в госпиталях, банках, кинематографии, государственной авиакомпании «Гаруда», правительственных учреждениях, университетах в роли преподавателей русского языка. По единодушным отзывам, все они зарекомендовали себя как хорошо подготовленные и серьезные молодые специалисты, которым можно доверить ответственную работу. Но далеко не у всех судьба сложилась столь удачно.

В свое время, еще при Сукарно, в Советский Союз на учебу направлялась молодежь разной партийной принадлежности, разных политических убеждений. Наряду с мусульманами и националистами было немало и левых — активистов «Пемуда Ракьят», детей видных деятелей компартии и других массовых прогрессивных организаций. Таких ожидал на родине неласковый прием — безработица, а то и тюрьма. Занесенные в черный список неблагонадежных, как имевшие якобы связь с участниками движения 30 сентября 1965 года, они становились париями, если не оказывались за тюремной решеткой. Для этого достаточно было иметь родственника видного коммуниста, принадлежать к организации «Пемуда Ракьят», неодобрительно отзываться о «новом порядке».

Рассказывая о судьбах этих парней и девушек, я должен был бы еще раз повествовать о людских трагедиях, подобных тем, о которых речь шла в одном из предыдущих очерков. Инженер с дипломом прославленного московского института становился мастерским или промышлял мелким маклерством. Дипломированный экономист открывал ларек, чтобы торговать кокаи-

и с сигаретами. Врач упорно добивался места санитаря в захудалом частном госпитале. Человек, мечтавший стать археологом или искусствоведом и имевший для этого все основания, превратился в мальчика на выдумках у лавочника. И это еще не самые большие радости!

Случай помог мне встретить одного парня, вернувшегося год назад из Соединенных Штатов.

Однажды я повез неисправный радиоприемник в домашнюю мастерскую. Мастер чинил преимущественно вентиляторы и утюги, но бойко брался и за более серьезную аппаратуру. Он долго и безуспешно копался в приемнике и наконец произнес:

— Что-то очень серьезное, туан. Приходите завтра. Я постараюсь пригласить инженера. Может быть, он знает повреждение.

Я усмехнулся. Слово «инженер» как-то не гармонировало с этим заведением, которое было чуть побольше лотка уличного торговца сигаретами. Может быть, это лишь вежливая форма обращения к какому-нибудь мастеру на все руки? Я ошибся. На следующий день состоялось знакомство с настоящим дипломированным инженером Сутойо. Он внимательно ознакомился со схемой приемника и почти сразу отыскал повреждение контактов в одном из узлов.

Вообще-то я инженер по электроизмерительным приборам. Радио — это так, между прочим, — сказал Сутойо, покончив с работой. Ему хотелось поговорить обо мне. — Учился я в политехническом институте в Соединенных Штатах.

И чем теперь занимаетесь?

Как видите! Иногда помогаю здешнему мастеру что-нибудь чинить. Он давно зовет меня в компанию.

С этим Сутойо я встречался несколько раз и узнал много его историю. Вот она.

Жизнь в большом американском городе оставила Сутойо двойственное впечатление. Наверное, двуликим, контрастная Америка не может оставлять иного впечатления. В политехническом институте новичков-иностранцев усиленно пичкали пропагандистскими брошюрками, в которых много говорилось об американской демократии.

— Читайте, ребята. Вы должны понять образ жиз-

ни страны, в которой живете и учитесь,— говорили наставники.

Но после брошюрок эта пресловутая демократия теряла свою конкретность и определенность и становилась в представлении индонезийского студента каким-то смутным, расплывчатым символом вроде статуи Свободы, мелькнувшей внизу за окном самолета. Более реальными и осязаемыми были расисты, линчевание негров, загадочные выстрелы заговорщиков прервавшие жизнь сначала одного Кеннеди, потом другого, бомбы со слезоточивыми газами. А вот уже совсем реальные образы институтской жизни. Родной полицейский с дубинкой провожает у ворот студента въедливым настороженным взглядом. Красивая девушка-первокурсница с большими глазами цвета морской волны и точеной фигуркой отравилась морфином. Она могла бы успешно состязаться с другими красавицами на звание «мисс Америка». Но она предпочла отравиться, потому что сильно любила своего жениха двадцатитрехлетнего лейтенанта военно-воздушных сил, погибшего под Ханоем. Второкурсник Генри из богатой семьи, лоботряс и циник, комментировал это бытие по-своему:

— Скажите на милость, у них была любовь! Времена Ромео и Джульетты давно прошли. Пора бы уже забыть. Мы живем в век голого рационализма и тревожного расчета. Просто девочка слишком увлеклась социальными фильмами и на этой почве запуталась в любовных приключениях.

Другой второкурсник, Лионель, подошел к Генри и закатил ему звонкую пощечину.

— Не позорь девочку. Слышишь, ты? У них действительно была любовь. Впрочем, где тебе, толстокожему рационалисту, понять это? Мой брат тоже погиб во Вьетнаме. Мы устраиваем демонстрацию протеста.

Злопамятный Генри во время лабораторных занятий по химии плеснул в лицо Лионеля кислотой.

— Вот тебе, красная сволочь.

Давая потом объяснения декану, он сказал с легкой усмешкой:

— Я не собирался сводить счеты, а действовал как честный патриот.

Пострадавшего с обожженным лицом отправили в госпиталь. Демонстрация протеста состоялась. Верно

и было просто смертное побоище между сторонниками и противниками американского участия во вьетнамской войне. Словно по мановению циркового иллюзиониста, монумент-полицейский у ворот стал шататься, трючиться, превратился в целую толпу блюстителей закона. Блюстители появились на территории интуга и, делая вид, что наводят порядок, принялись колотить дубинками сторонников антивоенной армии.

Это была Америка, внушавшая ему, индонезийскому студенту, гнетущее чувство страха, неуютной, холодной пустоты. Город, в котором Сутойо учился, был расположен в северных штатах. Здесь дело не доходило до расистских погромов, линчевания негров, надписей на дверях ресторанов и автобусов «Только для белых». В политехническом институте учились и негры — белые, американские, и африканцы. Были они и среди преподавателей тех групп, где училось много иностранцев. Пусть какой-нибудь конголезец, цейлонец или индонезиец воочию убедится в американской демократии, открывающей все дороги и неграм. Присматриваясь к белым и черным преподавателям, Сутойо видел как будто простые и искренние приятельские отношения между ними.

— Хэлло, Джимми! — приветствовал ассистент-преподаватель своего белого коллегу.

— Как дела, Боб? — отвечал белый.

Они обменивались веселыми шутками, балагурили, делились новостями, могли даже фамильярно похлопать друг друга по плечу. Но Сутойо заметил, что в университетской столовой черный Боб никогда не садился за стол с белым Джимми. Негр дорожил своим местом, которое легко можно было потерять, забыв о невидимой границе между двумя расами. Алабама была давным-давно. Но ее тлетворным духом расизма были заражены и многие северяне, кто убежденно, а кто по традиции.

Сутойо поклялся никогда не интересоваться политикой. Он никогда не позволит себе высказываться на политические темы, которые касаются американцев. Пусть сами как-нибудь разберутся в том, что у них хорошо и что плохо. А он приехал получать знания.

И все-таки эта неуютная Америка неоднократно и болезненно хлестала его по самолюбию.

Иностранные студенты получали неплохую стипендию. Сутойо снял отдельную комнату в центре. Хозяйка оказалась приветливой женщиной. Нередко она приглашала квартиранта за свой семейный стол. С азиатским сыном, молодым клерком, индонезийский студент почти подружился и играл с ним в теннис.

И вдруг отношение хозяйки к Сутойо резко изменилось. Она перестала быть приветливой, больше не приглашала квартиранта к себе и в конце концов откинула ему в комнате под предлогом каких-то семейных обстоятельств. Все объяснил клерк.

— Извини, дружище, что все так получилось. Понимаешь... В нижней квартире поселился отставной военный из этих самых... У нас их называют ультра. С ними, к сожалению, считаются в городе, их побаиваются. Сосед остановил маму на лестнице и сделал ей выговор. Не хочу передавать тебе всего, что он говорил. Одним словом, он не любит азиатов. Мама боится с ним связываться. Извини еще раз. Я помогу тебе снять комнату у наших знакомых в другом квартале.

А вот и другая обида.

Сутейо подружился с двумя однокурсниками-филиппинцами. Прогуливаясь как-то вечером по городу, они зашли в бар. За стойкой возвышался бармен, удивительно похожий на того полицейского, который стоял у ворот института, а перед ним галдели грязные подвыпившие парни.

— Эй, вы, черномазые! А кто вас, собственно говоря, приглашал сюда? — рявкнул один из парней, заметив входящих. Остальные, как по команде, повернулись к двери и стали отпускать по адресу студента оскорбительные шуточки.

— Вот что, ребята, катитесь-ка отсюда подобру-наздорову, — прохрипел из-за стойки огромный, словно североамериканский медведь гризли, бармен. — У нас своя компания. Я и сам, откровенно говоря, не люблю цветных. Что же это вы такие... не слишком белые, и слишком черные? Мулаты?

— Их мамы прелюбодействовали с неграми. И вот вам результат, — задиристо крикнул один из парней, довольный своей циничной остротой.

Друзья стояли в замешательстве. Их выручил знакомый парень, неожиданно вынырнувший из полутемного угла. Это был Дик, старшекурсник, один из тех

таскал и наставлял иностранных студентов, таскал разные, полезные, по его мнению, мероприятия, водил на экскурсию на заводы «Дженерал Электрик». Профессор Дик, как называли его на факультете, наведывался и в студенческие квартиры, давал всевозможные советы, поучал и порой становился надоедлив. Скорее всего это был сотрудник того аппарата, который вел планомерную идеологическую обработку студентов иностранцев. Сотрудник и по совместительству студент. Или же наоборот, студент и по совместительству сотрудник. Кто его разберет?

— Не робей, ребята. В обиду вас не дам,— сказал Дик.— Уверяю вас, бармен — отличный парень. Он этого не понял, кто вы такие.

Уверенно подойдя к стойке, Дик показал бармену маленький брелок, прищипленный к левой стороне отворота пиджака, и пошептался с ним и с гривастыми друзьями. Сутойо все это заметил и подумал, что его начальник, вероятно, показал значок сотрудника секторной службы. Собутыльники притихли, а бармен проорчал:

— Ишь ты, гости, иностранцы... На рожах разве написано? Коли так, пардон, сэр.

И вот еще одна обида.

Сутойо познакомился с девушкой, смуглой, черноглазой и чуть скуластой дочерью зеленщика. В его родную лавочку он заходил, чтобы купить к завтраку свежей редиски или выпить стакан томатного сока. Барманцелла помогала отцу в лавке, развешивала и выставляла товар, таскала со двора тяжелые ящики с капустными кочанами и картофелем. Девушка встретила молодого индонезийца как старого знакомого, приветливо улыбалась ему и как-то однажды первая начала разговор.

— Вы, как я догадываюсь, студент из очень далекой страны?

— Из Индонезии. А вы, мисс, не похожи на чистокровную американку.

— Мы пуэрториканцы. Трудно объяснить, кровь многих племен и народов смешалась в нас, испанская, индейская... Но знакомые считают, что для пуэрториканки я все же недостаточно смугла и скорее похожа на южанку из Луизианы или Флориды. Там много потомков французов.

Сутойо набрался смелости пригласить Марианеллу в кино. Они смотрели глупый и скучный фильм с привидениями, а потом гуляли по вечерним улицам. Встречные прохожие бросали на молодую пару пристальные взгляды и оборачивались вслед. Сутойо решил, что они заглядываются на Марианеллу, и был горд оттого, что рядом с ним такая красивая девушка. Но вскоре он понял, что дело было не в этом. Один из прохожих, уже не слишком молодой человек, нарочно толкнул его и сказал вслух:

— Смотрите-ка, цветная обезьяна и белая девочка! На юге проучили бы вас.

Марианеллу, прогуливающуюся под руку с темным кожейм студентом, принимали за белую американку. При свете ярких уличных фонарей и реклам она вовсе не казалась смуглой. И это шокировало добропорядочных обывателей. За парой увязались два подростка, выкрикивая что-то обидное. Сутойо и Марианелла ускорили шаг. Никто их не останавливал, не пытался ударить. Это была все-таки не Алабама.

После этого Сутойо уже не решался приглашать девушку куда бы то ни было, а лишь иногда заходил к ней в гости, в тесную бедную квартирку позади овощной лавки.

Да, несладко пришлось бы Сутойо, если бы вдруг по иронии судьбы оказался он жителем этой неуютной страны.

Была еще другая Америка. Страна технического прогресса, передовой науки, промышленных гигантов, энергичных и знающих свое дело людей. От этой Америки Сутойо стремился получить все, что было в пределах его способностей. Политехнический институт был первоклассным учебным заведением с отличнейшими лабораториями, мастерскими, похожими на фабрики. Лекции читались учеными с мировыми именами. Практику студенты проходили на заводах, чья продукция известна на всех континентах.

Сутойо избрал электротехнический факультет. Уже первая лекция захватила его. Седоголовый профессор увлеченно говорил о современности как о веке атома и электроники, вспомнил о великом американце Томасе Эдисоне. На заре электричества его изобретения сделали революцию в технике, положили начало электроприборостроению. Он стал бы великим и в том слу

Человек, если бы он лишь усовершенствовал электрическую лампочку, придав ей современный вид, ту самую лампочку, которая освещает наши жилища, аудитории. Однако он изобрел еще много всякой всячины. Но какими бы великим ни был Эдисон, его замечательные для своего времени изобретения кажутся теперь скромными кустарными штучками.

Индонезийцу нравилась его будущая специальность — электроизмерительные приборы. Он любил часами просиживать в тиши лабораторий перед точнейшими приборами, чутко реагирующими на каждый малейший импульс тока, исписывать тетрадь длинными столбцами цифр-наблюдений, еще и еще раз проверить отсчеты и потом приводить цифры в нужную систему. Сутойо мечтал о такой лаборатории у себя на родине, хотел в будущем читать лекции студентам, изобретать новые модели. Он написал интересную дипломную работу о влиянии климатических факторов на точность показателей некоторых приборов и рекомендовал свой технологический метод их производства для тропических стран с жарким и влажным климатом.

Профессор, его научный руководитель, одобрил работу индонезийского студента.

— Дорогой друг, — сказал он. — Вторым Христофором Колумбом вы не стали и новую Америку не открыли. Мы давно изготавливаем продукцию для экспорта в такие страны, как ваша Индонезия, из особых материалов, не подверженных коррозии, влиянию сырости. Но тем не менее у вас светлая голова, м-р Сутойо. В вашей работе я нашел ряд интересных и практически полезных мыслей. Постараемся опубликовать некоторые выдержки в научном сборнике. наших американских парней с такой светлой головой я рекомендую поощрять.

Сутейо слышал, что этот известный в американском научно-техническом мире профессор был консультантом и акционером не менее известной фирмы. Таким образом, он как бы олицетворял связь науки с производством, а точнее, службу науки большому бизнесу.

Получив долгожданный диплом, Сутойо тепло попрощался с научным руководителем.

— Если понадобится моя помощь, консультация,

совет, книжная новинка, пишите, не стесняйтесь. Как сказал профессор, желая ученику успехов в работе на родине.

И вот Сутойо снова дома, в Джакарте. Бесконечные визиты в министерство, ведомства и фирмы. Сидит в лаборатории нечего и думать. Он будет рад любой работе, имеющей хотя бы косвенное отношение к его специальности. Он готов читать курс общей электротехники, сидеть за пультом управления электростанции, стать инженером на фабрике «Рэлин», выпускающей электролампочки. Но молодому дипломанту ничего определенного не обещают. В университете и на электростанции нет вакансий. Государственная фирма «Рэлин» теперь слилась с голландским «Филлипсом» и там голландцы взяли на себя заботу о подготовке технических кадров.

В конце концов в городском управлении электрической энергии ему предложили работу мелкого клерка в отделе документации. Один средней руки частный университет пригласил его читать общий, далекий от специальности курс за грошовое жалованье. Богатый китаец, владелец магазина и мастерской электроприборов, вознамерился сделать его своим фирменным инженером по ремонту холодильных шкафов и кондиционеров. Китаец обещал даже хорошее жалованье, какое он никогда не смог бы получить ни в управлении, ни в частном университете. Сутойо не соблазнился ни одной из этих возможностей. Стоило ли ради этого добиваться диплома первоклассного политехнического института.

Он решил написать откровенное письмо в Соединенные Штаты профессору, своему научному руководителю. Написал в порыве отчаяния, не очень-то надеясь получить ответ. Профессор ответил, и довольно быстро:

Мой дорогой друг!

Искренне огорчен вашими неудачами. Я ученый, технократический человек далекий от политики. Поэтому не берусь судить о тех политических и социальных факторах, которые осложняют вашу жизнь на родине. А почему бы вам, Сутойо, не приехать в Соединенные Штаты и не поработать на наших заводах несколько лет. За это время много воды утечет, изменится жизнь и в вашей Индонезии, и вы станете там нужны. А может быть. Америка станет для

вашей родиной. Я мог бы рекомендовать вас фирме как одного из моих способных учеников. Правление со мной считается. Кстати, мы выпускаем большие партии электроприборов для экспорта в тропические страны и работаем над усовершенствованием специальной технологии. Чувствуете, как это близко вашим личным интересам? Обещаю вам не золотые горы, а только должную и оклад техника. За минувший год вы многое потеряли и забыли. Приходится считаться и с иного рода обстоятельствами. Но не в должности, не в окладе дело. Вы попадете в отличную лабораторию, в творческую среду. Среди ваших коллег будут не только американцы, но и филиппинцы, тайландцы, индонезийцы. Они считают за честь работать у нас. Соглашайтесь, пожалуйста. Пусть вас не смущает скромное начало. Дальнейшее зависит от вас.

Искренне ваш
профессор Х.

Сутойю много раз перечитывал письмо. Чтобы взвесить все за и против, он мысленно представлял себя там, в неуютной заокеанской стране, среди чужих людей. Перед глазами вставали корпуса огромного завода из бетона и стекла, новейшие машины, лаборатории, инженеры и лаборанты в белых, как у врачей, халатах. И вспоминались обиды, презрительная кличка «индустриальной», улюлюканье парней за его спиной, бармен. Сутойю не сохранил, но помнил наизусть до последнего слова короткое и единственное письмо Марианеллы:

Когда ты уехал, Сутойю, мне было очень грустно. Я ждала твоего письма. Потом у меня появился дружок Пит. Он работал инженером и неплохо зарабатывал. Я почти считала его женихом. Но однажды Пит сказал: Ничего у нас с тобой не выйдет, детка, — рывки против. Им, видишь ли, не нравится, что ты пуэрториканка. Давай пока так... без формальностей. Я накоплю денег, и мы с тобой уедем в Канаду или Мексику. Там на расовый вопрос смотрят проще. Я не хотела так... Обругала Пита жалкой трусливой бабой и прогнала. Ты, наверно, инженер с положением. Мне очень грустно, Сутойю. Не забыл еще свою глупую и несчастную Марианеллу?

Профессор писал о той Америке, которая манила Сутойю, а Марианелла — о другой, которая страшила его.

Во время нашей последней встречи молодой безработный инженер сказал с горечью:

— Вероятно, я уеду в Америку. Знаю, что мои и моих товарищей — филиппинцев и индийцев — никогда не поставят на одну доску с белыми инженерами. Будет немало обид, разочарований. Но будет лаборатория, любимое дело. Рискну. Я бы мог жениться на Марианелле, если она, конечно, не нашла нового друга.

Я потерял из виду Сутойо. Возможно, он теперь в Соединенных Штатах. Американские власти не препятствуют иммиграции хорошо подготовленных специалистов из стран Азии. Владельцы фирм, компаний, предприятий прямо заинтересованы в таком притоке дешевых «цветных» кадров. Инженер индонезиец или индиец, филиппинец или цейлонец обходится значительно дешевле, чем белый, даже если последний менее опытен и способен. К тому же американские работодатели усматривают в притоке «цветных» некий противовес американским неграм. В случае серьезного социального конфликта предприниматель рассчитывает с большим успехом маневрировать в национально-расовом коллективе, противопоставляя одну национальную группу другой, препятствуя их единству. Старое золотое правило — разделяй и властвуй!

Трагедия художника

По роду своей работы я встречался со многими деятелями искусства и с народными умельцами. Самообытное искусство Индонезии не может не вызывать глубокого восхищения. Оно ярко и многообразно. В нем сталкиваются местные традиции десятков народностей и племен архипелага. На каждом из индонезийских островов можно встретить свои характерные черты быта, культуры, искусства. Центральная Ява, например, знаменита классическими танцами и драматическими представлениями, старинными, живущими много веков. Восточная Ява прославилась лудруком — своеобразной реалистической драмой новейшего происхождения, распространенной только здесь. Танцы народов Суматры или Сулавеси тоже отличаются неповторимой самообытностью. Изделия джокья-

иртских чеканщиков по серебру никогда не спутаешь с работой балийских или ачехских мастеров. А остров Бали! Вот уж поистине уникальный заповедник традиционного искусства. Живопись, деревянная и каменная скульптура, архитектура, танцы, театр этого маленького «острова искусств» выделяются своим своеобразием даже на фоне яркого индонезийского искусства. До сих пор в Индонезии, особенно на Бали, заметны следы индийского культурного влияния, которое проникло сюда вместе с индийскими религиозными верованиями — индуизмом и буддизмом — еще в раннее средневековье.

Современные деятели искусства Индонезии опираются на богатые национальные традиции, реалистичные в своей основе. Однако в последние годы в творчестве профессионалов все более отчетливо проступают черты и тенденции, глубоко чуждые этим национальным традициям. Многие художники, скульпторы, ремесленники по дереву отходят от реализма, от глубокой идейной направленности произведений, от жизненно правдивых образов и отдают дань модным в странах Запада формалистическим направлениям. Этому способствует серьезное идеологическое влияние со стороны западной буржуазной культуры. Не избежали пагубного воздействия и народные умельцы, мастера прикладного искусства. Стремление работать на рынок, удовлетворять невзыскательные вкусы туристов заставляет мастеров заниматься серийным производством грубых ремесленных поделок, далеких от настоящего искусства. Подобное вырождение можно наблюдать, например, в балийской деревянной скульптуре. Вместо утонченных фигурок появляются грубые деревяшки, вместо выразительных, метко схваченных образов фольклора и мифологии — пошловатые обнаженные фигурки женщин.

Автор не задавался целью в своих очерках анализировать современное искусство Индонезии, явление сложное, многогранное, противоречивое. Но рассказ об Индонезии последних лет не будет полным, если не коснуться жизни деятелей искусства в условиях «нового порядка», не поделиться с читателем некоторыми впечатлениями, не вспомнить о самых интересных встречах. Ведь события 30 сентября 1965 года и последующее наступление реакции оказали сильное воз-

действие на творческую жизнь художников, скульпторов, театральных деятелей, литераторов.

Крупнейшая индонезийская организация деятелей культуры ЛЕКРА («Лембага кебудаян ракьят», или Общество народной культуры), идейно тяготевшая к Коммунистической партии Индонезии, была разгромлена и запрещена. С ней были связаны многие талантливые реалисты в области как изобразительного искусства, так и литературы. Многие из видных лекровцев репрессированы: крупнейший индонезийский прозаик и переводчик Горького Прамудиа Ананта Турлитратуровед Юбаар Аюб, известный художник Хендра и многие другие. Кое-кто поплатился жизнью. Кто остался на свободе, бедствуют, не имея возможности выставлять свои полотна, издавать книги. Для современной культурной жизни страны характерна раздробленность ее творческих сил, так же как для политической — раздробленность сил политических между многочисленными партиями, течениями, группировками. Принадлежность писателя, художника, скульптора к той или иной организации культуры определяется прежде всего не его эстетическими взглядами, творческим методом, а взглядами политическими, партийными. Наиболее заметную роль играют сейчас организации связанные с крупнейшей мусульманской партией «Нахдатул Улама» и Национальной партией. Но их значение и творческая активность не идут ни в какое сравнение с разгромленной ЛЕКРА. Выставки художников националистов и нахдатуловцев свидетельствуют об отходе от реализма и, если говорить откровенно, слабом в сравнении с лекровцами профессиональном мастерстве.

Свои воспоминания о встречах с деятелями современного индонезийского искусства хочется начать с поездки к одному весьма любопытному художнику Серабаи. Имя его Супоно. Я неоднократно слышал об нем, пользуясь известностью, и самые противоречивые оценки его творчества. Кое-кто называл его чудаком, человеком со странностями.

Мне удалось уговорить нашего генерального консула в Сурабае Ивана Ивановича Коровина составить мне компанию. Вместе пытаемся добраться до дома Супоно. Это не так-то просто. Едем через какие-то кампунги, мимо лачуг бедняков, сворачиваем на наб

жкую канала. Набережная настолько узка, что двум машинам никак не разъехаться. Как на грех, попадает встречный грузовик с бамбуковыми жердями. Он вынужден, чтобы уступить нам дорогу, жерди упирают в стену хижины, и оттуда раздаются испуганные вопли. Мы берем левее, съехав на крутой откос берега. Машина круто накреняется. И как нам удастся разъехаться и не кувырнуться в воду?

Дорогу преграждает столб с перекладиной. На ней вывеска, запрещающая ехать дальше. Еще недавно здесь было болото. Его превратили в городскую свалку. Поверх наваленного в трясину мусора и гниющих отходов проложили улицу, и вдоль нее стали расти дома. В одном из них и поселился художник.

Пока мы блуждали по кампунгам, стемнело. Улица была плохо освещена. В домах тускло мерцали керосиновые лампы или свечи, — электричество сюда еще не провели. Пытаемся продолжать путь пешком, оставив машину у столба с перекладиной. Но, сделав несколько шагов, отказываемся от этой затеи. Слежавшиеся пласты мусора пружинят под ногами, попадаем в трясину и решаем отложить наш поход до другого раза.

Лишь на следующий день, засветло, мы смогли добраться до дома художника. Живет он в самом конце улицы. Дальше уже начинаются болота и рисовые поля. Жилище художника пока недостроено, пол земляной. Все стены комнат в картинах. Они сразу ошеломляют, подавляют, угнетают. Это мир больной фантазии, кошмарных образов. И все-таки это не преднамеренное манерничанье, не шарлатанство, а скорее отчаяние, мучительные поиски человека, безусловно талантливого, потрясенного событиями последних лет.

Супоно — худощавый, болезненный человек лет под сорок, очень нервный, впечатлительный.

Когда хочешь поближе познакомиться с художником, его творческой манерой, спрашиваешь о его учителях, любимых мастерах. Супоно признал, что ценит импрессионистов, но своим идейным учителем, властителем дум считает Сальвадора Дали, основоположника и вождя сюрреализма. Это течение признает за художником право создавать произведения не на основе наблюдения и сознательного осмысления реального мира, а путем подсознательного, случайного, ми-

молетного, сугубо субъективного восприятия предметов и образов. Сюрреализм — это искаженное, извращенное изображение окружающего мира.

Супоно — убежденный сюрреалист. Приверженность к идеям Сальвадора Дали увела его далеко от реализма. Лишь некоторые из его работ, например портрет старой женщины, выполнены в реалистической манере.

Самая кошмарная из картин Супоно — нечто похожее на растерзанное человеческое тело, какое-то жуткое месиво из ног, рук, выпотрошенных внутренностей женских грудей. Подавленный, ошеломленный, спрашиваю у художника, что он пытался изобразить на этом полотне.

— Хотелось передать свои настроения после известных вам событий, — ответил Супоно. — Ничего другого изобразить не сумел.

Что ж, вероятно, глубокие потрясения и болезненная фантазия заставили художника создать это жуткое произведение, жуткое, как сама действительность.

Рядом другое полотно. Бесформенное подобие человека слилось с креслом в одну темную тяжеловесную массу. Казалось, был человек и не стало его. Притупились, одеревенели в нем человеческие чувства и он превратился в неодушевленный предмет.

— Был у меня один западный джентльмен, позировал мне. Я увидел его таким вот, — пояснил художник.

Еще одно полотно. Выгнувший дугой спину черная кот вцепился в темноту единственным зеленым глазом, словно прожектором. Кот не кот, а скорее какая-то спиральная конструкция. Может быть, этот образ олицетворял абстрактное понятие зла?

Лишь одна работа привлекла наше внимание своей выразительностью, глубокой жизненностью. Это была почти не искаженная фигура обнаженной женщины, сжавшейся в комочек и обхватившей руками голову, словно затравленный беспомощный зверек. Художник не показал лица женщины. Но от всей ее девичье-тонкой фигурки веяло чистотой и безысходным трагизмом.

Прошу Супоно объяснить идею картины.

— Идея? Если хотите, женский стыд, — ответил он. — Натурщица застыдилась и спрятала лицо, когда я начал писать ее.

Но знаю, вполне ли искренне ответил Супоно. Но хотелось по-своему прочесть замысел художника. Не женский стыд, а скорбь — вот идея произведения. Скорбь, горе, беспредельное отчаяние молодой женщины, может быть осиротевшей, оскорбленной, брошенной.

Работы Супоно экспонируются за рубежом, их покупают американцы, даже выставляют в музеях. Он, как я заметил, не принадлежит к числу бедствующих деятелей искусства.

И все-таки это трагическая фигура. Художник, поразенный горькой правдой жизни. Человек большого, большого таланта.

Вскоре после поездки в Сурабаю я побывал в Центральной Яве, в Джокьякарте. Здесь я попытался встретиться со старым знакомым — Аффанди. Творчество этого представителя старшего поколения мастеров изобразительного искусства сложно и противоречиво. Сейчас его считают самым крупным художником Индонезии. Он профессор джокьякартской академии искусств, часто выступает в печати с искусствоведческими статьями. Однако скептики или те, кто не разделяет его эстетических взглядов, утверждают, что Аффанди — столько крупный, сколько модный мастер. Богатые женщины и политиканы считают признаком хорошего тона иметь в гостиной его полотно. Молодые живописцы стремятся работать под Аффанди. Его произведения часто экспонируются на столичных выставках-продажах и оцениваются в сотни тысяч рупий, хотя как картина хорошего, но непризнанного живописца стоит в десять раз дешевле. Вообще произведения искусства в Индонезии сравнительно дешевы, потому рядовой художник или скульптор сталкивается с нуждой и лишениями.

Впервые я познакомился с Аффанди в конце 50-х годов. Мне его рекомендовали как прогрессивного деятеля искусства, связанного с левыми силами, идейного критика тех передовых мастеров, которые в настоящее время не по своей вине исчезли с горизонта.

Аффанди жил тогда за пределами восточной окраины Джокьякарты в небольшом домике, мало отличающемся от жилищ обитателей кампунгов. Изобретательный на выдумки, художник скрасил бедность жилища необычайно пестрой расцветкой, соорудил веранду.

Хижина стояла посреди живописной открытой долины, рассеченной быстрым, порожистым ручьем.

Хозяин принял меня радушно, познакомил со студией, размещавшейся в основном на веранде. Аффанди обладал артистичной внешностью. Пышная седоющая шевелюра, высокий лоб мыслителя и маленькие глазки-буравчики, въедливо и лукаво сверлившие собеседника, — таким он запомнился мне.

Художник говорил о своих эстетических и творческих принципах.

— Я за реализм и, следовательно, против абстракционизма. Но я за реализм, далекий от дотошного натуралистического копирования. Поэтому мне больше нравятся такие мастера, как Ван-Гог. Художник должен смело искать свой индивидуальный почерк, экспериментировать. В молодости я зарабатывал на жизнь тем, что писал рекламы, учительствовал. А теперь пришел к тому, что вы видите здесь. Возможно, я заблуждаюсь. Но, продолжая поиски, я постараюсь убедиться, прав я или неправ.

Художник работал преимущественно как портретист и жанрист. Я увидел целую серию портретов и жанровых сценок, зарисовок вечернего Монмартра, Венеции, сделанных под впечатлением поездки в Европу.

Среди ранних произведений Аффанди были и по-настоящему реалистические работы, такие, например, как «Портрет матери». Его по праву можно отнести к современной классике индонезийского изобразительного искусства. На небольшом полотне усталое лицо старейшей женщины, умудренной жизненным опытом, прожившей долгую и нелегкую жизнь.

Но большинство работ Аффанди уже тогда было отмечено печатью распространенных на Западе формалистических направлений. Для них характерна помешанная гротескность, сумбурность, нарочитая изломанность линий и форм. Художник игнорирует светотень, реальность красок. Взяв произвольный цвет, он наносит на полотно сумбурный контур образа или предмета. Несколько штрихов или беглых мазков краски внутри или вне контура дополняют его.

Руководствуясь нашими эстетическими категориями, мы бы назвали тот реализм, за который ратовал Аффанди, не реализмом, а экспрессионизмом. Уже то

формалистические увлечения маститого художника нередко мстили ему, обедняя его образы, ограничив творческие возможности. И все-таки в этих противоречивых произведениях художник никогда не терял чувства реальности, форма еще не превращалась в самоцель настолько, чтобы полностью вытеснить содержание. Какими бы гротескными ни были образы Аффанди, они производили глубокое впечатление метко схваченными чертами, лаконизмом, выразительностью.

Долго я ничего не слышал о судьбе художника. Отношились ли трагические события последних лет на его жизнь и творчество? Ведь когда-то его считали левым. Когда, приехав в Индонезию, я получал сперва самые противоречивые и неопределенные сведения об Аффанди. Но потом один из известных джакартских художников уверенно сказал мне:

— Бапак Аффанди не так давно вернулся из-за границы и по-прежнему живет в Джокьякарте. Он теперь богатый человек, строит собственную картинную галерею.

В Джокьякарте я узнал, что мой знакомый живет в прежнем месте. Граница города за минувшие восемь лет отодвинулась далеко на восток. Невдалеке от жилища Аффанди вырос многоэтажный фешенебельный отель для иностранных туристов. При мне он пустовал и приносил государству одни убытки. Дом художника мало походил на прежнюю скромную хижину из бамбука. К нему подходила хорошо утрямбованная дорога. Выросли какие-то хозяйственные строения. Сам дом представлял удивительное, невероятно сложное сооружение на высоких сваях, украшенное деревянной резьбой и скульптурами. Вероятно, это была стилизация под традиционное свайное жилище племени Калимантана или папуасов Ириана. Аффанди оставался прежним озорником и выдумщиком. Рядом с домом находилось большое каменное здание картинной галереи, еще не достроенное.

К сожалению, старого художника я не застал дома. Он уехал в Богор, где у него был второй дом. Разбогатевший Аффанди жил, что называется, на широкой ноге.

О его судьбе я узнал позже. По-видимому, те крики, которые называли Аффанди художником скорее

модным и удачливым, чем выдающимся, имели основание для подобных оценок. В последние годы он все дальше отходил от реализма, увлекаясь приемами западных буржуазных школ. Поздние работы Аффанди откровенно формалистичны, бессодержательны. Так бесплодные эксперименты ради экспериментов заковали талантливого художника в творческий тупик и помешали созданию социально значимых, высокохудожественных произведений. Как художник Аффанди шел вперед, а назад. Зато его имя было признано на Западе. Его произведения экспонируются в музеях США и Западной Европы. Сам он неоднократно приглашался в зарубежные страны и даже мог переждать политическую бурю, разыгравшуюся на родине, на Гавайях и в Америке. Когда он наконец вернулся в Индонезию, никто не заикнулся о его прошлых «грехах». «Нью-Йоркский порядок» принял его как своего. Полотна, выставленные в американских музеях, и хвалебные отзывы западной критики были лучшим свидетельством политической благонадежности. Может быть, я выражу слишком категоричное, субъективное мнение, но мне кажется, что большой художник в Аффанди умер. И в этом его великая трагедия.

Многие индонезийские художники среднего и старшего поколения считают Аффанди своим идейным вождем и подражают ему. Но они в отличие от своего учителя обычно не считают формалистические приемы самоцелью и основываются на реалистическом восприятии и критическом переосмыслении действительности в своих сложных и порой мучительных поисках. Они смело обращаются к жизни простых тружеников, создают выразительные образы, наделенные ярким национальным характером.

В Джакарте нередко организуются различные художественные выставки. На одной из них демонстрировались произведения молодой джокьякартской художницы Рутьяти Суварьоно, о которой я упоминала выше. Это были живые, метко схваченные жанровые сценки из жизни крестьян, городской бедноты. Однако Суварьоно увлеклась экспрессионистской манерой, а иногда и просто подражала учителю, теряя своеобразие, выразительность.

Нередко сами художники объясняют это увлечение экспрессионизмом тем, что сложное политическое

развитие современной Индонезии, жизнь, насыщенная бурными драматическими событиями, требуют от живописца не обычных выразительных средств, а более динамичных, экспрессивных, эмоциональных. Может, в этих рассуждениях и есть доля истины.

По застав Аффанди в Джокьякарте, я решил встретиться с его дочерью и зятем Саптохудойо. Эта супружеская пара также известные художники. Живут они на северной окраине города, у шоссе, ведущего к горному курортному городку Калиуранг у подножия вулкана Мерапи. По соседству с ними стоят дома многих других художников и скульпторов.

Саптохудойо — преуспевающий художник-делец, талантливый и не лишенный таланта. Но погоня за модой, за прибыльными заказами, готовность писать в любой манере, угодной заказчику, — все это выхолостило его творческую индивидуальность, привело к эстетической безпринципности, эклектизму. Художник вырождается в ремесленника. И это тоже трагедия.

Дом супругов Саптохудойо оформлен как маленький художественный музей. Веранда и гостиная украшены традиционными рельефными изображениями, рисунками-топенгами. Здесь же небольшой водоем, обрамленный экзотическими растениями. Нас встретила хозяйка дома, милостивая, в меру кокетливая женщина. Как привычный экскурсовод, она стала знакомить нас, меня и моего спутника Володю, помощника корреспондента ТАСС, с коллекцией. Дом-музей служил своего рода рекламой, привлекающей возможных заказчиков.

Мы с мужем, наши дети... У нас их восемь, — говорит хозяйка, показывая нам семейные фотографии.

Появляется хозяин и сам продолжает вести экскурсию. Возле его домашней картинной галереи — незавершенная абстрактная композиция из металла. На грубом полотне, обтягивающем раму, крепятся неровные куски жести, шайбы, болты. Абсурд, вздор? Но как бы там ни было, в этой нелепой вещи есть какая-то гармония, соблюдены какие-то законы композиции, намечаются намеки на образы, которые хочется домыслить фантазией. Но кому нужен этот металлический хлам? Во имя чего тратит художник творческую

энергию, создавая подобный шедевр, который будет демонстрироваться на выставке в Бандунге?

Картинная галерея походила на нечто пестрое, мизантропическое. Абстракционистские вещи соседствовали с экспрессионистскими работами под Аффанди и с полотнами, выполненными в реалистичной манере. Абстракционизм — это дань моде, приспособление к официальной школе, признак хорошего тона у эстетствующих снобов. Саптохудойо уже получает признание за границей. Он много ездит по другим странам, а когда на Западе его работы выставляются рядом с произведениями его тестя. Но немало есть богатых коллекционеров-индонезийцев, приверженцев старых художественных традиций, которые не очень-то любят украшать свои особняки абстракционистскими полотнами и предпочитают заказывать пейзажи с окутанной облаками горой Мерапи или портреты чад и домочадцев.

Есть в доме отличная, на мой взгляд, работа Саптохудойо — портрет его жены, обаятельный образ какой-то необъяснимой живинкой. Создавая портрет близкого человека, художник вложил сюда свое сердце и вдохновение, работал для души, не думая о том, чтобы угодить снобам или самодовольным обитателям. А рядом работы для рынка, технически грамотные и только без этой самой живинки, без души.

Увидел я в коллекции супругов Саптохудойо и полотно старика Аффанди, относящееся преимущественно к более раннему периоду его творчества, когда художник еще жил в скромной хижине. Я был обрадован, встретив здесь скульптурный автопортрет Аффанди, очень схожий с оригиналом и передающий словесные черты характера человека — искателя истины. Он был известен мне лишь по иллюстрации в индонезийской энциклопедии, заимствованной для моей небольшой книжки «Искусство Индонезии».

Прекрасный портрет жены, отмеченный печатью несомненного таланта автора, — это ли не горький упрек художнику? Ведь был талант, и недюжинный, а только измельчал он в угоду веяниям моды и капризам заказчиков! Выразительный скульптурный автопортрет человека с высоким открытым лбом мыслителя и взглядом, полным затаенной грусти, — это ли не упрек маститому Аффанди, не сумевшему выбраться из творческого тупика? «Ты скорее модный и удачливый»

...чем выдающийся!» — разве не обида и осуждение звучат в этих словах, которые нередко говорят о нем.

Соседом четы Саптохудойо был Эди Сунарсо, крупнейший и самый талантливый скульптор современной Индонезии. Я познакомился с ним в скульптурных классах джокьякартской академии художеств. Уже внешний облик и манеры говорили о незаурядной артистической натуре. Это был темпераментный, подвижный человек с всклокоченной гривой темных волос и плетенькой бородкой.

Эди Сунарсо — автор многих памятников, украшающих города Индонезии. Среди них монумент в Макарте в честь освобождения Западного Ириана от колониализма, моряк с якорем перед зданием проинформального управления культуры в Сурабае, женские фигуры перед новым отелем «Амбарукма» в Джокьякарте. Все эти образы подчеркнута темпераментные, экспрессивные, размашистые, как сам автор. Вот, например, памятник в Сурабае — мускулистая обаятельная фигура человека, приподнявшего над головой, словно боевое оружие, тяжелый якорь. Это обобщенный образ национального героя, борца за независимость, уверенного в своей силе. Сурабайские моряки играли заметную роль в национально-освободительной борьбе страны. В 1933 году произошло восстание приков-индонезийцев на голландском броненосце «семь провинций». Пресса того времени называла героический корабль «индонезийским Потемкиным». Об этой славной странице прошлого невольно напоминает сурабайская работа скульптора.

В джокьякартской академии художеств в отличие от художественного отделения бандунгского технологического института реализм еще не позволил полностью вытеснить себя абстракционизмом. Эди Сунарсо, в его словам, не отвергает абстракционизма и признает за студентами право свободного выбора творческого метода, хотя сам он явно предпочитает работать реалистической манере. Поэтому в классах среди студенческих работ я видел не только бесформенных шариков, но и по-настоящему талантливые работы, отмеченные глубокой человечностью. Чувство любви австрийца к своему герою, жизненной правды преподаватель старался прививать своим ученикам. Вот выразительные скульптурные портреты известных деятелей

культуры, вот юноша и девушка — извечная любовь, мать с ребенком — попытка раскрыть тему радости материнства. Знакомясь с этими студенческими работами, я испытывал чувство сожаления, что воплощены они в недолговечном гипсе или пластике, а не воплощены в камне и бронзе, чтобы украшать городские сады и площади. Вызывали досаду и произведения выставленные рядом с этими талантливыми работами композиции из кусков старого железа или желовесно-уродливые глыбы, отдаленно напоминающие женский торс, — они показывают полное отсутствие духовного начала и физической красоты.

Эди Сунарсо любезно пригласил нас посетить студию. В доме скульптора я увидел много моделей знакомых мне памятников, скульптурных этюдов. Картины на стенах преимущественно принадлежат жене супруги хозяина. Она художница, испытывающая влияние того же Аффанди. Позади дома находится пергола вильня, которой владеет компаньон скульптора по рядчик Сардоно. Здесь Эди Сунарсо отливал статуи. Но вот уже целых два года, как плавильные печи стоят холодные. У правительства нет средств чтобы заказывать монументы, хотя у Эди и других скульпторов творческих замыслов более чем достаточно. Чтобы хоть чем-нибудь занять своих работников и существовать самому, Сардоно взял заказ отштафовать бамбуковые панели для какого-то ресторана.

На задворках стояли два огромных гипсовых слона. Скульптор мечтал, что подобные слоны, отлитые в бронзы, украсят проектируемый большой мост через реку Муси у города Палембанга (Южная Суматра). Но правительство не могло найти средств для осуществления этой идеи. Непрочные гипсовые фигуры разрушаются тропическими ливнями.

Я не задавался целью производить скрупулезный арифметический подсчет абстракционистов, реалистов или тех, кто мечется в поисках между этими двумя полюсами изобразительного искусства, как не задавался целью раскладывать по полочкам все сосуществующие в Индонезии художественные направления и течения. Пусть этим занимаются искусствоведы. По пути реализма идет значительная часть индонезийских художников. Это Судхарнотто и братья Агус Джая и Су-

Дари в Джакарте, Сунарсо в Джокьякарте, Карьоно в Сурабае. Люди разного уровня мастерства, художники разных жанров, разного творческого почерка, более или менее терпимо относящиеся к отклонениям от реализма. Многие из этих мастеров, если не подавляющее большинство, — самоучки, не получившие профессионального образования, но тем не менее ставшие крупными деятелями индонезийского изобразительного искусства.

Вот один из них, может быть и не из первого десятка. — Хасан Джафар. Он живет в Медане, в Северной Суматре. Просторная гостиная в его доме, она же и студия, открыла передо мной мир сочных, радостных, праздничных красок. Огромные полотна-пейзажи закрывали все стены. Вид на высокогорное озеро Толо, один из красивейших уголков архипелага; еще и еще горный пейзаж; батакская деревня с традиционными постройками... Широкие, размашистые мазки кажутся вблизи чересчур грубыми, аляповатыми. Краски пейзажей, голубые, синие, лазоревые, преувеличенно яркие, сочные, никогда не встречались в реальной природе. Художник не стремился натуралистично воспроизводить все детали, предпочитая широкое обобщение. И все-таки это был реализм. Хасан Джафар создает обобщенный, философски осмысленный образ природы, подчеркивая идею радостного торжества жизни. Преувеличенная сочность красок, определенная склонность к декоративности служат средством для выражения этих целей, характеризуют своеобразную творческую манеру. Творчество этого талантливого художника проникнуто светлой жизнерадостностью, оптимизмом.

Удаются только большие полотна. Люблю ширину, размах, — сказал мне художник. — Как удаются, не мне судить. Ведь я самоучка. У профессоров живописи не обучался. Отец мой был чеканщиком по металлу. От него и передалась любовь к искусству.

Хасан Джафар — довольно известный художник, участник выставок. Однако, как он сам признал, чтобы избежать нужды, приходится заниматься не только живописью, но и держать лавочку.

Такое положение многих талантливых художников современной Индонезии, тех, кто не подделывается

под моду, не стремится удивить публику новым сшибательным измом.

Художественные выставки — довольно частое явление в столице и других крупных городах страны. В Джакарте они постоянно сменяют друг друга в выставочном зале «Балай Будая» и отеле «Индонезия». Нередко предоставляет свое помещение для экспозиций и местное отделение одного из ведущих американских банков. Здесь можно увидеть картины и скульптуры различных эстетических направлений и творческих почерков. Рядом с полотнами маститого Аффанди соседствуют произведения начинающих и малоизвестных художников, а рядом со скульптурными работами Эди Сунарсо выставлены творения вчерашних студентов. Но каково бы ни было разнообразие школ, почерков, манер, какова бы ни была степень маститости и известности участников всех этих выставок, производят они в целом впечатление унылого однообразия.

Современные художественные выставки — это преобладание формализма во всех его проявлениях вплоть до самого крайнего абстракционизма, лишённого всякого здравого смысла и содержания. Геометрические композиции, сумбурные сочетания цветовых пятен, какие-то кляксы и потеки, нелепые уродливы смутно напоминающие людей, — таковы, с позволения сказать, художественные произведения, выставленные для обозрения. Авторы некоторых работ претендуют на репутацию крупных и даже ведущих мастеров международного искусства своей страны. Искусная реклама сделала свое дело и создала им определённое имя. Этим знаменитостям подражают молодые. Как редко на подобной выставке встретишь нечто такое, напоминающее, живой образ, выразительный сочный пейзаж. Если художник даже не утратил чуткости реалиста, интерес и любовь к окружающему миру, к людям со всеми их земными радостями, печальми и страстями, к природе со всей ее красотой и многообразием, он словно стыдится этого и отдает неизбежно дань модным формалистическим выкрутасам. Вопреки творческому замыслу и стремлению реалистично осмыслить окружающий его мир. Как бы не обширно потом в эстетическом консерватизме, в отсталых взглядах, в слепом копировании натуры. И вот этот схваченный образ нарочито искажается, становится

турным, асимметричным, цветовая гамма превращается в преувеличенно яркую или, наоборот, тусклую. Чем дальше, тем больше мудрствований и трюков. И вот постепенно образ, а вместе с ним и талант художника вытесняются самоцельным манерничеством. Форма вытесняет содержание.

Как разнообразны и талантливы были художественные выставки конца 50-х годов! Как они были не похожи на современные! Хенк Нгантунг с его глубоко реалистичными образами простых тружеников, бедняков и погонщиков буйволов; Трубус с его яванскими рисунками, не экзотическими, а суровыми, напоминающими о нелегком крестьянском труде; Басуки Абдула со своими пейзажами, так не похожими на трубусовские, глубокими, поражающими буйством контрастных красок; Дулла, автор замечательных портретов, немного архаичных, но всегда глубоко национальных; Хендра Уманан, привлекавший зрителя впечатляющими эпическими национально-освободительной борьбы... Да еще перечислишь всех тех, кто радовал своим талантом и определял в те годы лицо индонезийского изобразительного искусства? Теперь, увы, многих из этих выдающихся мастеров не видно в сфере культурной жизни страны. Одни погибли во время террора, другие — в тюрьме, третьи эмигрировали, четвертые, подвергаясь политическим преследованиям, не могут проявить творческой активности. «Новый порядок» перевернул их творчество, глубоко чуждое духу насилия и несправедливости.

Формалисты встречают поощрение и поддержку со стороны «нового порядка». Официальная пресса наравне с модными расхваливает творения модных художников лагеря воинствующих противников реализма. Советские дельцы, чтобы не отстать от моды, приобретают их полотна и скульптуры, демонстрирующиеся в выставочных залах. Подготовка деятелей искусства сегодняшней Индонезии отдана в руки столпов абстракционизма. Замечательные реалистические традиции художественного наследия прошлого предаются забвению.

В стране два основных центра художественного образования — отделение изобразительных искусств технического института в Бандунге и джокьякартская академия искусств. До недавнего времени основной

цитаделью абстракционизма был Бандунг, где началось воспитание студентов в духе непримиримого отрицания реализма положили профессора-голландцы. Ничего не изменилось и тогда, когда во главе отделения встал их выученик и идейный единомышленник — Ахмад Садали, один из крупнейших художников-абстракционистов в стране. Редкая выставка проходит без его участия.

В академии художеств Джокьякарты вполне терпимо относились к абстракционизму, но и реализм не предавался остракизму. Среди преподавателей было немало талантливых художников-реалистов, в том числе и ряд видных лекторов. Они прививали студентам бережное отношение к национальным художественным традициям и убеждали своих воспитанников в бесплодности формалистических приемов. Но все изменилось после трагических событий 30 сентября 1965 года. Прогрессивно настроенные художники и преподаватели были изгнаны из академии.

Автор неоднократно бывал в классах живописи и скульптуры этих двух центров. И институт и академия поддерживают хорошую традицию: они связаны со средними школами, выявляют там творчески одаренных детей, будущих студентов. В учебных аудиториях и коридорах можно увидеть выставки лучших школьных рисунков, акварелей. Пусть они не отмечены печатью профессионального мастерства и технически слабы. Мальчик или девочка стремятся отобразить на листке бумаги окружающий мир таким, каков он в действительности, не трансформируя своего маленького брата или собачку в заумную геометрическую композицию или расплывчатую кляксу. В основе этих детских рисунков еще лежит реалистическое восприятие действительности, не отравленное мудрствованием. Но вот автор этих рисунков становится студентом, и с первых же дней учебы преподаватели начинают усиленно пичкать его пресловутыми измами. Чем дальше, тем больше. Выставки студенческих работ — это грустные свидетельства эволюции молодого художника. Вот работы первокурсников. Здесь еще не утрачен тот стихийный самодеятельный багаж, с которым юнги и девушки пришли со школьной скамьи. Да и не выбросишь на начальном этапе обучения технику рисунка с натуры — портрет, натюрморт. Но работы

карнакурсов и особенно дипломные работы выданы почти исключительно в абстракционистской манере.

В Индонезии действует ряд пропагандистских и культурных центров главных империалистических государств. И все они в той или иной степени поддерживают ведущих индонезийских художников-абстракционистов, пропагандируют их творчество, игнорируя набогнее реалистическое искусство этой страны. Так, пропагандистский центр США ЮСИС и так называемый институт Гёте, центр западногерманской пропаганды, организовывали в Джакарте выставки местных художников. Разумеется, представлены были произведения, идейно созвучные западному буржуазному искусству. Столпы современного индонезийского абстракционизма приглашаются в Соединенные Штаты, ФРГ и другие западные страны, их произведения демонстрируются на выставках этих стран, пропагандируются в искусствоведческих изданиях.

Чем объяснить столь нежные симпатии «нового порядка» и органов империалистической пропаганды к абстрактному искусству, глубоко чуждому национальному духу и традициям индонезийского народа?

Ответить на этот вопрос не представляет труда. Абстракционизм — это духовное разоружение искусства, нейтрализация его идейной направленности. Абстракционизм — бессмысленные комбинации красок и линий, уводящие художников от тревожных размышлений о судьбе народа и родины, об их будущем, от критического взгляда на мир. Приверженцы этого направления не создадут ярких сцен национально-освободительной борьбы, горя и страдания народного, воспринимаемых как осуждение суровой действительности и призыв к борьбе за лучшую долю. Именно такое, выжженное, мертвое искусство и отвечает духу «нового порядка». Не случайно воинствующий стикоммунизм соседствует с воинствующим антиреализмом.

Поборники абстракционизма, расправляющиеся с известным для них реализмом, могут сказать: мы заполняем тот идеологический вакуум, который образовался в индонезийском искусстве после событий 30 сентября и разгрома прогрессивных культурных организаций.

Заполняют идеологический вакуум

Выражение это я впервые услышал при следующих обстоятельствах.

Часто я совершал рейды по книжным магазинам Джакарты. Ведь они всегда служили своего рода шириной духовной жизни столицы, да и всей страны. За минувшие годы их облик заметно изменился. Исчезли с полок «крамольные» издания Маркса, Ленина, произведения лидеров Коммунистической партии Индонезии, многих прогрессивных писателей, поэтов, публицистов. Зато мутным потоком хлынули сюда книги, брошюры, буклеты, изданные в западных странах, и в первую очередь в Соединенных Штатах. Длинными разноцветными шеренгами теснились наукообразные фолианты с кошмарными заголовками, призванными оглушить, ошеломить читателя. Еще бы! Коммунизм угрожает миру, коммунизм — насилие над личностью. Советы угнетают мусульман, мыслящие интеллекты преследуются в России, история СССР — история репрессивной политики, русская шпионская сеть опутала земной шар и прочая, и прочая. И конечно же, коммунизм интерпретировался как скопище всех смертных грехов, а политика Советского государства объявлялась архинедемократической.

Поистине глумление над здравым смыслом и кощунство пределов не имеют. И авторы сих опусов не сдерживали себя никакими рамками морально-этических, журналистских или научных норм. Если опусы противоречили элементарным фактам, тем хуже для фактов. Каждый раз, очутившись в одном из больших книжных магазинов Джакарты перед полками с подобной литературой, я испытывал гадливое ощущение прикосновения к чему-то липкому, смрадному. Яркие гляцевые суперобложки из добротной меловой бумаги лишь усиливали это чувство.

Рядом с шеренгами наукообразных фолиантов нестрело бульварное чтиво. С кричаще-пестрых обложек смотрели на меня техасские ковбои, гангстеры и детективы с кольтами, монстры из потустороннего мира, оголенные красотки. Культ силы и сверхчеловека, психологические кошмары культивировались явно с неиндонезийским размахом.

Зарубежным борзописцам подражали и свои, допущенные, также поставляющие воинствующий англокоммунизм на местный книжный рынок.

И вот здесь, перед стеллажами и прилавком с книгами, я увидел этого джентльмена, моложавого, упитанного и самодовольного, с рыжей шерстью на огромных цепких лапах. Он с неподдельным восторгом ширал на товар, вызывавший у меня чувство гадливости.

Я присмотрелся к джентльмену и нашел нехитрое сравнение. Этот человек с рыжей шерстью неожиданно вышел с книжной обложки и по какому-то необъяснимому волшебству вырос до нормальных человеческих размеров, приобрел человеческое подобие.

— Хэлло, сэр! Любуетсясь? — рявкнул он по-английски, заметив меня.

— Любуюсь, как видите.

— Откуда вы?

— Беланда, Амстердам, — ответил за меня парень-продавец и лукаво подмигнул мне за спиной джентльмена. Этот славный малый, склонный к шуткам, был моим давнишним знакомым. Он подбирал для меня нужные книги и сам иногда просил советские журналы или марки. Я понял, что продавец хотел разыграть самодовольного посетителя, и не стал оспаривать, что он голландец из Амстердама.

— Я сразу догадался, что вы не англосакс. У вас северное английское произношение. Но черт с ним, с произношением. Голландцы — хорошие ребята...

Джентльмен раскатисто заржал, выражая, очевидно, свое удовлетворение, что перед ним добропорядочный голландец, а не какой-нибудь сомнительного свойства поляк или русский.

— Заполняем идеологический вакуум пищей духовной. Каково? — воскликнул он, простирая волосатую лапищу к этой самой «пище духовной».

— Гениально, — поддакнул я.

— Я тоже так думаю. После 30 сентября и ухода с политической арены Сукарно наш свободный мир оказывает «новому порядку» помощь, руководствуясь высокой гуманностью. В разумных пределах, конечно. Разве не гуманный долг помочь этим кретинам очистить свои мозговые извилины от яда коммунизма и заполнить их пищей иной?

— Заполнение идеологического вакуума! Отлично сказано и предельно откровенно. Спасибо, сэр. Вы не сказали мне заголовок к репортажу.

— Зачем же репортажи? Стоит ли называть вещи своими именами?

— А почему бы и не назвать? Мой приятель, которого вы недвусмысленно отнесли к категории кретиннов, пошутил. У него врожденное чувство юмора. Я же все не из Амстердама, а из Москвы.

— О! Из Москвы?!

Джентльмен вновь раскатисто заржал, на этот раз с напускным восторгом.

— Я вас обрадую. Мы не забываем и ваших писателей. Как его... У русских такие трудные имена. Толстостоевский...

— Может быть, Достоевский?

— Правильно. Я хотел сказать Достоевский. И это другой, как его, с большой бородой... Лео Толстой. Его романы в одной маленькой покет-бук. Популярное переложение для местного читателя. Увлекательная книжка, скажу я вам. Одна обложка чего стоит!

Джентльмен вытащил из груди пестрых книжек одну и протянул мне. Я счел кощунством брать в руки препарированного и изуродованного Льва Толстого в голый девкой на обложке, которая, по идее издателя, могла быть Анной Карениной.

Мы не попрощались. Я так и не узнал, кто был сей человек с волосатыми хваткими лапищами — американец или англичанин, сотрудник пропагандистского центра или кто-то еще. Вновь я подумал, что передо мной был некто, как бы сошедший с пестрых обложек комиксов. Но, приобретя человеческое подобие, он так и не стал конкретным живым образом, а остался какой-то обобщенной схемой, слишком банальной и, я бы сказал, даже примитивной, словно персонаж посредственного детективного фильма или повести. Но, может быть, в этом и была жизненная типичность образа, собирательного образа гангстера империалистической пропагандистской машины, усердно заполнявшей индонезийский вакуум всей этой пестрой странней?

Подобные джентльмены из разных стран пытаются в сложных политических условиях, переживаемых Индонезией, воздействовать на эту страну, оказать влия-

на ее политику, на развитие ее духовной жизни, еще больше раздуть антикоммунистическую истерию, вызвать в определенных кругах предубежденность против Советского государства.

После многолетнего перерыва американцы вновь открыли в Джакарте свой пропагандистский центр ЮСИС с филиалами в некоторых крупных городах страны. Джакартский центр разместился в старом голландском здании на площади Мердека недалеко от президентского дворца. Здесь, в приемной, можно ознакомиться с выставкой, рассказывающей о полетах американских космонавтов, получить иллюстрированный журнал или буклет. Вымуштрованная секретарша спросит, кто вы такой, каков ваш род занятий, и предложит вам заполнить анкетку. Сотрудники ЮСИС внимательно изучают контингент посетителей. Тот, кто представляет для американцев интерес, будь то видный чиновник, журналист, партийный активист, профессор, деятель, бизнесмен, может рассчитывать на особое внимание. Его пригласят на кинопросмотр, ему пришлют объемистую посылку с книгами определенной пропагандистской направленности, кто-либо из сотрудников ЮСИС постарается завязать с ним дружеский контакт. Не удастся ли таким образом воспитать своего человека, проводника американского влияния?

В Джакарте ни для кого не секрет, что деятельность пропагандистских органов США самым тесным образом связана с органами разведки. Имя главы ЮСИС можно встретить в справочнике «Кто есть кто», изданном в Берлине, среди видных сотрудников Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Распространение огромной массы книг, журналов, буклетов, пресс-бюллетеней, демонстрация фильмов, лекции, выставки, встречи, библиотеки, курсы английского языка — вся эта разносторонняя деятельность джакартского центра и его филиалов подчинена двум важным ведомствам бюрократической машины США — службам разведки и пропаганды.

Среди других посольств империалистических государств наибольшей активностью отличается, пожалуй, посольство Федеративной Республики Германии, возглавляемое бывшим нацистским дипломатом Баслером. Кстати, этот седовласый благообразный человек

с внешностью провинциального профессора зарекомендовал себя делами, отнюдь не благовидными в годы второй мировой войны на временно оккупированной гитлеровцами советской территории. В ту пору он был видным сотрудником военно-пропагандистской службы оккупантов. По-видимому, этот прошлый опыт посла наложил свой отпечаток на пропагандистскую деятельность западногерманского посольства. Кроме официального посольского информационного отдела западные немцы открыли в Индонезии так называемый институт Гёте, также занимающийся разнообразными формами пропаганды.

Однажды я посетил крупнейшую в индонезийской столице библиотеку. Помещалась она в здании музея. Сотрудники разрешили мне самому порыться на стеллажах. В поисках нужной мне монографии я неоднократно наталкивался на западногерманские издания. Особенно много книг попадалось по истории второй мировой войны. Все они грубо искажали историческую истину, восхваляли битых гитлеровских вояк, всячески пытались преуменьшить подвиг советского народа и в конечном итоге искали прямое или косвенное оправдание разбойничьей агрессии Гитлера против Советского государства. Я был удивлен, увидев здесь и книги на русском языке, в частности «научные труды» мюнхенского института по изучению России. Институт этот известен как один из активнейших антисоветских шпионско-пропагандистских центров Западной Европы. Его, с позволения сказать, «научная» продукция суть не что иное, как злобные клеветнические измышления о Советской стране. Среди авторов книг и сборников статей мелькнули какие-то имена из эмигрантского отребья.

— Эти издания присылает нам западногерманское посольство, — пояснил библиотекарь.

— Но ведь они на русском языке. Доступен ли он вашим читателям? — спросил я.

— А почему бы и нет? Немало молодых индонезийцев учились в вашей стране, посещали курсы русского языка при советском Доме культуры. Кое-кто пытался изучать русский самостоятельно. Посетители нередко спрашивают книги о Советском Союзе.

Значит, западногерманские пропагандисты спекулируют на возрастающем интересе в Индонезии к рус-

тому языку, к Советской стране. Авось кто-нибудь прочтет и эту продукцию мюнхенского института.

Невольно вспоминаю еще одно событие. Крайние реакционные силы пытались использовать ввод войск стран Варшавского пакта в Чехословакию в августе 1968 года для раздувания антикоммунистической и антисоветской истерии, замыслили провокационные выступления против представителей СССР. Они надеялись, что легко возбудимая молодежь устремится к советскому посольству и учинит там погром. В нагнетании страстей не последняя роль принадлежала западным пропагандистским центрам. Но планы реакционеров и их зарубежных друзей в целом не удались. Лишь небольшая кучка молодчиков собралась на улице Иммануила Бонджол, пошумела без большого энтузиазма и вскоре разошлась, оставив на фасаде посольского здания несколько антисоветских лозунгов. И вот подъезжает сюда машина с дипломатическим номером. Из нее выходит с фотокамерой Урсула Мюллер, пресс-атташе посольства ФРГ, предвкушая запечатлеть на пленку сенсационные кадры. Завтра эти кадры разойдутся по всему миру. Но никаких следов недавней демонстрации уже нет, и сенсационных кадров не будет. Урсула остается лишь раздраженно хлопнуть дверцей «мерседеса» и укатить восвояси.

Часто приходилось слышать о тесных контактах между западных посольств с некоторыми газетами, которые систематически изощрялись в антисоветской клевете, пытались порочить Советское государство и идеи социализма, призывали к свертыванию связей с социалистическими странами. Порой на их страницах разыгрывались как по нотам дезинформационные кампании. Чувствовалась опытная и целенаправленная рука режиссера. Характер публикуемых материалов не оставлял сомнения в том, что режиссер должен принадлежать к одной из западных пропагандистских служб.

Дезинформация, или на газетном жаргоне «деза», это правило, не имеет реальной фактологической основы. Она высасывается из пальца. Но чтобы придать ей видимость некоего правдоподобия, ее подбрасывают за определенную мзду в какую-нибудь бульварную воскресную газетенку, привыкшую потчевать читателя уголовной хроникой, светскими сплетнями и

фривольного свойства картинками. Ведь с такой газеткой и спрос невелик, если вдруг кто-то здравомыслящий схватит пакостников за руку. Если дело обходится без крупного скандала, в игру включаются органы печати посolidнее. Они перепечатавают инвентаризацию мышления, ссылаясь на инспирированный источник. Словно круги на воде от брошенного камня, распространяются пущенные пакостниками слухи, занимая место среди сообщений солидных агентств.

Не буду голословным и приведу характерный пример одной из подобных дезинформационных кампаний в сегодняшней печати Индонезии.

В конце 1969 года неожиданно, словно по мажорному дирижерской палочке, определенный круг датских картских газет выступил с нападками на арабские страны и их официальные представительства в Республике Индонезии. Объектами нападков стали представительства и дипломаты Ирака, Сирии, Южного Йемена. Сперва забили в барабан некоторые бульварные газетены, известные своими связями с западными посольствами. Затем, ссылаясь на эти сомнительные «источники информации», начали публиковать антиарабские материалы и более солидные по индонезийским масштабам газеты, например орган христианской партии «Синар Харапан». Представители арабских стран обвинялись ни больше ни меньше как в активной подрывной деятельности против индонезийского государства. Представители МИД Индонезии были вынуждены дать официальное опровержение этим нелепым, а порой и явно хулиганским нападкам.

Кому и зачем понадобился весь этот балаган? Ведь нападки в печати на арабские страны и на официальных представителей не отвечают ни настроениям широкой индонезийской общественности, ни официальной позиции правительства.

Объяснить смысл этой клеветнической кампании так уж трудно. Кое-кому не по душе массовое движение, охватившее Индонезию, как и многие другие страны, в поддержку борьбы арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии. Незадолго до этого толпы молодежи собрались перед недостроенной столичной мечетью «Истикляль» и гневно протестовали против грубых шовинистических действий израильской военщины, попрания религиозных чувств

рабов. Молодые индонезийцы выражали готовность встать добровольцами в отряды помощи арабам.

Председатель парламента Индонезии и видный общественный деятель Шейху в беседе с корреспондентом «Правды» заявил, что индонезийская общественность будет активизировать свои выступления в поддержку правого дела арабских народов с целью оказания воздействия на силы, препятствующие обузданию агрессоров.

Таким образом, Индонезия оказалась в числе стран, где общественность решительно выступила против агрессора. Израиль оказался, по существу, в изоляции. Это не могло не встревожить политиканов из Тель-Авива и их империалистических покровителей. Именно им силам и нужна была клеветническая кампания против арабов. С помощью самой низкопробной клеветы, используя продажные бульварные газетенки, они сделали попытки поссорить арабские страны с другими афро-азиатскими странами, помешать их единству, отвлечь их общественность от борьбы за справедливое регулирование положения на Ближнем Востоке.

Далеко не всем индонезийцам по душе та пища духовная, которая заполняет полки книжных магазинов или рассылается бесплатно по всей стране органами империалистической пропаганды. Я убедился, что антинаучные фолианты, пропитанные ядом антикоммунизма, раскупались плохо. Периодически они уценились и перемещались с видного места в отдаленный угол, где пылилась неходовая литература. И это было характерным показателем отношения здравомыслящего читателя к пропагандистской стряпне.

Газеты, далекие от прогрессивного направления, но лишённые трезвого взгляда на вещи, порой поднимают тревогу в связи с активностью империалистических органов пропаганды. Газета «Эль Бахар», близкая к военно-морским силам, публиковала на эту тему резко обличительные карикатуры. В Джакарте состоялся специальный симпозиум, осуждавший проникновение порнографии в печать и на киноэкраны как следствие иностранного идеологического влияния. На симпозиуме выступали такие видные культурные и общественные деятели, как уже знакомый нам генерал, профессор Мустопо, деятельница просвещения и женского движения, а в прошлом министр труда Тримурти.

Святые отцы действуют

Коль речь зашла о заполнении пресловутого или логического вакуума, нельзя обойти молчанием и деятельность церковников-миссионеров. Они вносят свою лепту в усилия империалистической пропаганды.

Ночью над Джакартой в черном небе зловецом хивают красные неоновые кресты католического собора. Кресты напоминают, что в жизни даже такой мусульманской страны, как Индонезия, воинство христиан во занимает далеко не последнее место. В индонезийской столице много различных христианских церквей католических, лютеранских, англиканских, методистских, баптистских, адвентистских и прочих. Строения новые. Но в шумной сутолоке Джакарты христианство не так бросается в глаза, как в городах помещице Бандунге, Медане, Джокьякарте. Там башни церквей и соборов выделяются на фоне городских строений особенно рельефно. Нередко встретишь на улице доминиканского или францисканского монаха в длинной сутане, подпоясанной шнуром. Святые отцы пришли лежат лучшие школы и госпитали.

Еще во времена голландского колониального господства миссионеры всех мастей устремлялись в Индонезию, чтобы усиленно насаждать здесь христианство. Однако основную массу населения, в частности большинство жителей Явы, христианизировать не удалось. Индонезийцы сохранили приверженность исламу, который нередко становился знаменем национальной освободительной борьбы. Лозунг борьбы с «неверными», иноверцами, за чистоту ислама воспринимался народными массами как лозунг борьбы с чужеземными угнетателями, за национальную независимость. Под мусульманскими лозунгами выступал в первой половине прошлого века вождь народного восстания на Яве Дипо Негоро. Первые общественные организации Индонезии имели исламистские программы.

Ислам, пустивший в Индонезии достаточно глубокие корни, оказался более живучим, чем рассчитывали отцы-миссионеры. Они достигли успеха лишь в некоторых окраинных районах страны, экономически отсталых и слабо охваченных национальным движением. Это были восточная часть Малых Зондских островов,

Молуккские острова, часть батакских районов Суматры, Северный Сулавеси, Западный Ириан. Кроме того, христианство нашло некоторое число последователей в крупных городах среди индонезийской и местной китайской интеллигенции, чиновничества, связанных с колониальным аппаратом и видевших в обращении к христианской церкви более благоприятные для себя карьеристские возможности. В свою очередь колонизаторы пытались опереться на христианизированное меньшинство, противопоставляя его мусульманскому большинству. В голландскую колониальную армию вербовались преимущественно амбоинцы-протестанты.

С политическим господством колонизаторов в Индонезии давно покончено, но церковники сохранили в стране значительное влияние, играя роль идеологического оружия крупных монополий Запада.

В Медане, центре провинции Северная Суматра, случай свел меня с отцами-миссионерами. Их было много, сухих поджарых голландцев в белых полотняных сутанах. Это были начитанные, образованные люди, знающие страну, в совершенстве владеющие индонезийским языком. Они возглавляли местную католическую школу и учительствовали в ней.

Надо отдать должное, дух времени наложил свою печать и на этих слуг святого престола. Они вежливо беседовали с советским журналистом, познакомили со своей библиотекой и даже согласились показать мне свою школу, по их словам, лучшую во всей Северной Суматре. Школа действительно производила хорошее впечатление. Здание было построено продуманно, с учетом местных климатических условий. Просторные классы выходили на открытые коридоры — галереи. Хорошее оборудование, шкафы с наглядными пособиями, географические карты и учебные плакаты на стенах, опытные преподаватели — все это выгодно отличало эту школу от других городских учебных заведений.

— Мы платим нашим учителям в несколько раз больше, чем в государственных школах, — пояснил директор отец Матиас. — Поэтому они не бедствуют так, как их коллеги из правительственных учебных заведений. Ведь обычно учитель вынужден искать подсобный заработок.

— Ваши ученики обязательно должны принадлежать к католическим семьям? — спросил я.

— Вовсе нет. Многие видные чиновники, военные дельцы, причем ревностные мусульмане, предпочитают посылать детей к нам.

— И это не противоречит их приверженности исламу?

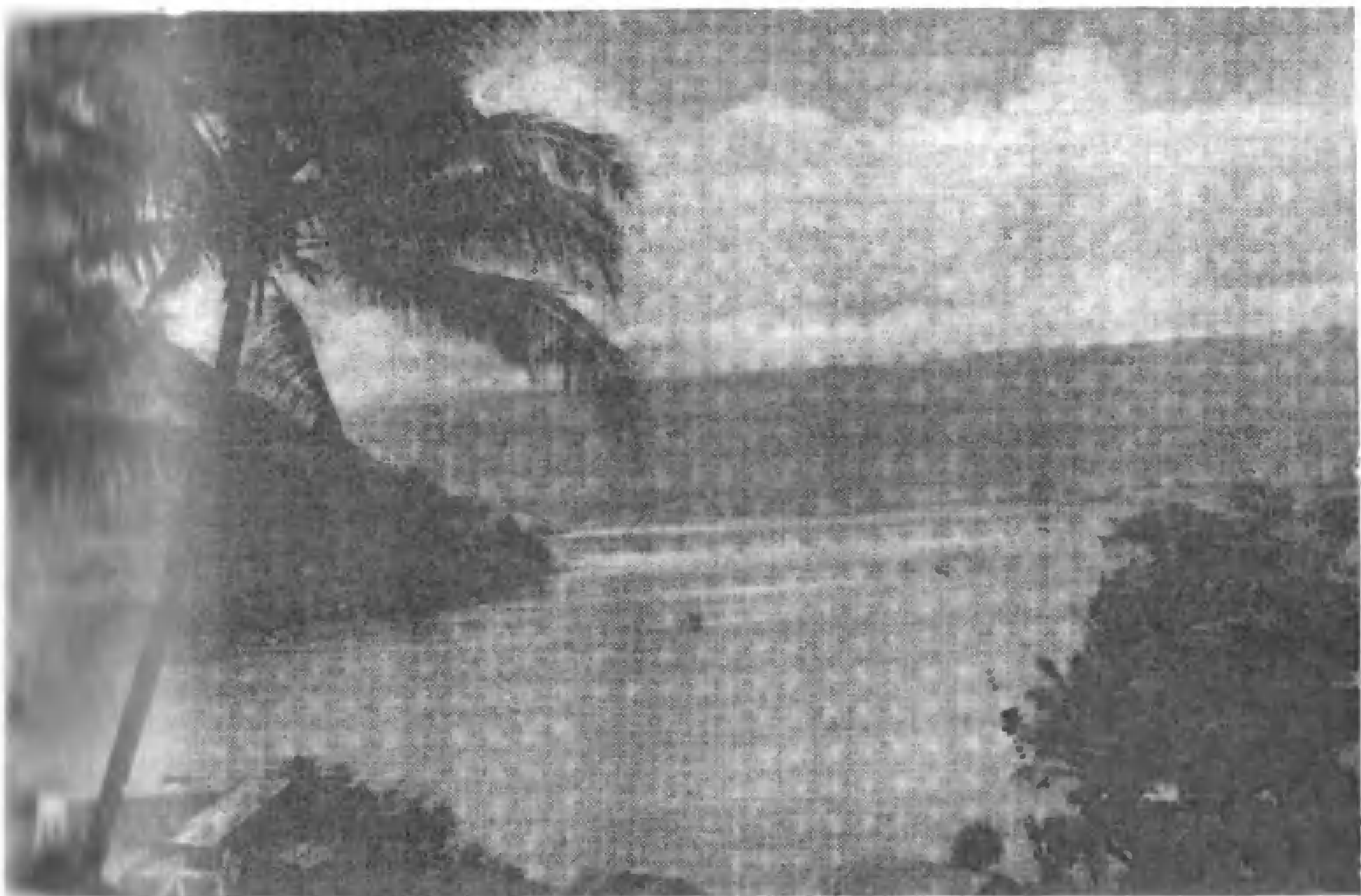
— Если представляется возможность дать детям более солидную подготовку, какую пока не в состоянии давать обычные правительственные школы, трезво мыслящий человек никогда не будет щепетилем в вопросах религии. Мы же рассчитываем на добрые чувства наших учеников к религии христовой.

Я убедился, что деятельность отца Матиаса была далеко не безрезультатной. Этот приветливый, добродушный наставник в старенькой сутане совсем не походил на сурового, фанатичного аскета с полотна Эдварда Греко. На перемене его окружили стайки девочек и мальчиков. И для каждого старый учитель-монах находил приветливое слово, прибаутку, шутил, смеялся. Потом, распрощавшись со мной, он взобрался на старенький велосипед и укатил домой.

От отца Матиаса я узнал, что на живописном берегу озера Тоба, в городке Прапат, живет на покой престарелый монах-голландец отец Донатус. Четверть века прожил он в джунглях Калимантана как католический миссионер. И он не только нес слово божье лесным даякам, но и занимался серьезной научно-исследовательской работой как антрополог, этнограф, лингвист, изучал диалекты племен, собирал самобытный даякский фольклор. Его живые, непосредственные наблюдения легли в основу ценнейших исследований о жителях джунглей Калимантана, их обрядах, обычаях, говорах, народном творчестве.

Во время поездки в глубь Северной Суматры я постарался разыскать в Прапате ученого-монаха. Сделать это было нетрудно. Городок, прилепившийся к крутому, обрывистому берегу глубокого черного озера, был невелик. На прибрежном холме среди зелени белеет церковка с остроконечным шпилем-иглой, окруженная обителями монахов и строениями католической семинарии.

Отец Донатус принял меня с моим попутчиком генеральным консулом в Медане Ежовым в своем рабо-

*Пляж Тоба в Северной Суматре, район курортного городка
Прапата*

ном кабинете. Хозяин — бодрый еще старик с большими жилистыми руками фламандского крестьянина и бесцветными, словно выгоревшими от тропического солнца глазами. Облачен он в коричневую сутану из грубой ткани с остроконечным воротником, спускающимся почти до самого пояса. В кабинете скромная, но отнюдь не монастырская обстановка, несколько репродукций с рафаэлевских фресок Сикстинской капеллы и книги, множество книг. Здесь и тисненные фоллианты прошлых эпох, и современная научная периодика.

Ученый живо интересовался работами советских этнографов, рассказывал о своих трудах, показал несколько редких изданий. Ему были известны имена и ряды ученых нашей страны.

Разговор перешел к лесным даякам — излюбленной теме отца Донатуса.

— Меня особенно интересовали некоторые даякские обычаи и обряды, их анимистические верования, — говорил он. — Это было интересно с точки зрения науки, и моей практической миссионерской деятельности. Ведь я не смог бы обратить в лоно христово ни одного язычника, если бы не знал его характера, ми-

ровоззрения, привычек. Изучая жизнь даяков, я не удалось уловить некоторые, разумеется чисто внешние формальные аналогии между его обрядами и христианскими. И это давало мне возможность внушить моей будущей пастве, что новая вера не противоречит привычному укладу, образу жизни.

Отец Донатус был противоречивой фигурой. Ученый с мировым именем, подвижник науки и в то же время ревностный проповедник христовой веры, ослепляющийся в своей миссионерской деятельности не только на рвение, но и на солидную научную работу. Святой престол, разумеется, должен был дорожить таким ученым слугой, который брал на вооружение современную науку.

В июле 1969 года я совершил поездку в Западный Ириан во время проведения там референдума, который должен был окончательно решить судьбу этой территории. Если говорить точнее, индонезийские власти проводили под наблюдением специальной миссии (ЖО) не всеобщий референдум, а опрос выборщиков. Я вылетел в составе большой группы индонезийских и иностранных журналистов. Первым пунктом нашего маршрута был остров Биак у северного побережья Ириана.

Вечером я и двое моих коллег, индийский журналист Бхатт и австралиец Хэлтон, решили совершить прогулку по городку. Наше внимание привлек чистенький домик, увенчанный крестом. В раскрытом окне мелькнула женская фигура в белом чепце, монахини. Очевидно, здесь пристанище католиков. Не зайти ли к ним?

Монахини принимают нас учтиво и со сдержанным любопытством. Монахинь четверо — сестры Жозефина, Кларина, Агнита и Маричен. Трое из них — голландки, одна — бельгийка. Одинаковые монашеские одеяния, отрешенные и постные лица, манера держаться, говорить стерли всякую индивидуальность, превратили их в нечто обезличенное. Мы представились друг другу, обменялись рукопожатиями. Но через несколько минут я уже никак не мог уловить, кто же из них сестра Жозефина, кто сестра Кларина.

Они были немолоды, свободно говорили по-индонезийски, имели, видимо, немалый опыт миссионерской деятельности. Одна из сестер, прежде чем попасть на

Биак, семнадцать лет трудилась на острове Тидоре Молуккского архипелага.

Сестры были в меру откровенны и делились своими успехами не без гордости. Уважаемые гости находят их в католической миссии Биака. Здесь обитель сестер и домашняя капелла, где они ежедневно молятся. Рядом новая приходская церковь, построенная в духе последних архитектурных традиций, особняк падре, миссионерская школа. Такие миссии разбросаны по всему Западнему Ириану. Католики более успешно распространили свое влияние на юге острова, протестанты — на севере.

Обычная католическая миссия состоит из настоятеля-священника и нескольких монахов или монахинь, занимающихся врачеванием и учительствующим. Миссия в Биаке располагает начальной и небольшой учительской школой. Последняя готовит учителей для миссионерских школ и в других папуасских районах. Поскольку подобные школы призваны помогать распространению католицизма, большое место в школьной программе отводится изучению Библии. Монахини преподают домоводство, основы кройки и шитья.

Мой коллега Бхатт интересуется не столько делами миссионерскими, сколько политическими. Он пытается, что называется, взять быка за рога и просит монахинь прокомментировать проходящий сейчас в Западном Ириане опрос представителей населения и дать оценку обстановки в провинции. Сестры переглядываются и дружно ссылаются на свою некомпетентность. В один голос они советуют обратиться к самому падре. Он глава миссии, он лучше разбирается, что к чему. Он, наконец, очень гостеприимный человек.

Что ж, с падре побеседовать тоже интересно. Одна из сестер ведет с ним переговоры, и священник передает, что будет к нашим услугам через десять минут, как только закончит принимать ванну.

Падре, молодой голландец, принимает нас не в монашеской сутане, а в шортах, на вид ему лет двадцать восемь, не больше. Принять его можно скорее за строительного техника или спортивного тренера, но не за монаха. В холле-гостиной, куда нас приглашают, мебель модерн, холодильник, сервант с хрустальными рюмками, радиопередатчик, предназначенный, вероятно, для связи с епархией. К дому примыкает простор-

ный гараж. Падре не был ученым-монахом высокого интеллекта, подобно отцу Донатусу. Это был начинающий солдат воинства Христова, узкий практик. В холле стоял также книжный шкаф с комиксами и-pocket-буки в пестрых обложках, которые настоятель держал явно не для душевного чтения. Если бы не фотография папы Павла VI в рамке на стене, трудно было бы предположить, что мы попали в обитель священника.

Хозяин, вероятно, чувствовал себя неуютно перед лицом трех представителей прессы. Мои коллеги задают вопросы об обстановке в Западном Ириане. Падре настораживается. Как бы не сказать лишнего этим дотошным газетчикам и не получить нагоняя от епископа. Священник говорит уклончиво, медленно подбирает слова, может быть умышленно утрируя свое плохое знание английского языка. Ведем беседу на невообразимо дикой смеси английского, немецкого и индонезийского языков, которые падре знает одинаково плохо.

Все же основную мысль священнику удастся выразить. Он всего лишь священнослужитель, слуга церкви. Не его дело заниматься политикой и давать политические оценки. Пусть уважаемые господа журналисты поймут его правильно. Он не хотел бы в этой беседе выходить за рамки своей чисто церковной деятельности. В противном случае местные власти могут неверно истолковать его поведение. Что касается его миссионерской деятельности, он готов ответить на любые вопросы гостей.

И падре повторяет то, что мы уже слышали от монахинь. Только факты в его рассказе получают более определенное обобщение и оценку. Разве самоотверженные служители святого престола не несут темным, невежественным дикарям свет знаний, грамоту и исцеление от болезней? Разве не проявляют они мужество, проникая в недра болот и джунглей, рискуя свалиться от злокачественной болотной лихорадки, погибнуть от укуса змеи или быть растерзанными крокодилом?

Да, святой престол требует ревностной службы, личного усердия и мужества. Во имя бога и церкви, если это нужно, миссионер пойдет в джунгли и малярийные болота. Но все же падре сгустил краски.

Отцы-миссионеры имеют теперь на своем вооружении не углые пироги, а современную авиацию, не только молитвы, но и мощные радиопередатчики. Католическим и протестантским миссиям Западного Ириана принадлежат авиалинии, посадочные площадки и аэродромы.

Как ни уклонялся падре от политических оценок, в его словах звучало плохо скрываемое сожаление о добрых старых временах, когда хозяйничали голландцы. Ведь проходивший опрос представителей населения Западного Ириана лишал бывших колонизаторов всяких оснований для каких-либо юридических претензий на эту индонезийскую территорию.

Но каковы бы ни были тревоги христианских церковьников, их позиции в сегодняшней Индонезии не ослабевают, а в некоторых районах даже крепнут. Секрет этого кроется в поразительной гибкости священных отцов, умении приспособиться к новой сложной обстановке, спекулировать на горе народном. В Сурабасе у меня был разговор с видным деятелем мусульманской партии «Сарекат Ислам». Мой собеседник не был ортодоксальным фанатиком и трезво оценивал деятельность своей партии и роль мусульманства как политического течения. Разговор зашел о недавних религиозных распрях. Активность христианских церковьников вызывала естественное недовольство мусульманского духовенства, лидеров исламистских организаций, не желавших терять свое влияние. Фанатики и реакционеры пытались обострить противоречия на религиозной почве до крайностей. Кое-где им удавалось спровоцировать стычки и погромы. Ведь религиозные распри отвлекали массы от серьезной социальной борьбы. Пресса традиционно сваливала вину за подобные инциденты на коммунистическое подполье.

— Как вы объясните, бапак, события, о которых писали газеты? — спросил я. — В вашем городе злоумышленники бросили гранату в мечеть. На Сулавеси произошли погромы христианских церквей. Местные власти в Аче не разрешили католикам открыть храм. Бывший лидер дарульисламовцев Дауд Бере выступает единственными речами.

— Вы назвали лишь немногие примеры распрей на религиозной почве. К сожалению, их немало и у них есть исторические корни. Голландцы своей политикой

сеяли вражду и недоверие между мусульманами и христианами.

— Но ведь нельзя объяснить последние события только рецидивами старой вражды, порожденной колонизаторами, — возразил я.

— Разумеется, — согласился мой знакомый. — Лидеры Августовской революции понимали опасность религиозной розни и делали все, чтобы укрепить национальное единство. Вспомните панча сила, или принцип, программный документ индонезийской национально-освободительной революции. Один из принципов был сформулирован как вера в единого всемогущего бога. Заметьте, не Аллаха, а бога вообще. Собственно говоря, речь шла не столько о вере, сколько о единстве всех индонезийцев, независимо от того, какому богу они поклоняются — Аллаху, Будде или Иисусу Христу. Именно это единство и не устраивало колонизаторов.

Собеседник обратил мое внимание на растущее в последние годы влияние христианских церквей во всех уголках как в районе Сурабаи, так и в других районах страны. Во многих городах, городках и даже небольших селениях можно увидеть строящееся добротное сооружение из бетона и кирпича, увенчанное шпилем с крестом. Путешествуя по дорогам Явы, я сам видел это. Частенько попадались на моем пути и святые отцы разных западных национальностей: католические монахи в сутанах и протестантские пасторы в сюртуках с глухими нагрудниками, упитанные розовощекие молодцы с выправкой сержантов колониальной армии и аскетические старцы, добродушные провинциальные бюргеры и просто ничем не примечательные безликие люди. Но все они, независимо от столь разнообразных и пестрых портретных данных, сливались в типичный для современной Индонезии образ. Характерные черты такого пастыря великолепно схватил мой собеседник из мусульманской партии.

— Представьте себе какого-нибудь отца Иоханеса человека обычно пожилого, опытного, умеющего приспособиться к обстановке. Поношенный залатанный сюртучок, старенький велосипед, ласковое слово, умение пошутить с детишками — все это оказывает сильное воздействие на людей. И конечно, главная причина успеха отца Иоханеса — умение извлечь для себя выгоду

... из людского горя, из последних трагических событий.

— Вы имеете в виду события 30 сентября 1965 года?

— Да. Вам, вероятно, известно, что после сентября определенные силы раздували фанатизм среди некоторой части мусульман, чтобы этим оружием расправиться со своими противниками. Я лично никогда не одобрял крайнюю нетерпимость некоторых из своих единоверцев, но и не считаю мусульманский фанатизм главной причиной трагедии. Все было значительно сложнее.

— Но как бы там ни было, пострадали или погибли многие тысячи людей. Их семьи остались без всяких средств к существованию.

— Об этом я и хочу вам сказать. Во время террора отец Иоханес ни одним словом не обмолвился в защиту жертв. А теперь он готов, как принято говорить, махать кулаками после драки. Приходит к такому слушателю христову вдова с голодными детьми. Священник вкрадчиво скажет: церковь осуждает кровь, с твоими близкими поступили не по-христиански. Иди к нам, ибо мусульманство не принесет тебе утешения. Вдова, может быть, и послушается. Для саморекламы отец Иоханес кое-кому поможет и материально, за счет церковной кружки, разумеется, пристроит одиозных осиротевших подростков в католическую или протестантскую школу. Вот вам и репутация доброго защитника обездоленных.

— Можно ли считать переход некоторых мусульман в христианскую веру своего рода формой пассивного идеологического протеста против террора, проводившего нередко под знаменем мусульманского фанатизма?

— Вероятно, да. При этом нельзя не учитывать, что и сами христианские церковники всячески пытаются разочаровать людей в исламе, выскивают наши слабые места, используют негибкость, косность консервативных политических воззрений наших мусульман. Бывает и так: отец Иоханес заметит атеиста или просто трудягу, у которого не было времени задуматься о боге. Ты теперь столь же одиозная фигура, как и бывший солдат Унтунга, убивавший генералов, скажет ему священник. Иди к нам, в беде не оставим. Эта

поистине иезуитская деятельность дает плоды. В ряде районов Явы растет число христиан, христианских приходов. Появляются даже целые христианские поселения в местностях, известных издавна как оплот ислама.

Эта картина, которую нарисовал мой собеседник соответствовала действительности. В настоящее время в Индонезию устремилось немало христианских миссионеров — католических, лютеранских, англиканских и иных, из США, ФРГ, Голландии и других западных стран. Но не заботой об обездоленных и страдающих руководствуются отцы Иоханесы. Обострив религиозную рознь, вызвать распри между мусульманами и христианами вплоть до поножовщины и погромов, возбудить самый дикий фанатизм и тем самым подорвать национальное единство индонезийского народа — вот конечная цель деятельности, прикрытой елейными разговорами о любви к ближнему. А в мутной воде распрей и неурядиц можно будет поймать рыбку, сделать Индонезию послушным орудием неоколониализма и империализма.

Бизнесмен Сануси

Джакарту посетил известный американский экономист и государственный деятель, в недавнем прошлом специальный помощник президента США, профессор Уолт Уитмен Ростоу. Во время встречи с журналистами заокеанскому гостю был задан вопрос, каковы, по его мнению, пути и методы решения тех сложных социально-экономических проблем, которые стоят перед современной Индонезией.

Оговорюсь сразу, я не вел стенограммы беседы Ростоу с журналистами. Местная пресса не придавала большого значения этому событию и ограничилась кратким изложением его основных высказываний. Ведь немало зарубежных гостей всяких рангов, в числе которых был даже гитлеровский военный преступник Шахт, давали индонезийцам свои рецепты и рекомендации. Поэтому я могу передать ответ американского

профессора лишь примерно, не претендуя на стенографическую точность.

Ростоу выразил следующую мысль. Индонезия в решении всех своих проблем слишком полагается на иностранный капитал. Нельзя забывать, что инвесторы и кредиторы руководствуются своими интересами, далеко не тождественными интересам национальным. Отсюда закономерны и неизбежны коллизии. Рассчитывайте на иностранную помощь, на займы и инвестиции, но прежде всего полагайтесь на самих себя.

Нет ничего удивительного в том, что подобное высказывание журналисты слышали из уст одного из тех, кто правил Америкой. Умный и многоопытный профессор сказал, по сути дела, общеизвестную истину, аксиому. Опровергать ее, доказывать обратное было бы лицемерием. Многие знакомые индонезийцы, с которыми я беседовал, уловили в словах Ростоу и определенный подтекст. Пусть Индонезия не рассчитывает на беспредельную щедрость заокеанских партнеров. «Новый порядок» оказал неоценимую услугу международному империализму, разгромив левые силы страны, покончив с сукарновской политикой наступления на позиции иностранного капитала и широко раскрыв двери империалистическим монополиям. И за это он вознагражден кредитами и другими видами помощи. Не хватит ли, господа хорошие?

Но как же в таком случае Индонезия должна решать свои многочисленные проблемы? Ростоу высказал суждение, что для этого нужны по меньшей мере два условия. Во-первых, необходимо наличие полнокровных и влиятельных политических партий, которые пришли бы на смену существующим ныне десяти политическим партиям, не отвечающим нужным условиям. Грубо говоря, подразумевался некий восточный вариант политического дуэта республиканцев и демократов или консерваторов и лейбористов. Во-вторых, национальные дельцы должны проявить максимум энергии, предприимчивости, смелее вкладывать капиталы в развитие экономики, в создание новых предприятий.

Последнее соображение профессора вызвало возражения. Местные дельцы слабы, неопытны, неприимчивы, не располагают достаточными капиталами.

Пусть так, согласился Ростоу. Но вы забываете о местных китайцах. К сожалению, крупный китайский торговец, перекупщик, финансист предпочитает переводить свои прибыли всякими правдами и неправдами в банки Гонконга и Сингапура, а не вкладывать их в индонезийскую экономику. И в этом повинна национальная рознь между индонезийцами и китайцами, да и политика властей, приобретающая порой шовинистический душок. Поэтому-то китайский буржуа не уверен в своем завтрашнем дне и если считает Индонезию своей родиной, а себя представителем местного национального капитала, то лишь с определенными оговорками. Заставьте его почувствовать себя органически неотъемлемым компонентом национального бизнеса, признайте за ним эту роль и убедите его принять конструктивное участие в экономическом воспроизводстве.

Итак, деятельный и крепнущий национальный капитал, располагающий крупными и влиятельными политическими партиями. Партии эти представляют интересы национального капитала и определяют политический курс страны.

Высказывания Ростоу дали пищу для размышлений местным политическим деятелям и людям делового мира. Через некоторое время я беседовал с группой парламентариев из Национальной партии и мусульманской партии «Нахдатул Улама». Один из националистов довольно метко сказал:

— Американский профессор предлагает нам, по существу, классический капитализм западного образца. Растет промышленная буржуазия, крепнет политически, появляются новые предприятия. Мы встаем на ноги как полнокровная капиталистическая нация.

— А разве это плохо? Может быть, это именно то, что нам сейчас нужно,— добавил другой.

— Я не говорю, хорошо это или плохо. Но в жизни все оказывается далеко не так просто, как в рецептах г-на Ростоу,— возразил первый.— Нужно отчетливо представлять характер нашего предпринимателя. Если у него появляются деньги, он предпочитает построить новый особняк, купить еще один «шевроле» или «мерседес» последней марки, хотя в этом нет никакой нужды.

— Мой коллега забыл сказать, что можно еще набивать комнаты старинными фарфоровыми вазами

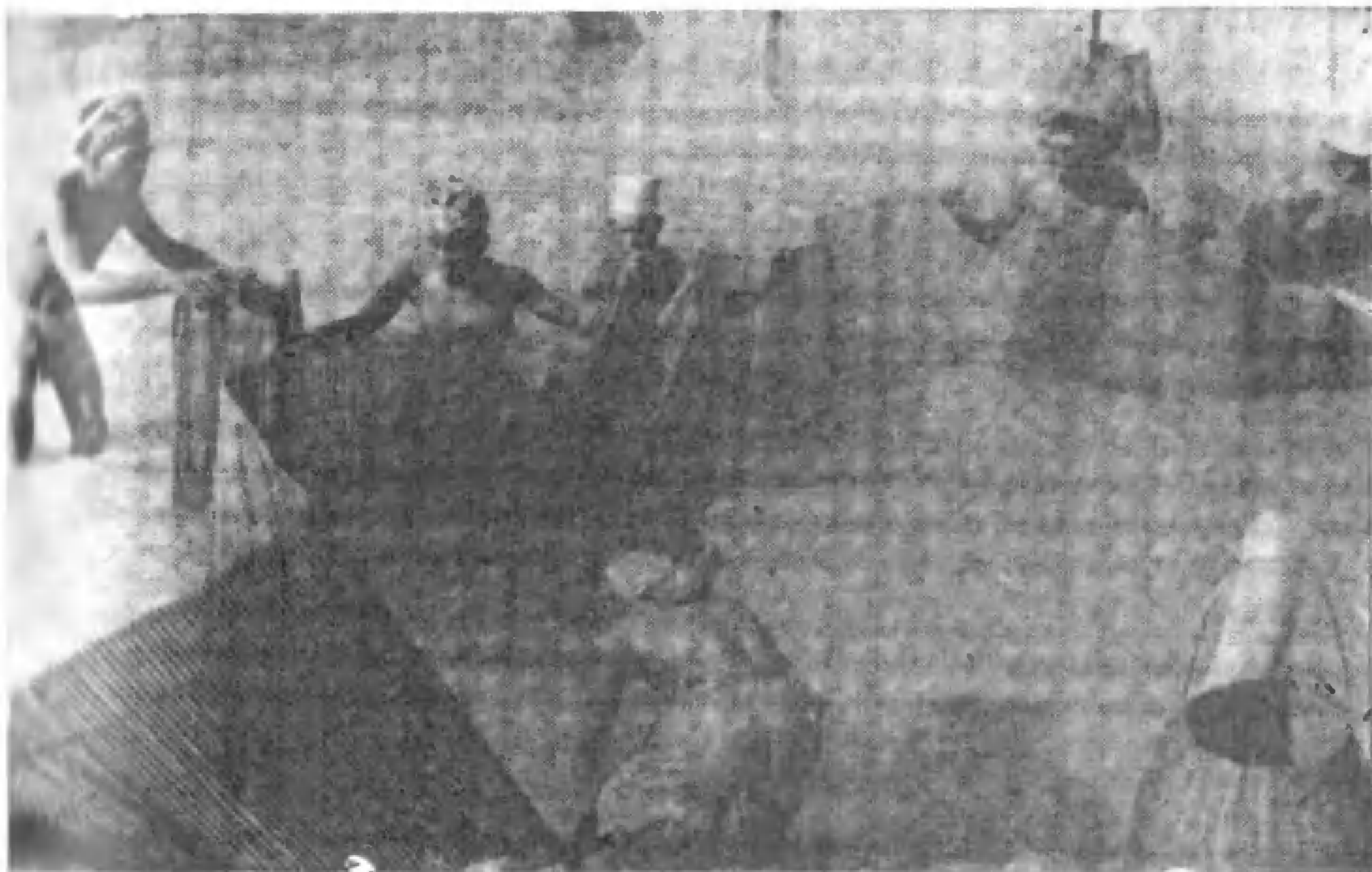
он совершить паломничество в Мекку, чтобы стать хаджи.

— Можно и это, согласен. Но вряд ли он рискнет построить фабрику. Фабрика — это риск непосильной борьбы с конкурентами, риск краха. А дом, лимузин, старинный фарфор — это капитал. Его можно обратить в денежные знаки, передать наследникам, приберечь на черный день.

— Сан хаджи — капитал моральный...

— Особенно для вас, нахдатуловцев. Китайцы — гибкая статья. Слишком велика взаимная национальная предубежденность между ними и индонезийцами. Но так-то легко заставить китайского бизнесмена включиться в экономическое созидание.

Парламентарии были правы. Слабость, отсутствие инициативы и предприимчивости у индонезийской национальной буржуазии, не являясь, разумеется, ее врожденными чертами, свойственны ей в силу определенных причин. Ее верхушка представлена преимущественно буржуазией компрадорско-бюрократической. Все эти владельцы и совладельцы торговых фирм, банковских контор, перекупщики связаны, с одной стороны, с правительственным аппаратом, с другой — с иностранным монополистическим капиталом. Промышленная буржуазия слаба и малочисленна. Мас-

Рыбаки Восточной Суматры

штабы ее деятельности — какая-нибудь мебельная, батиковая или табачная фабричка, пивоваренный заводик, рисовая мельница с несколькими десятками рабочих и дедовской техникой. Да и подобное карликовое, полукустарного типа предприятие редко принадлежит одному владельцу. Реже хозяин или компания владеют сахарным заводом или консервной фабрикой с одной-двумя сотнями рабочих. Таких предпринимателей, как батак Пардеде, владелец довольно крупной по индонезийским масштабам текстильной фабрики в Северной Суматре, можно пересчитать буквально по пальцам.

Об одном из типичных представителей индонезийской буржуазии, моем давнишнем знакомом, попытаюсь рассказать. Назовем его господином Сануси. В свое время я познакомился с ним как с известным государственным и политическим деятелем, возглавлявшим отдел одного из министерств и секцию центрального руководства одной политической партии. Но в дальнейшем мой знакомый оставил правительственную службу и пост в партии, чтобы заняться коммерческими делами.

Время от времени я получал от бапака Сануси любезное приглашение на свадьбу его сына или дочери. А так как сыновей и дочерей, достигших соответствующего возраста, было у него немало, то и свадебные приглашения приходили ко мне нередко.

Богатая индонезийская свадьба скорее похожа на большой чинный дипломатический прием. И проходит она не за столами, которые ломаются от яств и напитков. Родители молодых снимают просторное помещение, например женский клуб на улице Дипо Негоро или банкетный зал отеля. Устраивается иллюминация из разноцветных лампочек. С утра рассыльные приносят сюда корзины с цветами и подарки, а вечером начинается торжество. Знатные семьи не должны ударить лицом в грязь. Они приглашают огромное число гостей, не только родных и друзей, но и просто знакомых, если к тому же это известные в стране государственные деятели, партийные лидеры, дельцы, дипломаты. Ведь гости — это показатель политического веса, влияния, респектабельности хозяев.

Жених и невеста, облаченные в традиционные саронги, стоят в окружении ближайших родственников

на почетном месте. Гости цепочкой проходят мимо молодых, поздравляют их, желают им счастья, а затем сливаются с толпой, заполняющей зал. Снуют официанты с подносами, разнося напитки и закуску. Звучит традиционная музыка гамелана. Постепенно толпа оживляется и обстановка становится менее официальной. Гамелан уступает место лохматым стилиженным парням с электрогитарами. Распорядители вечера приглашают выйти в круг первого попавшегося из гостей. Отказываться не принято. Гость должен исполнить напролом популярную песню, танец или что-нибудь еще.

На свадебных вечерах у бапака Сануси я встречал многих видных правительственных чиновников, членов парламента, редакторов газет, партийных деятелей, предпринимателей. Это был тот круг людей, к которому принадлежал мой знакомый.

Затрудняюсь перечислить все сферы деятельности г-на Сануси. Знаю, что он был совладельцем типографии, торговой фирмы и частного учебного заведения, занимался перепродажей домов и земельных участков, получал комиссионные за то, что, используя свои старые связи в правительственном аппарате, содействовал заключению каких-то контрактов. На имя его супруги был зарегистрирован магазин.

Г-н Сануси часто менял свой адрес. Это было его страстью. Поэтому его сын-юрист подтрунивал над стариком.

— Если когда-нибудь попросят меня написать биографию отца, я начну примерно так. Главным содержанием жизни бапака Сануси были переезды из дома в дом. В перерывах между этими переездами он занимался бизнесом.

Переезды тоже бизнес, и какой,— мог бы ответить бапак Сануси. Обычно он покупал у разорившегося хозяина старый, запущенный дом и сразу же начинал капитальную реконструкцию, надстраивал второй этаж, возводил пристройки, облицовывал фасад плитками шероховатого камня. Теперь можно было искать покупателя, предпочтительно иностранного коммерсанта или дипломата, и получить изрядный барыш. Потом повторялась аналогичная операция.

Г-н Сануси, как и большинство индонезийцев, был гостеприимным и приветливым. После традиционной

чашки кофе он показывал мне предметы старинного искусства: фарфор, бронзу, каменную и деревянную скульптуру. Собиралась вся эта коллекция довольно бессистемно. Наряду с подлинной средневековой статуэткой можно было встретить аляповатые современные изделия. Постепенно дом становился похож на антикварную лавку.

— Если бы я жил в другой стране, я, может быть, и не тратился бы на эти безделушки, а держал свободные деньги в банке и получал проценты, — скажи как-то г-н Сануси. — У нас же это рискованно. В последние годы свирепствовала инфляция, рупия обесценивалась, вклады лопались. Теперь расчетливый бизнесмен положит рупии в банк лишь в случае крайней необходимости. Скорее он пустит их в дело, обратив в собственность.

— Вы богатый человек, г-н Сануси, и, кажется, энергичный. Почему бы вам не построить фабрику? — спросил я.

Делец озадаченно посмотрел на меня, не решаясь сразу ответить.

— Да, почему бы вам не построить фабрику ради прибыли? — Ваша страна не имеет развитой обрабатывающей промышленности. Вы покупаете сингапурскую посуду, австралийскую бумагу, японский текстиль. Почему бы не наладить производство тех же самых стаканов или блокнотов в самой Индонезии? Разве не было бы такое производство прибыльным?

— Теоретически вы правы. Но слишком велик риск. А мы, предприниматели, боимся рисковать. У нас мало капитала, недостаточно технического опыта. Но не это главное. В конце концов я мог бы подобрать двух-трех компаньонов со средствами. Но мы постоянно ощущаем иностранных конкурентов. Зарубежные фирмы забивают Индонезию своими товарами. Конечно, и между японскими и американскими, английскими и западногерманскими компаниями существует жестокое соперничество. Но они неизменно будут действовать сплоченно в тех случаях, когда встретят хоть малейшее препятствие на пути проникновения на индонезийский рынок.

— Разве правительство не в состоянии оградить ваши интересы разумными протекционистскими мера-

ми! Например, повышенными импортными пошлинами на те товары, которые могут производиться на национальных предприятиях.

Мы выступаем с требованиями подобных мер, которые поощряли бы развитие национальной промышленности. Могу привести вам в качестве примера выступления члена парламента от партии «Нахдатул Мудима» Халика Али. Он, кстати, выразил недавно нашу общую тревогу, что открытие в Джакарте отделений иностранных банков создаст серьезные затруднения для национальных банков, и потребовал ограничить их деятельность строгими рамками.

— Стало быть, все признают необходимость протекционистских мер. В чем же дело?

— Правительство кое-что делает в поддержку национального капитала. Но вообще оно не хочет ссориться с иностранными фирмами и раздражать их ограничениями в надежде на широкий приток иностранных инвестиций.

— В чем основной риск, о котором вы только что говорили?

— В трудностях сбыта. Допустим, удалось собрать необходимые средства и построить фабрику, найти сырье, наладить выпуск продукции. Но сможем ли мы соревноваться с японцами, американцами в качестве наделий? К тому же наши импортные фирмы, связанные с иностранным капиталом, имеют много возможностей воздействовать на купцов, чтобы заставить их торговать теми, а не другими товарами.

Г-н Сануси умолк и протянул мне пачку каких-то быстрых картинок на глянцево́й бумаге.

— Что это? — спросил я.

— Каталоги американских, японских, шведских фирм. Я выступаю их агентом по продаже электрокондиционеров, холодильников, радиоаппаратуры. Продукция не для широкой публики. Но индонезийский рынок велик. Кое-кто покупает и это. Фирмы платят мне комиссионные — определенный процент с выручки. Здесь уж нет никакого риска. Многие люди делового мира рассуждают так: зачем же дразнить тигра, если можно поладить с ним!

Я услышал рассуждения типичного буржуа-компрадора со всей присущей ему психологией. Зачем дразнить тигра, если можно довольствоваться кро-

хами от его добычи? Это и спокойнее и надежнее, чем рисковать самостоятельно. Так рассуждают люди, и добные г-ну Сануси. Они выступают в роли посредников между иностранным монополистическим капиталом и внутренним рынком и наживаются на обслуживании монополистов. С одной стороны, это психология дельца, удовлетворенного ролью подсобного звена в системе империалистических монополий, вновь окутавших страну цепкой паутиной, а с другой — слабость местной буржуазии вследствие объективных сложностей развития национальной индустрии. Ставка на иностранный капитал неизбежно воздвигает перед правительством серьезные препятствия в осуществлении планов развития промышленности. Сочетать интересы иностранных монополистических объединений и местных предпринимателей, связанных со сферой производства, — задача не из легких.

Эта слабость местного капитала имеет и еще одну оборотную сторону — раздробленность политических сил. В современной Индонезии десять легально существующих политических партий — преимущественно правого направления. А в 50-е годы их было значительно больше. Уловить порой принципиальную разницу в политической программе, социальной природе тех или иных партий было нелегко. Однажды я узнал, что кроме крупной и влиятельной Коммунистической партии и откровенно правой Социалистической партии Сутана Шарира в ту пору существовала мало кому известная Рабочая партия. А если говорить точнее, существовали даже две рабочие партии. Одну из них возглавлял некий д-р Абидин.

— Поясните мне, пожалуйста, чьи интересы она выражает, — обратился я с вопросом к одному из компетентных собеседников.

— Как чьи? Самого д-ра Абидина, — последовал ответ.

Подобные мелкие политические партии сравнительно безболезненно исчезали, появлялись вновь, пока Сукарно не издал специального указа. Он предусматривал определенные условия, дающие политическим партиям право на существование. Партии, не носившие достаточно представительного характера, распускались.

С бапаком Сануси, старым партийным деятелем,

мы не раз заводили разговор и на эту тему. Я расспрашивал его, стараясь постичь причины этой характерной для Индонезии раздробленности политических сил.

— В чем наша главная беда? — говорил мне Санун. — Мы, люди делового мира, слишком слабы и неплочены для того, чтобы создать одну достаточно влиятельную и монолитную партию, определяющую политическую атмосферу страны. Скажем, подобную Индийскому национальному конгрессу, партии Неру и Ганди.

— В Индии тоже немало буржуазных партий.

— Да, но влияние всех остальных не идет ни в какое сравнение с влиянием Конгресса. Вот уже много лет конгрессисты держат бразды правления в своих руках. Наша раздробленность дает зеленорубашечникам возможность укреплять свое влияние в государстве, не считаясь с партиями. И партии не в состоянии дружно и упорно отстаивать свое место в обществе. На первое место у них выступают интересы не наши общие, а религиозные, региональные, групповые, узкокоммерческие.

— В последнее время приходится слышать высказывания в пользу объединения некоторых близких по духу партий.

— Такие разговоры ведутся среди мусульман, особенно мусульманской молодежи. «Чем вызвано существование не одной, а целых четырех исламистских партий? — вопрошают они. — Не искусственно ли такое разъединение? Не следует ли добиться объединения на основе общей конструктивной программы исламистско-националистического характера?»

— Вы считаете такое объединение реальным?

— Оно маловероятно. Во всяком случае, в наши дни. И дело даже не в том, что каждая из партий подходит со своей тактикой, со своей интерпретацией задач исламистского движения. Главное препятствие — в проблеме лидерства.

— Я говорил с некоторыми мусульманскими партийными лидерами старшего поколения. Они тоже относятся скептически к идее объединения.

— Вот видите. А почему? Нахдатуловцы, к примеру говоря, считают, что лидерство в такой объединенной партии должно принадлежать им по праву самой

крупной мусульманской организации. «Сарекат Ислам» также претендует на руководящую роль. Аргумент — это старейшая политическая организация страны, сама история национального движения. Где уж тут до общей конструктивной программы? Нужно оправдывать претензии на лидерство и доказывать, что твоя программа единственно правильная.

— Нередко приходится слышать мнение, что та или иная политическая партия Индонезии — это прежде всего группировка людей, связанных между собой личными узами. Я говорю о партийных лидерах. Они берут на вооружение определенную программу, марксизм, Коран или Библию, чтобы увлечь за собой какую-то часть народных масс.

— Не отрицаю, что соперничество между партиями подобно конкуренции в деловом мире. Одна группа деловых людей хочет потеснить другую. Порой ничем иным и не объясните разницу между партиями. В самом деле, в чем разница между католиками и христианами*, если отбросить их религиозную принадлежность?

Старый политический деятель, далекий от демократических убеждений, говорил со мной откровенно.

В Индонезии много политических партий, даже слишком много для одной страны. Партии буржуазные, мелкобуржуазные, буржуазно-помещичьи. Партии более правые и менее правые. В некоторых случаях можно уловить их оттенки. Иногда они сливаются в нечто однообразное, расплывчатое, трудноуловимое. Всякая попытка разложить их строго по полочкам, определить стоящие за ними социальные силы даст картину лишь весьма приблизительную. Национальная партия, более демократическая по своему составу, чем другие партии, сложилась еще в довоенные годы как партия радикальной мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, ведущей за собой и определенные слои городской и сельской бедноты. В свое время она внесла серьезный вклад в развитие национального освободительного движения, наряду с компартией подвергаясь суровым репрессиям со стороны колонизаторов. Впоследствии ее руководители превратились и

* Речь идет о Католической и Христианской партиях Индонезии.

крупных по индонезийским масштабам дельцов-политиков, которые в настоящее время не выступают в роли принципиальной оппозиционной силы. Но все же традиции и социальный состав партии заставляли ее лидеров до недавнего времени более гибко подходить к социальным проблемам, чем это делают другие партии. Рядовые партийные массы в значительной мере проникнуты демократическими настроениями и выражают недовольство реакционным характером режима.

Другая крупнейшая партия, мусульманская по своей программе, — «Нахдатул Улама» представляет интересы более правых слоев общества: городской и сельской буржуазии, компрадоров, бюрократии, мусульманских священнослужителей, но привлекает и массы неимущих людей, исповедующих ислам. И внутри этой партии можно наблюдать глубокое расслоение. Социальная природа и интересы ее верхушки делают партию более консервативной, противницей всяких радикальных социальных преобразований. В этом одно из принципиальных различий между националистами и нахдатуловцами. Но объяснить в двух словах разницу между самими мусульманскими партиями уже труднее. Здесь немаловажную роль играют факторы не только объективные, но и субъективные, порожденные в первую очередь соперничеством между различными компрадорско-бюрократическими группировками и отдельными лидерами. Можно уловить определенные различия в подходе к проблеме сближения с Западом, сотрудничества с иностранным монополистическим капиталом. Наиболее прозападную позицию занимают бывшие машумисты, сгруппировавшиеся в настоящее время в рядах новой Мусульманской партии.

Не будет преувеличением сказать, что в современной Индонезии нет отчетливо выраженного деления политических сил на партии с их ясно осознанными классовыми интересами, а отсюда и с конкретными четкими программами. Речь идет не о коммунистах, находящихся сейчас в глубоком подполье. Слабость индонезийской буржуазии, ее зависимость от иностранных монополий, страх перед демократическими силами и возможными перспективами широкой демократизации, влияние буржуазно-компрадорской пси-

хологии — все это препятствовало осознанию и отстаиванию буржуазией ее национальных интересов, ее консолидации в монолитное политическое течение. Ее политическая деятельность нередко сводится лишь к мелкому политиканству, грызне с соперниками. Военные, сделавшись после 30 сентября руководящей политической силой в стране, не встретили серьезных соперников в лице политических партий. По существу верхушка индонезийской буржуазии пошла на сделку с внутренней и внешней реакцией, предав национальные демократические силы.

Лим, Си, Чэн и другие

Мы ехали в Центральную Яву по южной дороге через Бандунг и Приангерское нагорье. В одном из больших городке решили сделать привал, чтобы подкрепиться, и выбрали харчевню у перекрестка двух улиц.

В ней было пусто. За буфетной стойкой дремал маленький сухопарый старик китаец. Другой, поодальнее, сидел в ротановом кресле у входа и читал газету. Как только мы вошли внутрь полутемного помещения, украшенного лубочными рисунками с иероглифическими столбцами мудрых изречений, оба китайца засуетились. Не успели мы сесть за столик, как нас окружила целая орава парней и девушек. Их было человек шесть-семь. Они принялись нас обслуживать, толпясь вокруг и мешая друг другу. Начались любопытные расспросы, кто мы, откуда.

— Мы учились в Бандунге, а теперь вот помогаем родителям, — сказал один из парней.

— Нашу школу закрыли, — уточнил другой. — Все китайские школы теперь закрыты. Обучение на китайском языке запрещено.

— Разве вы не могли продолжать учебу в индонезийской школе? — спросил я.

— Мы не настолько хорошо владеем индонезийским... — сказала одна из девушек. — Все мы недоучки. Одному Фану удалось закончить среднюю школу еще до событий.

— Я мечтал поступить в университет,— сказал Фан, самый старший.— У нас был свой китайский университет «Баперки» в Джакарте. Но вскоре после событий 30 сентября его разгромила толпа. Если бы мой отец был состоятельным человеком, я мог бы учиться в Сингапуре или Гонконге. Но этот, с позволения сказать, ресторан едва кормит нашу семью.

Владельцами убогой харчевни были два брата, кухопарый и тот, что посолиднее, а все эти парни и девчата были их детьми. Посетители редко заглядывали сюда, и со всеми делами мог бы успешно справиться один проворный слуга. Молодые люди, как видно, изнывали от безделья и скуки, и наше появление стало для них событием. Это были приветливые и любознательные ребята, лишенные какой бы то ни было враждебной предубежденности против нашей страны. Они с интересом расспрашивали нас о Москве, Московском университете, наших спортсменах и с неподдельной горечью говорили о скучном и бесцельном прозябании в отцовской харчевне.

— На государственную службу не устроиться,— грустно сказал Фан.— Найти сейчас работу — тяжелая проблема. Нужны связи. К тому же мы китайцы.

Прощаясь с ребятами, я подарил им номер журнала «Советский Союз» на китайском языке, заваленный в нашей машине. Его оставил кто-то из моих посольских товарищей, владевший китайским и выпивавший это издание для языковой практики.

Трудно передать ту радость, с которой все семейство, даже отцы, набросилось на журнал.

— Ваш подарок очень ценен,— сказал Фан.— Ведь мы лишены возможности читать на родном языке. Все прежние китайские издания запрещены. В Джакарте находится одна официальная газета на китайском языке. Но тираж ее невелик, поэтому мы не можем ее выпустить.

Эта случайная встреча в маленьком западнояванском городке — лишь один из многих примеров и проявлений сложности китайской проблемы в Индонезии. На эту тему я заводил разговоры с видными государственными, военными и общественными деятелями. Многие из собеседников говорили примерно следующее.

Не секрет, что китайцев в нашей стране недолюбливают. И в этом повинны они сами, а не кто-нибудь другой. Для простого индонезийца китаец — это часто непосредственный и наиболее ощутимый угнетатель. Для крестьянина, городского пролетария вся социальная несправедливость отождествляется в первую очередь с местным лавочником, ростовщиком, перекупщиком продуктов урожая, подрядчиком. А это чаще всего китаец. Для индонезийского предпринимателя китаец — опасный соперник, занявший господствующие позиции в местной экономике. Какова доля китайцев в национальном капитале? Может быть, 70%, а может быть, и более. Разве коммерсант-индонезиец не хотел бы потеснить более сильного соперника и даже занять его место? И наконец, события 30 сентября показали неблагоприятную роль китайской общины. Многие ее представители действовали на руку Пекину.

— Мы имеем моральное право обойтись с китайцами сурово, — сказал мне правительственный чиновник в ранге армейского полковника, фигура, характерная для «нового порядка». — Я имею в виду запрещение китайских газет и общественных организаций вроде «Баперки» или «Синь Мин Хуэй», закрытие школ. Мы с пониманием относились к настроениям тех, кто, выражая свой справедливый гнев, допускал некоторые досадные издержки и переборы.

— Очевидно, вы, полковник, называете досадными издержками и переборами погромы, грабежи, нападения на китайскую часть населения?

— Я не одобряю стихию толпы. В антикитайских волнениях участвует преимущественно наша темпераментная и несдержанная молодежь. Чувства ее можно понять. А что касается издержек, то без них не обходится ни одно здоровое обновление режима. Без них не утвердился бы и наш «новый порядок».

Полковник говорил с армейской прямоотой и открытостью.

Люди, мыслящие трезво и не отягощенные грузом шовинистической предубежденности, высказывались несколько иначе.

Да, индонезийский бедняк повседневно сталкивается с лавочником, скупщиком, ростовщиком, подрядчиком, испытывает его гнет и ненавидит его. Но дело вовсе не в том, что этот лавочник или ростовщик, скуп-

инк или подрядчик — китаец. Что изменится от того, если его место займет яванец, сунданезец или суматранский батак?

В силу исторических традиций и, может быть, национальной предприимчивости и силовости верхушка местного китайского общества еще во времена голландского колониального господства заняла далеко не последнюю, хотя и далеко не первую ступень в общественной лестнице. Выше стояла целая иерархия более крупных и алчных хищников в лице монополистов и чиновников колониального аппарата. Ниже был угнетенный индонезийский народ. Богатые китайцы получали от колониальных властей разного рода привилегии и поблажки, дававшие им больше возможности укрепляться экономически, нежели индонезийцам. Так по воле колонизаторов они стали промежуточным звеном между белыми хозяевами и индонезийцами. Это и определило роль местного китайского капитала как в первую очередь компрадорского, обслуживавшего крупные монополистические фирмы голландцев и их западных партнеров.

К событиям 30 сентября прямое или косвенное отношение имела, вероятно, лишь ничтожно малая часть китайцев. Сравнительно невелик процент и тех представителей китайского национального меньшинства, которые считают себя убежденными последователями маоизма. Хотя несомненно, что пекинские маоисты рассчитывают на определенную часть местного китайского меньшинства как на свою пятую колонну.

Приведу здесь высказывание одного из таких непредубежденных индонезийцев.

— Валить вину за все беды и политические коллизии только на китайцев кое-кому выгодно. Пусть социальные противоречия обернутся национальными, а гнев народа против социальной несправедливости выльется в антикитайский шовинизм. Пусть погромы в китайских кварталах отвлекут горячие головы от более опасных для «нового порядка» выступлений.

Китайское меньшинство составляет в современной Индонезии сравнительно небольшой процент населения, вероятно менее трех. Значительнее китайская прослойка в крупных городах. Многие торговые и деловые районы Джакарты, Сурабаи, Бандунга, Медана напоминают по своему облику южнокитайские города.

Здесь скученно и поэтому довольно грязно. Воздух пропитан пряными запахами харчевен и гнилых фруктов. Лавки и торговые конторы тесно жмутся друг к другу. Над ними обычно располагаются жилища.

Еще в конце 50-х годов эти торговые ряды пестрели вывесками-иероглифами всех калибров, что еще более усиливало сходство с Китаем. Но потом последовало распоряжение властей, запрещающее употребление иероглифического письма в рекламных надписях и вывесках. Началось повсеместное искоренение иероглифики. Китайские названия магазинов, фирм, отелей, ресторанов, кинотеатров стали заменяться индонезийскими. Эту кампанию местные китайцы называли первым этапом индонезианизации.

Удельный вес китайской прослойки в экономической жизни страны несоизмеримо выше ее процента в общей массе населения. Среди ее представителей много состоятельных людей, крупных торговцев, предпринимателей, владельцев различных фирм и финансовых контор, ресторанов и кинотеатров, а также лиц свободных профессий: врачей, адвокатов, архитекторов, деятелей искусства. Еще большее число китайцев занимается мелким предпринимательством, держит лавочки, харчевни, мастерские, занимается мелкими подрядами, маклерством.

Характерными особенностями такого буржуа-китайца являются гибкость, изворотливость, умение приспособиться к любым, порой самым неблагоприятным условиям.

Я был частым посетителем большого книжного магазина, где работала продавщицей миловидная китайка лет девятнадцати, всегда скромно, но со вкусом одетая. Звали ее Люс. Она приветливо улыбалась мне как старому знакомому, подбирала интересующую меня литературу, показывала новинки. Если не было посетителей, она трудилась на складе, таскала тяжелые тюки с книгами не хуже заправского грузчика и, казалось, никогда не знала усталости. Я был немало удивлен, когда узнал, что отец этой девушки — один из богатейших в Джакарте предпринимателей, владелец рисовых мельниц. Назовем его г-ном Лимом. Впоследствии я познакомился с ним и его семьей.

— Почему дочь такого богатого человека — продавщица, а не студентка? — спросил я г-на Лима.

Один из китайских торговых районов Джакарты

— А зачем девчонке все эти университеты? — ответил китаец. — Ее дело — выйти замуж и рожать детей. Пусть лучше к труду привыкает, дело осваивает. Потом станет помогать мужу делать бизнес. Богатство мечтателям не дается. Не подумайте, что я противник всякого образования. Сына послал учиться в Амстердам.

Книжный магазин вместе с большой типографией принадлежал в те времена известной голландской фирме. Речь идет о конце 50-х годов. Всеми делами заправлял директор м-р Рубенс. Нередко между рабочими типографии и этим тезкой, но, кажется, не потомком великого фламандского художника назревал острый конфликт. Над зданием фирмы взвивался красный флаг — рабочие бастовали, требуя повышения заработной платы. Люс и другие продавщицы и конторские служащие, смазливенькие метиски и китаянки, были всегда на стороне м-ра Рубенса и в стачечной борьбе не участвовали.

— Опять бастуют, — говорила мне Люс и капризно кривила маленький, словно нарисованный на смуглом лице ротик. Дочка богатого предпринимателя никак не могла одобрить какие-то там забастовки. Ведь с таким же успехом рабочие могли забастовать и на мельницах ее отца.

Говорила со мной Люс по-английски. Если я пытался вести разговор по-индонезийски, она пересбивала меня.

— Я понимаю вас, мистер. Но для меня было бы легче объясняться по-английски или по-голландски.

— Разве вы, Люс, не изучали индонезийский в школе?

— Очень мало. Ведь я окончила голландскую протестантскую школу.

Вероятно, девушка кривила душой. Не раз я замечал, как с посетителями-индонезийцами она вполне прилично объяснялась на их родном языке. Но говорить с белым европейцем на том самом языке, на котором говорят рабочие ее отца, она, очевидно, считала признаком дурного тона.

Странным было это семейство г-на Лима, пятого или шестого потомка выходца из Кантона, отправившегося искать счастья в неведомую страну. Ни сам Лим, ни его жена, ни дети уже не владели китайским языком. Не стал для них родным и индонезийский. В семье говорили только по-голландски. Молодежь предпочитала английский. Это более современно и так одиозно, как язык прежних колонизаторов.

Позже я довольно близко познакомился с молодым китайцем, работавшим в местном отделении одного из учреждений ООН, родственником Лима, жившим в его доме. Через него я однажды получил от семьи Лима приглашение на званый обед.

В доме главным лицом была моложавая и энергичная супруга хозяина, туго затянутая в модное платье из китайского шелка со смелыми разрезами на бедрах. Она водила меня по комнатам, показывая обстановку зажиточного, но без кричащей роскоши дома. В одной из комнат я увидел домашний алтарь из лакированного резного дерева. Перед портретами предков курились ароматные свечи.

— Разве вы не протестанты? — спросил я. — Ваша дочь носит христианское имя. Насколько мне известно, она училась в протестантской школе.

— Мы современные люди, лишённые фанатичной предубежденности. Еще наши родители приняли протестантство. Это давало возможность легче находить общий язык с голландцами. Они допускали нас в свой круг. Дети могли пойти в хорошую голландскую школу.

— Выходит, м-с Лим, ваша семья молится двум богам.

— Почему? Дома, перед этим алтарем, мы воздаем должное памяти предков. Это скорее общепринятая китайская традиция, чем религия. Если же мы идем в воскресный день в церковь св. Иммануила, для нас это выход в общество. Мы встречаем друзей, обмениваемся новостями. Женщины остаются женщинами и стараются похвастать перед приятельницами новыми нарядами.

— Бог, стало быть, потом?

— Истинно верующий не афиширует своей набожности. Бог остается в сердце, — ловко вывернулась хозяйка.

Я убедился, что был не прав, подозревая семейство Лима в приверженности двум богам. Старый предприниматель и его домочадцы, не веря, очевидно, ни в бога, ни в черта, молились только одной денежной кубышке.

Среди моих знакомых китайцев колоритной фигурой выглядел строительный подрядчик Си. Этого грузного, неряшливо одетого человека можно назвать индонезийским вариантом гоголевского Плюшкина, но с одной лишь разницей. Си не был скопидомом и скрягой по призванию. Он скорее носил маску Плюшкина, приbedняясь, стараясь ничем не выделяться из окружающей его массы мелких лавочников. При своем немалом богатстве жил подрядчик в переулке, удаленном от центра, занимая секцию дома, разделенного на узенькие коридоры лавок, портновских мастерских и контор. Окна жилища Си были вечно закрыты плотными ставнями. Приходилось долго и настойчиво нажимать кнопку звонка, прежде чем приотворялась дверь и в щели показывалась половина физиономии хозяина. Не снимая дверной цепочки, Си из глубины своей полутемной берлоги подозрительно разглядывал гостя. Удостоверившись, что пришел не грабитель и не погромщик, он впускал гостя, потом задвигал за ним запоры и засовы.

Я знал, что Си был крупным домовладельцем и прибыльно сдавал дома в аренду. Один из его сыновей учился в Австралии, другой — в Голландии. Самый старший обосновался в Бразилии. Дочь еще во времена Сукарно окончила институт в Пекине и по совету

отца осталась там. Пусть кто-нибудь из детей живет в красном Китае.

Семья поддерживала деловые связи с Гонконгом и Тайванем. О дочери, живущей в Пекине, Си старался не говорить. После событий 30 сентября власти могли рассматривать этот факт как темное пятно в его биографии.

Однажды я прямо спросил моего знакомого:

— Кто вы такой, г-н Си? Сторонник Пекина или Тайбея?

Си приложил палец к губам и подозрительно огляделся по сторонам, хотя, кроме нас, в тесно заставленной дешевой мебелью комнате никого не было. Он всегда прикладывал палец к губам и озирался, когда наш разговор принимал, как ему казалось, политический характер.

— Я не пропекинец и не протайванец, — ответил он шепотом. — Я сам по себе, проуанг.

Подрядчик хотел сказать, что никаких других интересов, кроме денег, для него не существует. Слово «уанг» по-индонезийски означает деньги.

Г-н Си постоянно плакался, говорил об антикитайских волнениях, жаловался на правительственных чиновников, вымогающих взятки.

— Мой сын, тот, что живет со мной, поехал однажды по делам в Бандунг, — рассказывал он, грустно качая головой. — Это было вскоре после сентябрьских событий. В Бандунге шла волна погромов. На сына пала группа молодых людей в форме лашкара*. Им, видите ли, не понравилось лицо моего парня. Два месяца сын провалялся в католическом госпитале со сломанной рукой. Лечение обошлось нам в кругленькую сумму. Отцы-католики, как вы знаете, ничего даром не делают.

— Скажите откровенно, г-н Си, что вас привязывает к этой неласковой к вам стране? Вы говорите, что вас притесняют. Вы терпели оскорбления, даже погромы. Вашего сына покалечили молодчики из лашкара...

— Прибавьте еще, что мои внуки не могут учиться на родном языке. Я знаю, что вы хотите меня спросить.

* Л а ш к а р — военизированные отряды реакционной молодежи.

Почему старый дурак Си не бросит эту неудобную Индонезию и не начнет заниматься своим бизнесом в какой-нибудь другой стране, хотя бы в Австралии?

— А в самом деле почему? Разве вы ничего не нажили на черный день в банках Гонконга и Сингапура?

— Допустим, накопил. Но я был бы безрассудным человеком, если бы поступил по примеру моего приятеля Ко. Он был директором фирмы, торгующей конторским оборудованием. У него был полезный компаньон — индонезиец, сын видного мусульманского лидера. Поэтому власти относились к Ко с большим уважением, чем к другим китайским коммерсантам. Чего еще желать? Но мой приятель оказался излишне обидчивым и щепетильным. Настоящий делец не должен быть чересчур уж обидчивым и щепетильным. Бедняга Ко уехал в Сидней, вообразив, что и там он с тем же успехом станет торговать пишущими машинками. Но он забыл, что Австралия не Индонезия, и вскоре прогорел. Теперь он почти нищий.

— В чем причина банкротства вашего приятеля?

— Причина простая. Здесь мы, китайские дельцы, — влиятельная сила. Наши индонезийские конкуренты слабы, неопытны, разобщены. В Австралии же мы сами оказываемся такой слабой и разобщенной массой перед лицом крупных и богатых фирм. Им ничего не стоит стереть нас в порошок.

— Следовательно, здешние условия все-таки лучше?

— Здесь нас нередко оскорбляют, притесняют, вымогают с нас взятки. И все-таки Индонезия — золотое дно. Где еще сделаешь такой бизнес? Я покину эту страну только в том случае, если буду абсолютно уверен, что завтра меня растерзают погромщики или же придется пойти с протянутой рукой.

Си предельно откровенно выразил настроения местной китайской буржуазии. Конечно, проявления ангикитайского шовинизма — вещь неприятная. Но ради наживы можно и потерпеть.

После событий 30 сентября 1965 года волна погромов и террора затронула и китайские слои населения. Антикитайские погромы, сопровождавшиеся грабежами, а порой и резней, особенно свирепствовали в Северной Суматре, Восточной Яве и некоторых других

районах. Страдали, как правило, низы, мелкие лавочники, мастеровые, особенно в сельских районах. Женщины-китайцы устремились из деревень и поселков в крупные города. Богатые торговцы и предприниматели пострадали в единичных случаях. Им помогали крепкие стены и решетки особняков, связи с властями и influentialными военными и деньги.

Проводя политику разгрома левых организаций власти запретили и «Баперки». Эта мелкобуржуазная китайская организация, обычно сотрудничавшая с коммунистами, официально занималась социальной и просветительской деятельностью. Однако многие были склонны видеть в ней политическую партию левого толка, отражавшую интересы китайского национального меньшинства. Прекратили свое существование и другие организации местных китайцев, например общество врачей и адвокатов «Синь Мин Хуэй», общество китайских художников и др.

В последние годы власти всемерно поощряли иммиграцию из Индонезии лиц, имеющих гражданство Китайской Народной Республики. Юридически их стали рассматривать как иностранцев, ограничивали в правах, облагали дополнительными или повышенными налогами. Китаец, не имеющий местного гражданства не мог, например, свободно распоряжаться своей недвижимостью.

Эти меры преследовали двоякую цель — ослабить экономическую базу китайского национального меньшинства, а также подорвать возможную политическую базу маоистов, спекулировавших на националистических чувствах некоторой части местных китайцев.

Однако серьезных результатов все эти меры не дали. Добровольно или под давлением в Пекин выехала лишь ничтожно малая часть китайской общины. Начался обратный процесс — стремление китайцев, имеющих гражданство КНР, сменить его на индонезийское. В настоящее время лишь около 200 тысяч китайцев имеют паспорта Китайской Народной Республики. До событий 30 сентября их было в несколько раз больше. Многие стремятся всякими правдами и неправдами заполучить индонезийские документы, прибегая к взяткам или подделывая паспорт. Постоянно в печати встречаются сообщения о привлечении к ответственности

ли лиц, попавшихся с документами, в которых обнаружена подделка.

Какая часть местных китайцев придерживается пропекинской политической ориентации? — спросил я крупного правительственного чиновника, ведавшего делами китайского меньшинства.

— Трудно сказать, — услышал я. — Гражданство больше не является показателем политических взглядов. Человек с паспортом КНР не обязательно убежденный сторонник Мао. Скорее всего он «оранг проуанг» — человек, интересующийся прежде всего своим бизнесом. В период сближения Сукарно с Пекином гражданство КНР считалось признаком хорошего тона, теперь же — наоборот. Вот и приходится приспособливаться к новым условиям.

Вот два компаньона — китаец и индонезиец. Один из них — делец, другой — какой-нибудь армейский подполковник. Они строят дома и продают их, что называется, на корню иностранцам из фирм и посольств. У китайца есть капитал и строительная фирма, у индонезийского офицера — связи и влияние в нужных учреждениях. Если бы подобное предприятие организовал один китаец, правительственные чиновники, дающие разрешение на продажу, затеяли бы многомесечную волокиту. Дело не обошлось бы без крупных взяток. И еще вопрос, потерял бы он в этом случае меньше долларов или рупий, если бы не поделился прибылью с влиятельным компаньоном в военном мундире.

Господин Чэн, директор двух крупных импортных фирм, связанных с американскими и японскими монополиями, тоже умеет приспособливаться. Он не прячется, подобно старому Си, за крепкими засовами и ставнями. Его дом в центре аристократического Кебай-орана построен из бетона и стекла. На огромных окнах по всю стену нет решеток. К чему они? Решетки испортили бы весь вид. Моложавый энергичный Чэн знает себе цену.

Застаю хозяина в высоком холле с фонтанчиком и инкрустированными слоновой костью столиками. Он только что вернулся из поездки в Японию и Соединенные Штаты и теперь совещается за чашкой кофе с группой пожилых, хорошо одетых индонезийцев. Они явно принадлежат к той категории людей, к которым сле-

дует обращаться со словом «туан». Но это всего лишь помощники и служащие Чэна. Он умеет держаться с ними просто, демократично, но и не позволяет забыть о субординации и дисциплине.

— Господа, подождите меня на веранде,— с шапками извинения говорит хозяин служащим, увидев меня. Он не любит, чтобы в наших беседах участвовали подчиненные. Служащие встают словно по команде и выходят из холла.

— Не бойтесь? — спрашиваю я Чэна, указывая на огромные зеркальные стекла окон без решеток.

— Кого я должен бояться, по-вашему?

— Погромщиков хотя бы. Лавочники Глодка недавно вновь пострадали.

— Руки коротки. Не забывайте, что моя фирма — это не один Чэн, но еще и...

Он не договаривает, желая произвести большой эффект. С верхнего этажа доносятся детские голоса. Дети выкрикивают по складам какие-то китайские слова и фразы. Чэн прислушивается и самодовольно говорит:

— Вы слышите? Моя домашняя школа, из которой я не делаю секрета. Один ученый старичок обучает моих детей и племянников иероглифическому письму, китайской классической литературе, конфуцианской философии.

— Это сверх той программы, которую они проходят в индонезийской школе?

— Да.

— Выходит, дети богатого дельца мало потеряли от того, что власти распорядились закрыть китайские школы.

— Выходит, так. На чем я остановился?..

— Ваша фирма — это не только Чэн.

— Вот именно. Не только. У Чэна есть компаньон. Хозяин доверительно называет имя одного крупного правительственного чиновника с генеральскими погонами.

— Фирму «Чэн» могли бы и потрясти,— продолжает он.— Фирму «Чэн и генерал» никто не посмеет пальцем тронуть. Компаньон получает от меня солидный оклад и не мешает мне делать бизнес для нашей общей выгоды. Мы разумно поделили наши обязанности. Я занимаюсь коммерцией и гарантирую фирме

прибыль. Генерал отвечает за ее неприкосновенность и имеет дела с властями. Ему, как говорится, и карты в руки, поскольку он сам — власть.

— Теперь я вижу всю наивность моего вопроса. Действительно, кого вам бояться?

— В случае необходимости перед этими окнами появится рота солдат. Об этом позаботится компаньон. Кстати, ему не очень импонировало мое китайское имя. Для близких я остаюсь Чэном, а официально я теперь Мохтар Субарди.

— Приняли мусульманство?

— Нет, но последовал примеру моих соплеменников, меняющих традиционные китайские имена на индонезийские. Еще недавно вы могли видеть вывеску какого-нибудь доктора Тан Хонг-ли, а теперь он стал доктором Абдулой. Более удобная форма, не меняющая сущности.

Это стремление крупных дельцов-китайцев кооперироваться с индонезийцами, обычно представителями высшей бюрократии и военной верхушки, — довольно частое явление в деловом мире сегодняшней Индонезии. Г-н Чэн, он же Мохтар Субарди, — яркий пример такого кооперирования, основанного на принципе «Мои деньги — твое имя».

— Итак, г-н Чэн, вы носите индонезийское имя, у вас есть влиятельный компаньон — генерал. Чувствуете ли вы себя уверенно как представитель делового мира? — спросил я напоследок.

— Как вам сказать? В известных пределах — да. Юридически никто не подвергнет сомнению мою принадлежность к гражданам Индонезии. Я относительно уверен в своей безопасности, в прибыльности фирмы, у меня хорошие связи с властями. И все-таки я стремлюсь переводить прибыли в швейцарский или сингапурский банк, а не вкладывать в индонезийскую экономику. Я никогда не рискну построить на этой земле фабрику!

— Почему?

— Зачем рисковать? Кто знает, что произойдет в этой стране завтра. Назвавшись Мохтаром Субарди, я все же остаюсь китайцем. Такого, как я, слопают при первом удобном случае тот же генерал, мой компаньон, как только сам прочно встанет на ноги и почувствует вкус к чековой книжке.

Пусть у читателя не сложится превратного представления, что все китайцы в Индонезии или их подавляющее большинство — это такие, как Чэн, Си или Лим. Далеко не всем из них написано на роду стать богачами. Наряду с богатой прослойкой можно встретить китайцев-ремесленников, мастеровых, шоферов, лоточников. И их положение отличается от положения индонезийской бедноты разве лишь тем, что кроме нужды приходится испытывать на себе еще и влияние национальных предрассудков.

Нельзя отрицать, что определенная часть китайцев в Индонезии, как и в других странах Юго-Восточной Азии, служит опорой пекинских маоистов в их внешней политике. С одной стороны, это кустари-ремесленники, недовольные своей социальной неустроенностью и тем, что их национальному самолюбию порой наносятся чувствительные удары, которые легко поддаются всякого рода анархо-левацким и шовинистическим влияниям. С другой — это богатые дельцы, которые жажда наживы делает неразборчивыми в средствах. Если это в данный момент выгодно и сулит прибыль, можно иметь дело и с Пекином. Идеиные симпатии или антипатии роли здесь не играют.

После сентябрьских событий происходило длительное нагнетание напряженности в отношениях между Республикой Индонезией и КНР. В Пекине при поощрении местных властей проходили многолюдные демонстрации перед зданием индонезийского посольства. Аналогичные демонстрации были и в Джакарте. Дело доходило до разгрома посольских зданий. Каждая сторона объявляла персоной нон грата и высылала дипломатов другой стороны. В конце концов остатки персонала посольств покинули страну пребывания, хотя формально дипломатические отношения не были прерваны. Здание бывшего посольства Китайской Народной Республики в Джакарте, около базара Глодок, теперь пусто. Ворота ограды и стены несут следы недавних молодежных выступлений.

Итак, официальные отношения заморожены. Означает ли это прекращение всякого рода связей между Индонезией и КНР?

Пройдитесь по оживленным торговым районам индонезийской столицы, таким, как Глодок, Сенен, Пасар Бару, загляните в большие универсальные мага-

шны и маленькие лавчонки. В глаза бросится обилие товаров производства Китайской Народной Республики. Здесь и готовое платье, и галантерея, и посуда, и металлический инструмент, и игрушки, и многое другое. Все эти товары в официальных документах помечены как импорт из Гонконга или Сингапура. Ведь официальных торговых связей с КНР нет. Но гонконгские и сингапурские фирмы выступают в роли реэкспортеров, попросту говоря — маклеров-спекулянтов.

Почему же китайские товары смогли пробить себе дорогу на индонезийский рынок, успешно конкурируя с первоклассной продукцией Японии, США, западноевропейских стран? Ведь с этими странами Индонезия развивает сейчас тесные деловые связи, получает от них кредиты, предоставляя их монополистическим фирмам различные привилегии. Китайские импортеры не имеют подобных условий и не могут предложить продукцию более высокого качества.

Индонезийских торговцев, да и покупателей привлекает относительная дешевизна китайских товаров. Она определяется двумя факторами. Первый — низкие издержки производства, весьма низкий уровень заработной платы рабочего класса КНР, производящего все те товары, которые идут на индонезийский и другие внешние рынки. Второй — сравнительно невысокие транспортные расходы, поскольку Китай расположен к Индонезии ближе, чем Япония, США или Западная Европа. Перепродавая дешевые китайские товары, наживаются гонконгские и сингапурские торгово-посреднические фирмы, крупные индонезийские импортеры и розничные торговцы. Таким образом, наживается не одна ступень дельцов-хищников, а Пекин получает иностранную валюту.

В такого рода экономические связи с КНР через Гонконг и Сингапур втянута довольно многочисленная группа местных дельцов-китайцев, оптовых и розничных торговцев. Торговля дешевыми китайскими товарами приносит немалые прибыли. Во имя прибылей эти дельцы готовы иной раз оказать услугу пекинскому партнеру, например содействовать распространению маоистской пропаганды в обход суровых индонезийских законов. И вот на прилавке китайской лавочки рядом с календарем или модным журналом гонконг-

ского издания встретишь иногда и брошюры, издаваемые в Пекине.

— Рискуете? — спрашиваю у лавочника.

— Вы о чем? Ах, вот эти книжечки... Я их вообще не заказывал. Обнаружил в ящике вместе с партией товаров из Гонконга. Выбросить как-то жалко. Купит ктонибудь.

В щупальцах сфрута

Если сравнить сегодняшнюю индонезийскую столицу с той Джакартой, которую я увидел, прибыв в Индонезию в мае 1967 года, то можно заметить перемены. Город стал чище. Меньше увидишь теперь следов погромов и воинственных лозунгов, появившихся после сентябрьских событий 1965 года. Центральные магистрали заново заасфальтированы. Проведены большие работы по расширению улиц Гаджа Мада и Хаям Вурук, протянувшихся по берегам канала и связывающих центр города с северным районом Кота, где сосредоточены банки и торговые фирмы. Над наиболее оживленными проспектами перекинулись пешеходные эстакады, украшенные рекламами фирм. Вновь наступило оживление на некоторых заброшенных стройках — банков, министерств, отелей. Кое-где на пустырях и площадях разбиты скверы, огороженные металлическими решетками.

Вообще огораживание стало прямо какой-то страстью отцов города. Новые ограды опоясывают здания и скверы, ставятся вдоль каналов и улиц, чтобы отделить проезжую часть от тротуара. Если же решеток не хватает, ставят проволочные заграждения.

— В Джакарте стало слишком много колючей проволоки, — не раз слышал я от моих острых на язык коллег-журналистов.

— Приходится возводить заграждения, дабы бродячие собаки не ютились в скверах и на набережных и не портили вид столицы, — пояснил мне помощник губернатора Большой Джакарты. — Мы стараемся привлекать туристов. А эти бродяги своими шалашами и ломотьями отпугивают гостей.

Вечером над главными магистралями столицы

горяются гирлянды разноцветных лампочек. Въезд на площадь Мердека невольно залюбуешься красивым фонтаном, подсвеченным цветными прожекторами. На самой площади бурлит пестрая, шумная ярмарка с павильонами, балаганами, аттракционами, детской железной дорогой. В ярмарке принимают участие местные и иностранные фирмы. Какие бы тяжелые испытания ни выпали на долю Индонезии и ее народа, жизнь идет своим чередом.

Губернатора Большой Джакарты генерала Али Садикина считают энергичным администратором. Его аппарат, как все утверждают, проявил немало изобретательности и напористости, чтобы изыскать средства на нужды городского хозяйства. Не одна только джакартская ярмарка приносит доход городскому муниципалитету. При поощрении властей появляются ночные клубы и всякие увеселительные заведения с азартными играми, стриптизом и такси-гёрлс, т. е. платными девушками для танцев. Заезжим красоткам не возбранится демонстрировать свои образцово-показательные телеса. Проводятся конкурсные выборы «мисс Индонезии», демонстрации мод, на которых смазливые манекенщицы демонстрируют последних фасонов мини-юбочки и купальники. Открываются новые кинотеатры везде, где можно найти мало-мальски подходящее помещение, — в отеле, ведомственном общежитии, учреждении. Судя по броским рекламам, зрителя потчуют гнилой низкопробной кинопродукцией Америки, Японии, Гонконга, Западной Европы, патологическими ужастиками, псевдоисторической экзотикой, детективно-гангстерскими историями и сексом. Особенно сексом. Еще лет десять назад на экранах Индонезии преобладали голливудские ковбои, этакие сверхчеловеки, супермены, изощрявшиеся в стрельбе и массовом истреблении краснокожих. Но всему свой черед. И ковбойщина устарела. Нужно что-нибудь более острое. В последнее время превалирует секс, цинично-откровенный, патологически-извращенный.

Печать и общественность, особенно мусульманская, нередко критикуют городские власти за игнорирование национальных традиций, за то, что последние поощряют азартные игры, допускают безнравственные зрелища, копируя чуждые Индонезии западные нравы. Как утверждает критика, цензурный комитет стал

слишком терпимо относиться к сюжетам иностранных фильмов. Все это не может не оказать самого дурного влияния на народ, особенно на учащуюся молодежь, подражающую героям экрана. Нетрудно убедиться, что эти тревоги небеспочвенны. Перед рекламами кинотеатров, за столом с рулеткой, в ресторанах видны длинноволосых парней в узких брючках и похожих на парней девиц. Молодые лоботрясы в обнимку с подружками празднично шагают развинченной походкой по улицам, жуют жевательную резинку, сплевывая на тротуар.

Не касаясь моральной стороны, вызывающей беспокойство общественности, отметим, что усилия столичных властей дали известные практические результаты, позволили извлечь какие-то доходы. Но дело не только в рулетке и фривольных фильмах, ярмарке и ночных клубах, стриптизе и выборах «мисс Индонезии». Кое-что дал столичной администрации и иностранный капитал в виде займов и инвестиций.

За последние полтора-два года центр индонезийской столицы стал чище, оживленнее, и вместе с тем здесь выросло число иностранных фирм и банков. Деньги за помощь приходится расплачиваться концессиями и разного рода уступками в пользу иностранных благодетелей.

Совершим небольшую поездку по двум-трем главным улицам Джакарты. Нашим отправным пунктом будет высотное здание отеля «Индонезия». Отсюда направим наш путь на север по магистральной улице Тамрин мимо японского и австралийского посольств, затем по западной стороне площади Мердека, улице Маджапахит и закончим маршрут на шумном перекрестке улиц у изгиба канала. В наше поле зрения попадут отделения четырех крупнейших американских банков, одного японского и одного западногерманского, вывески авиакомпании ФРГ «Люфтганза» и нескольких отделений других международных авиалиний, здание филиала голландской электротехнической компании «Филлипс», кооперирующейся сейчас с национальной компанией «Рэлин», фирменный магазин компании «Зингер», той самой, которая наводняла своими швейными машинами еще рынок царской России, и т. д. и т. п.

— Приток иностранного капитала дает свои

плоды,— сказал мне помощник губернатора.— Рупия имеет тенденцию к стабилизации. Приводим в порядок столицу, ведем общественные работы. А это дает возможность привлечь рабочую силу и смягчить проблему безработицы. Разве вы сами не видите перемен в Джакарте?

Да, я видел перемены. Если говорить объективно, подновили, подкрасили фасад столицы. И только. Поэтому сама индонезийская печать не преувеличивает значения этих более чем скромных полумер. Стоит только свернуть с центральных улиц в лабиринт узких переулков, как начинаются все те же трущобы без подпровода, электричества. По берегам зловонных каналов лепятся друг к другу шалаши, в которых обитает беднота. И их как будто стало даже больше, чем было два года назад.

Проблеме безработицы в столице газета «Педоман» посвятила специальную редакционную статью. Она отмечала, что 35 процентов работоспособного населения Джакарты составляют безработные и полубезработные. Прирост населения в столице примерно в два раза больше, чем по всей стране, за счет непрерывного притока людей из провинции, устремляющегося сюда в поисках заработка. В 1969 году население города переналило за 4,5 миллиона. Осуществляемые городскими властями общественные работы пока что мало способствуют решению проблемы занятости населения.

В индонезийской столице как в фокусе отражаются все проблемы и противоречия государства. Приток иностранного капитала дает возможность в лучшем случае слегка подкрасить, подновить фасад, позади которого остается все тот же сложный комплекс нерешенных проблем.

Что несет иностранный капитал современной Индонезии?

Ответить на этот вопрос не так уж трудно, обратившись к фактам, приведя цифры, характеризующие общий объем иностранных инвестиций, их распределение по отраслям экономики. А ответ может быть один: иностранный капитал душил национальную экономику, препятствует индустриализации страны, преследуя лишь свои корыстные цели и желая сохранить Индонезию в роли аграрно-сырьевого придатка высокоразвитых империалистических держав.

В Джакарте можно встретить немало дельцов из всех ведущих стран капиталистического мира. Среди них и крупнейшие воротилы, управляющие фирмами — члены правлений корпораций и банков, эксперты и экономисты с дипломами профессоров и рядовые служащие, начинающие в Индонезии карьеру. Разгоряченные азартом наживы, шумливые, с модными портфелями-чемоданами в руках, они снуют по этажам и холлам отелей. Прислушиваясь к их разговору, чаще всего улавливаешь одно слово — бизнес.

С некоторыми из этих людей приходилось встречаться на дипломатических приемах, знакомиться, беседовать. Попадались дельцы, вовсе не расположенные вести беседы с советским корреспондентом или рвущиеся в словесную схватку, подобно задиристому петуху. Один молодой инженер-немец из ФРГ оказался приятным собеседником. Он с увлечением рассказывал о немецкой классической музыке, бадминтоне, длинношерстных таксах и излагал свои взгляды на внешность индонезийских девушек. Но как только я попросил г-на Вальтера поделиться своими соображениями о перспективах западногерманских инвестиций, он мигом скис и сказал вяло:

— Поймите меня правильно, герр Лео. В фирме я маленький человек. Я не уполномочен делать заявления для прессы.

— Помилуйте, Вальтер. Никаких заявлений, никаких интервью мне от вас не нужно. Разве я не могу, интересуясь ролью иностранного капитала в Индонезии, побеседовать с его компетентным представителем? Говорите мне не больше того, что может появиться в официальных публикациях.

— Побеседуйте лучше с моим шефом. Я достиг пока куда очень малого и не хотел бы рисковать из-за неосторожного слова.

А попадались и слишком откровенные, а если и не откровенные, то словоохотливые. Чаще всего это были американцы. Говоря о проникновении империалистических монополий в Индонезию, они красноречиво пытались убеждать меня, что это неопределимое благо для страны, единственный выход из всех ее бед.

— Крах Сукарно наглядно показал неспособность индонезийской нации самостоятельно решать серьезные экономические задачи.

— Новые лидеры убедились, что без помощи Запада не обойтись.

— Мы пришли индонезийцам на помощь и решились вкладывать сюда свои капиталы потому, что индонезийцы попросили нас об этом. Мы откликнулись на призыв, руководствуясь соображениями высокой гуманности.

— Поскольку мы хозяева инвестируемого капитала, наше право выбирать формы помощи, сферы для инвестирования.

— Говорят, что мы выбираем лишь те формы и сферы инвестирования, которые нам выгодны. А разве не наше право решать, что и кому выгодно? Индонезийцы не имеют ни делового, ни технического, ни организационного опыта. Они вообще не подготовлены к самостоятельному экономическому развитию, тем более к индустриализации. Аграрно-сырьевое развитие Индонезии во всех отношениях разумно с точки зрения интеграции в рамках свободного мира.

Эти и подобные им высказывания приходилось выслушивать неоднократно. Они свидетельствовали о многом, прежде всего об алчности монополистов, их жажде прибрать к рукам огромные богатства страны, не считаясь с ее национальными интересами и пытаясь найти этому оправдание.

Более обстоятельные и откровенные беседы на эту тему получались у нас с Морисом, голландцем моих лет. Когда-то он был сержантом голландской армии и во время гитлеровского вторжения в его страну попал в плен к нацистам, а впоследствии оказался в концлагере, где среди заключенных были и русские военнопленные.

Это немаловажное обстоятельство заставляло Мориса относиться к советским людям без предубеждения, даже с определенной симпатией. Со мной он был и меру откровенен, оставаясь при своих взглядах буржуазного интеллигента, высокооплачиваемого служащего крупной фирмы.

Морис не был ни воротилой, ни новичком-клерком, а занимал промежуточное положение в деловой иерархии. Этот голландец был педантичен и точен, как часы. Рабочий день в учреждениях Джакарты обычно заканчивается в два. Ровно в пятнадцать минут третьего, ни минутой раньше или позже, Морис появлялся в китай-

ском ресторанчике вблизи кинотеатра «Ментенг», заказывая бутылку пива, закусывал неизменным кусочком бисквита, минут десять болтал с хозяином-китайцем, ровно столько, сколько этого требовала протокольная вежливость, а затем ехал по своим делам. По воскресеньям он со своим семейством — рослой супругой и двумя сыновьями, долговыми белобрысыми подростками, — выезжал в горное курортное местечко Чибулан. Здесь, у прохладного бассейна, под тенистыми фикусами, мы и познакомились.

— Я из Роттердама. Работаю в английской фирме, — сказал Морис, представляясь.

— Почему в английской?

— А почему голландец не может работать у англичан? Они ценят наш опыт, деловые контакты, знание Индонезии. И потом английские и голландские деловые круги имеют традиционные связи.

— Да, я знаю, что есть даже крупные монополистические компании со смешанным англо-голландским капиталом.

— «Юнилевер», например, возобновляющая свою деятельность в Индонезии... Или «Шелл», владеющая нефтяными источниками во всех уголках земного шара. Глава этой фирмы Детердинг — британский лорд голландского происхождения. Что нам было делать? Голландия была слишком мала и слаба для того, чтобы удерживать Индонезию или утвердиться на мировом рынке без помощи более сильного партнера. Вот и приходилось кооперироваться с англичанами. У нас слишком мало сил и реальных возможностей, чтобы вернуть значительную часть прежних позиций в Индонезии. Поэтому наши компании, возвращаясь сюда, сотрудничают с американским, английским, западногерманским капиталом.

— Недаром же вас, голландцев, называют здесь эмиссарами мирового империалистического бизнеса.

Из дальнейшей беседы я узнал, что Морис работал в Индонезии еще в 50-е годы в какой-то голландской фирме, пока Сукарно не повел наступление на позиции иностранного капитала и не национализировал собственность голландских монополий.

— Что осталось от некогда обширной империи голландцев? Последние осколки в Америке, Суринам и Кюрасао, — с грустной усмешкой сказал он.

— Газеты пишут, что и эти колонии охвачены волнениями.

— Вы правы. Надо трезво смотреть на вещи и смириться с неумолимым ходом истории. Суринам и Кюрасао последуют примеру Индонезии. Пример слишком заразителен. Вопрос только времени, непродолжительного притом. В новых условиях благополучие высоко развитых наций, например нашей Голландии, должно основываться на новых принципах.

— На каких? Поясните, пожалуйста.

— Не на обладании колониями, разумеется. Это не отвечает духу времени. Потерю колоний мы компенсируем инвестированием капитала в другие страны, нашим активным участием в экономическом развитии слаборазвитых стран. Надеюсь, никаких Америк я вам не открываю. Вы, советский корреспондент, назовете это неокOLONИализмом. Уступает, мол, старый классический колониализм свое место новому, более гибкому и расчетливому.

— А разве не так? Подобные оценки вы найдете и на страницах правой индонезийской печати. Разве наше участие в экономическом развитии той же Индонезии — это прежде всего не выкачка ее природных богатств?

— «Новый порядок» признал несостоятельность сукарновского тезиса «Стоять на собственных ногах», иначе говоря обходиться без иностранной помощи. Терпеливые руководители были вынуждены обратиться к нам за помощью, призвать иностранных инвесторов к участию в развитии индонезийской экономики. Вот мы и откликнулись.

— Откликнулись, потому что вам это выгодно. Новые контракты — это нефть, олово, бокситы, никель, лес и многое другое.

— Не спорю, нам это выгодно. Кто же делает бизнес без выгоды? Вы, кажется, не одобряете такую форму экономического сотрудничества, как концессии. На вашем пропагандистском языке концессия — это синоним неокOLONИализма, грабежа. Так ведь?

— Корень зла вовсе не в концессиях, как таковых. Индонезия нуждается в иностранной помощи. И почему бы не привлечь иностранный капитал, если такое сотрудничество основано на равноправии, на взаимной выгоде, чуждо дискриминации. Это ни у кого не вызы-

вает сомнения. Наша Советская страна на заре своего существования, столкнувшись с тяжелой разрухой, после двух войн, пыталась обращаться за помощью к высокоразвитым капиталистическим державам. Ленин даже допускал временное существование иностранных концессий в целях привлечения капитала. Но отдельные примеры такого опыта у нас есть. Но в большинстве случаев мы не могли договориться с партнерами. Они не желали помогать нам бескорыстно, не навязывая нам своих условий, не вмешиваясь в наши внутренние дела.

— Это другой случай. Тогда играла роль предубежденность Запада в вашей революции, системе.

— Если говорить точнее, откровенные классовые противоречия. Это главный, но далеко не единственный фактор. Если бы наша страна оставалась прежней царской Россией и ее система не вызывала бы раздражения в вашем мире, то и в этом случае мы не могли бы рассчитывать на искреннюю, бескорыстную помощь. Незачем помогать слаборазвитой стране становиться на путь экономической независимости, развивать индустрию. Таков закон империалистической конкуренции. Разве не так?

— Наверно, пример вашей России не во всех отношениях схож с примером Индонезии.

— Разумеется, не во всех. Давайте говорить об Индонезии. Десятки иностранных фирм уже получили согласие индонезийских властей на деятельность в этой стране. Десятки других фирм сделали заявки на концессии и ждут согласия.

— Они получают его.

— Это означает сотни миллионов инвестируемого капитала. Капитал этот будет вкладываться преимущественно в добычу полезных ископаемых, лесоработки и рыболовство, иначе говоря, в эксплуатацию природных богатств. Некоторая доля падает на сферу обслуживания, банки, транспорт. Сфера промышленности охватывает лишь менее шестой части предполагаемых инвестиций. Согласитесь, это доля весьма скромная.

— Мы не уклоняемся от оказания помощи Индонезии в ее индустриализации. Вот примеры. «Филлипс» совместно с «Рэлином» расширяют фабрику электролампочек. Японцы строят бумажную фабрику в Бань

ванги и готовы построить предприятие по выработке удобрений в Черибоне...

— Таких примеров вы приведете немного. Будет ли среди этих фабрик и заводов хоть один индустриальный гигант? В среднем на строительство одного из этих многочисленных предприятий предполагается израсходовать один-два миллиона американских долларов или того меньше. Речь пойдет о малых, даже карликовых предприятиях, выпускающих товары широкого потребления и продовольственные товары, с десятками, а не сотнями рабочих.

— Согласен, мы отдаем предпочтение тем отраслям, которые приносят наибольшие и к тому же гарантированные прибыли, скорейшую полезную отдачу.

— Вы действуете согласно нехитрому принципу: поменьше затратить, побольше положить в карман.

— В конечном итоге так поступает любой разумный бизнесмен, если он не хочет вылететь в трубу или прослыть чудаком-филантропом. Но вы предвзято судите о нашем сотрудничестве с индонезийцами. Да, нас интересуют природные богатства этой страны. Но разве это плохо, если на наших нефтяных промыслах, оловянных коях, лесоразработках найдет себе заработок какая-то часть индонезийского населения, если какая-то часть наших прибылей попадет и в индонезийский банк?

— Вот именно, какая-то. Вероятно, ничтожно малая.

— Лучше, чем ничего. А к сфере индустрии нам приходится относиться с известной опаской. Есть на то причины.

— Какие, если не секрет?

— Никакого секрета здесь нет. Вы и сами это знаете. Слишком памятливы нам, людям делового мира, имеющим интересы в Индонезии, сукарновские эксперименты.

— Вы имеете в виду политику национализации?

— В основном да. Внезапно рухнуло все, что мы, голландцы, возводили здесь многими десятилетиями. Позиции голландского капитала были практически сведены на нет. Нашу судьбу разделили англичане, бельгийцы. «Старый порядок» замахнулся и на американцев.

— Это прошлое. «Новый порядок» отверг сукарнов-

ский лозунг «Стоять на собственных ногах» и проведение частичную денационализацию. Фирмам, подобным вашей, открыт широкий доступ в Индонезию. И вам не грозит экспроприация.

— В ближайшее время, по-видимому, нет. Но что из того? Индонезия — страна неожиданных сюрпризов и загадок. Она подобно вулкану Мерапи. Сегодня вершина дремлет, окутанная облаками. А что произойдет с ней завтра — никто не знает. На протяжении трех веков мы, голландцы, владели Индонезией и не могли предугадать даже приблизительно всех будущих лиха и загов индонезийской истории.

— Верите, значит, в неприятное для вас завтра?

— Мы не прорицатели. Но почему не подготовиться к худшему? Местный националист никогда не будет в восторге от того, что каучуковые насаждения на Суматре принадлежат не ему, а какому-то американскому «Гудьиру», что нефть выкачивает не он, а «Станвак» и «Калтекс». Национализм никогда не откажется от намерения влиять на политический курс страны. Национализму при определенных условиях подвержены и военные. Человек в военном мундире — это еще ни о чем не говорит. Разве в мире нет примеров, что генералы и полковники, придя к власти, ссорились с иностранными компаниями и указывали им на дверь?

— Понятно, Морис. Ваши фирмы, наученные горьким опытом, не хотят рисковать, опасаясь, что широко раскрытые сейчас для иностранного капитала двери страны захлопнутся перед вашим носом.

— Вы не можете обойтись без резких формулировок...

— Дело не в формулировках, а в сущности, которую вы и не окрываете.

— Да, опасаясь досадных неожиданностей, мы не хотим слишком глубоко пускать корни в этой стране. Если придется покинуть ее, пусть после нас останутся пустые карьеры оловянных рудников, или лесосек для морские воды, которые перед тем бороздились нашими рыболовными траулерами.

Разговор с голландцем дает наглядное представление о политике иностранных монополий.

К чему она сводится, эта политика?

К нехитрой формуле: поменьше затратить, побольше урвать. Направить основные средства и усилия

на выкачивание природных богатств, т. е. добычу нефти, олова, никеля, бокситов, заготовку ценных пород древесины, лов рыбы. Никаких серьезных затрат на развитие производительных сил в этой стране. Ведь вышеуказанные отрасли экономики требуют сравнительно небольших капиталовложений. Затраты скоро окупятся, и баснословные прибыли потекут в банковские сейфы Нью-Йорка, Токио, Лондона, Амстердама, Гамбурга. Вкладывая капитал в развитие индустрии лишь в самых крайних случаях, когда производство во всех отношениях выгоднее наладить на месте. Как правило, это производство некоторых видов товаров широкого потребления, пищевых продуктов, связанное с переработкой местного сырья.

— Участие иностранного капитала в индустриализации — это скорее пропагандистское и тактическое средство наших партнеров, — говорил мне один компетентный чиновник министерства промышленности. — Но ни о какой серьезной индустриализации нет и речи.

Монополисты отдают себе отчет, что рано или поздно хозяином в экономике таких стран, как Индонезия, будут не они, а народы этих стран. Когда-нибудь наступят досадные, по выражению голландца Мориса, неожиданности. И если в таком случае придется убираться восвояси, пусть останутся пустые карьеры и пни, а не дорогостоящие агрегаты, не доменные печи или фабричные корпуса с современными прокатными станами и машинами.

На сегодняшний день сумма всех инвестиций, предусмотренных подписанными двусторонними соглашениями и контрактами, составляет внушительную цифру — сотни тысяч американских долларов. Но из них в промышленность будет вложена лишь незначительная доля — менее одной шестой части. Но пока монополисты не спешат с вкладами денег, приглядываются, присматриваются, приторговываются, как бы не прогадать, не продешевить. Каков смысл вкладывать сотни миллионов, если не получишь миллиарды?

Итак, привлечение иностранного капитала, означющее, по сути дела, грабеж природных богатств Индонезии, не создает предпосылок для изменения ее экономической структуры как аграрно-сырьевой страны, решения ее сложных социально-экономических задач.

В этом империалистические монополии ни в какой мере не заинтересованы.

— Индонезия опутана щупальцами хищного спрута,— с горечью говорил мне тот же чиновник промышленного министерства.— Этот спрут — иностранный капитал. Мы продаем наши богатства оптом и в розницу. В продажу идут нефтеносные участки не только на суше, но и на морском дне. Не за горами тот день, когда лучшие леса Калимантана и Суматры будут вырублены. Уже сейчас японские и южнокорейские рыболовы опустошают наши прибрежные воды, ничего не оставляя жителям побережья, для которых рыбная ловля испокон века была средством существования. Оправдываются ли наши надежды на привлечение иностранного капитала?

Этот вопрос задают, не находя на него обнадеживающего ответа, многие индонезийцы, включая и ведущих государственных деятелей, парламентариев, лидеров политических партий. Даже люди консервативных убеждений, не считающие себя идеологическими противниками империализма, разочарованы в практических результатах экономического сотрудничества с США, Японией, западноевропейскими странами. Это разочарование можно уловить и в выступлениях ведущих индонезийских газет.

Вот один из примеров — высказывание газеты «Индонезия Райя», близкой к правым социалистам: «Нам следует направить усилия на то, чтобы, получая иностранную помощь на нужды национального строительства, не зависеть всецело от стран Запада, как в настоящее время». Газета призывает к мобилизации национального капитала и сближению с социалистическими странами.

Мы специально привели высказывание органа печати далеко не прогрессивного и даже не умеренного. В прошлом газета, возглавляемая известным правым писателем Мохтаром Лубисом, заслужила прочную репутацию одной из самых антидемократических благодаря постоянным желчным нападкам на коммунизм и СССР по поводу и без повода, благодаря откровенно прозападной пропаганде. Чем объяснить этот новый тон? Более гибким курсом или трезвыми выводами из уроков, признанием того факта, что дары западных благодетелей горьки?

Далеко от глаз, но близко к сердцу

Эту небольшую книжку очерков я хотел бы закончить рассказом на тему «Индонезия — Советский Союз». Основная суть такого рассказа может быть передана одной фразой: после событий 30 сентября и разгрома левых организаций советско-индонезийские отношения переживают сложный период.

Как всякий иностранный корреспондент, я начинал свою деятельность с официальных визитов в министерство информации, отдел печати МИД, пресс-службу парламента, информационную службу вооруженных сил. И везде после неизбежных разговоров о моем перелете из Джакарты в Москву и первых индонезийских впечатлениях приходилось выслушивать одно и то же:

— Мы не скрываем, что «новый порядок» взял иной политический курс. Но основные принципы нашей внешней политики, которую мы называем активной и независимой, остались прежними. Мы не намерены ухудшать отношений с Советским Союзом. Пусть вас не смущает наш антикоммунизм. Это наше внутреннее дело. Мы не распространяем его на сферу внешней политики.

С такими же высказываниями не раз выступали и ведущие государственные деятели Индонезии. Я убедился, знакомясь с политической жизнью страны, что в вышеуказанных словах определенная доля искренности была. Без нормальных отношений с Советским Союзом подобное Индонезии государство не в состоянии проводить элементарно независимую политику, отстаивать национальные интересы. Нравится или не нравится его руководителям советская система, справедливая реакция советской общественности на бессмысленный и жестокий террор, обрушившийся на индонезийских коммунистов, «новый порядок» понимает необходимость нормальных отношений с социалистическими странами. Хотя бы для того, чтобы попытаться сохранить свое лицо в нелегких дискуссиях с западными партнерами, перед натиском могущественных монополий.

Впоследствии я убедился, что, каковы бы ни были побуждения отцов «нового порядка», быть воинствующо-

щим антикоммунистом и не распространять политическую предубежденность на взаимоотношения со странами, для которых марксизм-ленинизм стал их официальной идеологией, преследовать и истреблять коммунистов, налагать суровые запреты на марксистско-ленинское учение и в то же время рассчитывать на добрые отношения с социалистическими странами — задача не из легких.

Вот лишь три небольших примера.

— Мы ничего не имеем против ваших фильмов, но лучше бы воздержаться от проведения советского кинофестиваля, — говорили нам представители военных властей и цензуры. — Вы же знаете о законах, запрещающих распространение на территории Индонезии коммунистической идеологии.

— В фильмах, которые мы предлагаем, нет и намека на пропаганду коммунистических идей, — возражали мы. — Речь идет о «Гамлете», «Анне Карениной», фильме-балете. Они демонстрировались во многих странах мира и признаны выдающимися произведениями мирового киноискусства.

— Мы ведь не против. Но определенные круги посмотрят ваши фильмы по-своему. Нет ли в этом самом «Гамлете» скрытого, иносказательного подтекста, опасного для устоев «нового порядка»?..

— Помилуйте! «Гамлет» — это экранизация трагедии великого английского драматурга Шекспира. Он и герои его произведения жили много веков назад и, следовательно, никак не могли замышлять что-либо против вашего «нового порядка».

— Да мы-то понимаем. Но определенные круги не вполне понимают. Опасаются нежелательного прецедента.

«Определенные круги» принялись истерично вопить на страницах двух-трех бульварных газетенок. Как беды обрушатся на бедную Индонезию, если на одном из экранов появятся датский принц и спящая красавица! Фестиваль так и не состоялся.

Беседую с офицером армейской информационной службы. Речь заходит о систематических упражнениях все тех же двух-трех газетенок в антисоветской лжи и клевете, злостных нападках на работников советских учреждений.

— Стоит ли обращать внимание на отдельные без-

ответственные выступления,— говорит офицер.— Это только личное мнение авторов. У нас свобода печати все-таки. Каждый может писать все, что ему заблагорассудится.

— Позвольте... Разве в вашей стране не действует строгая цензура и разве вся пресса не находится под ее контролем?

— Конечно, цензура вмешивается в тех случаях, когда та или иная публикация может нанести ущерб «новому порядку».

— Значит, вмешивается. Почему же в таком случае она не помешает некоей газете оскорблять дипломатов страны, с которой вы поддерживаете нормальные дипломатические отношения, и наносить вред делу советско-индонезийских отношений?

— Это можно бы сделать. Но нас не поймут определенные круги.

Беседую с членом правления известной в стране экспортно-импортной фирмы. В недавнем прошлом фирма имела тесные деловые связи с нашим торгпредством, импортировала из Советского Союза разнообразные промышленные товары. Теперь эти связи сошли почти на нет.

— Скажите, бапак, может быть, вас перестало устраивать качество советских товаров или они больше не пользуются спросом на индонезийском рынке? — спрашиваю я.

— Нет, что вы? — слышу в ответ.— Мы знаем, что в последние годы ваша промышленность стала выпускать машины, приборы, аппараты еще более совершенные. Они могли бы найти спрос в Индонезии.

— Так в чем же дело?

— Видите ли... Мы вынуждены считаться...

— С определенными кругами, хотите вы сказать?

— С обстоятельствами и нашими западными партнерами, уж если быть откровенным. Предоставляя нам кредиты, инвестируя в Индонезии свой капитал, они настаивают, чтобы мы отдавали предпочтение их товарам, болезненно реагируют на каждый контракт, заключенный не с ними, а с коммунистической страной. Пользуясь нашей заинтересованностью в иностранном капитале, партнеры нередко злоупотребляют этим и давят на нас. Отчасти по этой причине и сократился объем торговли между Индонезией и вашей страной.

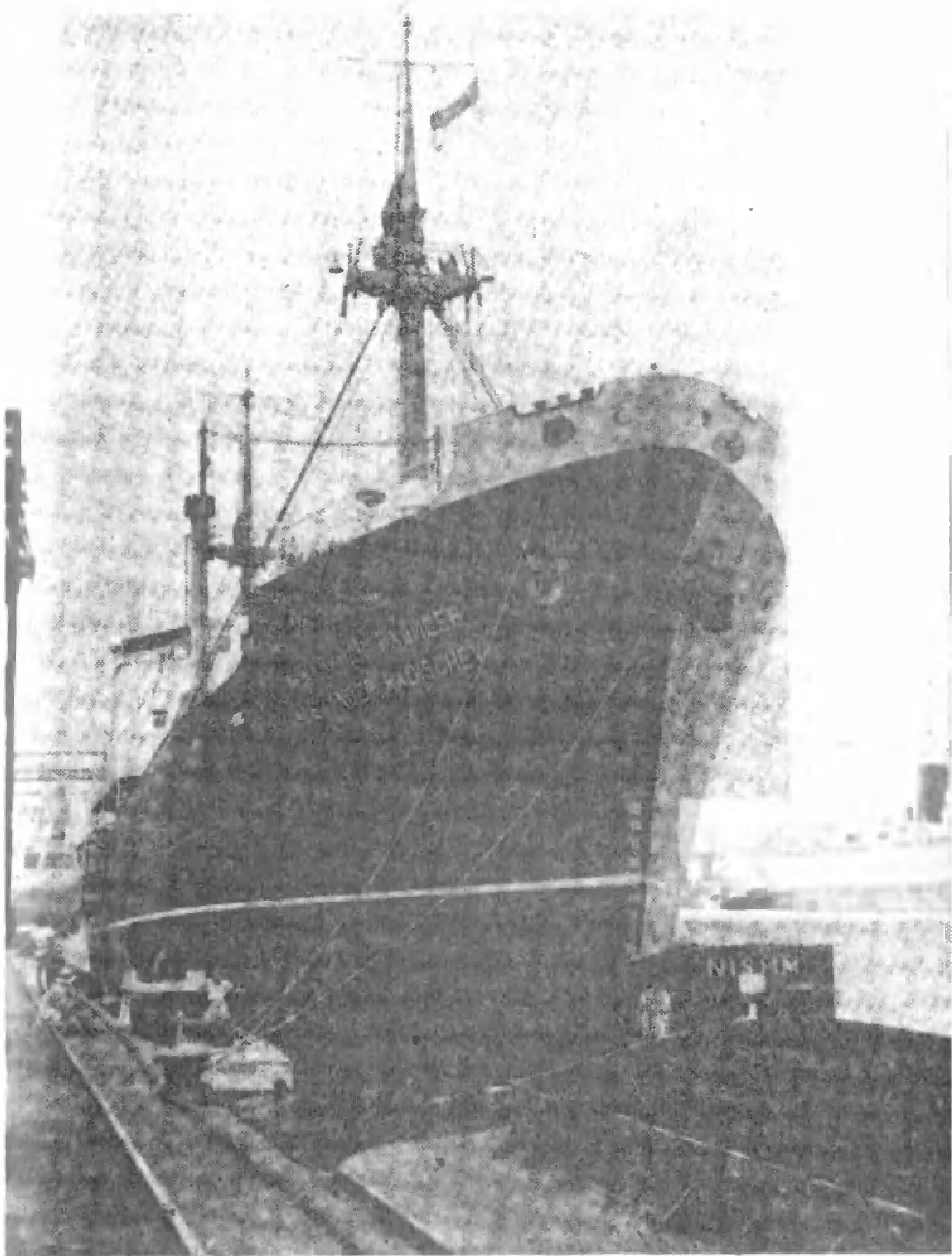
Член правления экспортно-импортной фирмы не сделал никакого сногшибательного открытия. Оно известно, что, укрепляя позиции в Индонезии, иностраный монополистический капитал пытается все настойчивее диктовать этой стране свои условия, влияя на ее внешнюю политику, ее взаимоотношения с Советским Союзом. Заинтересованные в кредитах и инвестициях США, Японии, западноевропейских стран, государственные руководители современной Индонезии нередко вынуждены принимать в той или иной форме условия монополистов. Так что причин для сложностей в советско-индонезийских отношениях можно отыскать более чем достаточно.

Но не о них, этих сложностях, я хотел бы рассказать читателю. Речь пойдет о волнующих встречах с простыми индонезийцами, моими старыми друзьями и вовсе не знакомыми мне людьми. Все они, очень разные и по складу своего характера, и по общественному положению, и по убеждениям, сохранили в сердце чувство глубокого уважения и признательности к Советскому государству и его народу.

В самолете индонезийской авиакомпания «Гаруда», летевшем из Джакарты в Медан, моим соседом оказался немолодой уже индонезиец, моряк торгового флота. Разговорились.

— Дружба между нашими народами была скреплена кровью,— сказал он.— И это не красивые слова, а факт. Такое нельзя выбросить из сердца. Расскажу историю, может быть знакомую вам.

И моряк рассказал, как служил на торговом корабле вместе с русскими. Дело происходило в конце 50-х годов. Индонезийское правительство повело наступление на позиции голландских монополий, прежних колониальных хозяев в стране, и попыталось взять под контроль пароходную компанию КПМ. Однако голландская администрация саботировала распоряжения властей и сумела вывести за пределы индонезийских территориальных вод значительную часть принадлежащих компании судов. А тем временем в Центральной Суматре и Северном Сулавеси выступили против законного республиканского правительства мятежники-сепаратисты, получив щедрую поддержку со стороны западных государств. Разве не были поддержкой мятежникам и действия голландцев из паро-

Советский Союз пришел в трудный час на помощь индонезийскому народу, поставив республике партию торговых судов. На снимке одно из них — «Александр Радищев», поднявший индонезийский флаг

ходной компании КГМ? Разве они не преследовали цель парализовать морские коммуникации между островами, затруднить переброску правительственных войск с Явы в районы, охваченные мятежом? Ведь до этого времени почти весь гражданский морской транспорт Индонезии находился в руках голландцев.

Но нашелся надежный друг — Советское государство, — который пришел в трудный час на помощь индонезийскому народу. Правительство Индонезийской республики смогло приобрести на выгодных условиях партию советских грузовых теплоходов, сухогрузных и танкеров. Но оказалось, что Индонезия не располагает опытными специалистами, которые могли бы взять на себя управление судами. Советский Союз и здесь пришел на помощь. Большая группа советских моряков: капитанов, помощников капитанов, штурманов, механиков, радистов — осталась на некоторое время служить на индонезийском торговом флоте, чтобы передать свой опыт индонезийским товарищам. На капитанских мостиках, в штурманских рубках можно было видеть рядом со смуглолицыми индонезийцами рослых парней из Находки и Одессы.

Не сразу правительство Индонезии смогло покончить с мятежами. Соединенные Штаты и их союзники посылали сепаратистам современное оружие и военных специалистов. У мятежников не было ни одного самолета индонезийских военно-воздушных сил, в их рядах не нашлось ни одного летчика-индонезийца. Но в распоряжении мятежных главарей оказались и иностранные самолеты, и пилоты... с белым цветом кожи. Они обстреливали населенные пункты, дезорганизуя мирную жизнь Индонезии.

Судно, сменившее недавно красный советский флаг на красно-белый, индонезийский, шло с грузом риса на Сурабаи в Макасар. Когда на горизонте показались берега острова Сулавеси, вахтенный матрос увидел в небе самолет без опознавательных знаков. Самолет стремительно приближался к судну, готовясь к атаке. Все происходило, как на заправдашной войне. Выстрелы, мечущиеся по палубе люди...

На мостике рядом находились капитан-индонезиец и советский капитан-инструктор. Оба в равной мере рисковали жизнью. Советский радист получил ранение.

— Я был одним из членов экипажа этого корабля,— сказал мой попутчик, заканчивая рассказ.— Такое не забывается. После этого случая мы и наши русские товарищи стали как братья. Я часто вспоминаю их. Как говорят у нас в Индонезии, далеко от глаз, но близко к сердцу.

В конце 1968 года я побывал на юге Калимантана, совершив поездку на газике в глубь острова по маршруту Банджармасин — Танджунг. Дорога, по которой мы ехали вместе с нашим консульским работником, составляла часть трассы, построенной советскими дорожными строителями.

Наши строители оставили по себе добрую память. И в этом было легко убедиться. Мы останавливались раза два-три в городах и лесных кампунгах, чтобы немного подкрепиться и выпить чего-нибудь прохладительного. И везде хозяин маленькой харчевни или посетители заводили с нами разговор о советских людях, которые в пору строительства в недавние годы были здесь завсегдатаями. Кто-то сохранил памятный значок с силуэтом кремлевской башни, кто-то — авто-ручку, подаренные советскими строителями индонезийским друзьям на память о совместной работе.

В одной скромной хижине-харчевне в маленьком поселке, стиснутом джунглями, мы увидели на стене портреты космонавтов Валентины Терешковой и Валерия Быковского, побывавших в Индонезии.

— Подарки русских очень дороги мне,— не без гордости сказал хозяин-китаец.— Они строили здесь дорогу и нередко заходили ко мне. Они рассказывали много интересного про свою страну. Послушать этих русских собирался весь кампунг.

Нам встретился даже обладатель фотоаппарата «Зоркий». Один из русских друзей, уезжая с Калимантана, сделал ему подарок.

Все эти люди стремились завязать с нами беседу, расспрашивали о Советском Союзе, просили прислать какой-нибудь советский журнал, расспрашивали нас о дальнейшей судьбе друзей, строивших дорогу в джунглях Калимантана. Это случалось везде, где в прежние годы работали наши строители, изыскатели, проектировщики, геологи, подружившиеся с индонезийскими товарищами по работе.

В Сурабае я встречался с видным художником

Карьоно, работавшим прежде в провинциальном управлении культуры. Среди его работ наибольшей известностью пользуется портрет композитора Рудольфа Супратмана, создателя национального гимна «Индонезия Райя».

В скромном домике Карьоно тесно от многочисленных эскизов, балийских статуэток, масок-топенгон, книг. На этажерке я увидел кипу альбомов, издаваемых в СССР: Третьяковская галерея, Русский музей, Репин, Врубель, Васнецов, Серов, Шадр...

— Все это я купил здесь, в Сурабае, у книготорговца Нараина. Он торгует советской литературой, — пояснил Карьоно. — Можно ли иметь представление о мировом искусстве, не зная всего этого? И можно ли считать себя профессионально грамотным художником, не познакомившись с вашими классиками?

Я храню подарок моего друга Карьоно — небольшой портрет дочери художника. Это тоненькая угловатая девушка лет восемнадцати с каким-то слишком озабоченно-строгим лицом, начинающая художница. Отец дает ей уроки живописи и внушает дочери интерес к наследству мирового изобразительного искусства, знакомит ее с творчеством старых русских и советских мастеров.

С видными деятелями индонезийской культуры, писателями, скульпторами, артистами, было немало интересных встреч. Они проявляли живой интерес к культурной жизни нашей страны, к творчеству советских мастеров, к нашей искусствоведческой литературе. Многие из моих друзей были знакомы с произведениями русской классической и советской литературы, изобразительного искусства. Об одной из таких ярких встреч хочется здесь рассказать.

Броские афиши и объявления в газете возвещали о том, что в зале отеля «Индонезия» будет разыграна комическая пьеса Николая Гоголя «Женитьба» в вольном переводе Джайякусума. Гоголь, русский классик, в Джакарте! Это интересно. Бросив все дела, я поспешил за билетами.

Просторный зал отеля, охлажденный кондиционерами, переполнен публикой. Джакартские зрители не очень-то избалованы духовной пищей более добротной, нежели голливудские и гонконгские боевики. До сих пор в Индонезии нет постоянного и в полном смысле

ного слова профессионального театра современной драмы. Периодически возникают небольшие полулюбительские, полупрофессиональные труппы, объединяющие безработных киноактеров, студенческую молодежь. Поставив одну или несколько пьес и столкнувшись с непреодолимыми материальными трудностями, такие труппы обычно рассыпаются. Поэтому не удивительно, какой огромный интерес вызвал этот спектакль.

Среди зрителей было много интеллигенции, студенчества. Моим соседом оказался молодой индонезиец, разговаривавший со мной на хорошем русском языке. Оказывается, он учился в Москве в автодорожном институте и в студенческие годы был заядлым театралом. Может ли он пропустить постановку русского классика?

— Вы увидите сейчас Гоголя по-индонезийски, — сказал он.

Действительно, то, что мы увидели, было очень своеобразной интерпретацией русского автора. Это был, так сказать, индонезированный Гоголь. Под звуки индонезийской мелодии раздвинулся занавес. На сцене лаконичные броские детали декорации, воспроизводящие индонезийский дом. Чтобы у зрителя не оставалось сомнения в том, где происходит действие, висела табличка с надписью «Дом Ахмада». На диване лежал сам хозяин с пышными бакенбардами, в малиновом халате.

Известно, что никакого Ахмада в гоголевской «Женитьбе» нет. Я посмотрел список действующих лиц в программе и прочитал индонезийские имена: Ахмад, Карта, г-жа Элия, Карим и пр. Это были местные эквиваленты знакомых гоголевских персонажей.

Какое впечатление оставил спектакль? Подходя с нашими привычными мерками, ответить на этот вопрос трудно. Специфика постановки была не только в том, что действие переносилось на индонезийскую почву, что Подколесин назывался Ахмадом, а его друг Кочкарев носил имя Карта. Специфична была и манера игры, основанная на своих традициях. В спектакле как бы сталкивались две струи — реалистически-бытовая и условно-эксцентрическая. Реалистичен был талантливый актер Исхак Искандар в роли главного героя, создавший образ безвольного, недалекого барина. Карта-

Кочкарев и трио незадачливых женихов создавали не психологический, а скорее внешний, подчас клоунацкий рисунок роли, следуя приемам традиционных классических зрелищ. Остроэксцентричный Карта двигался по сцене танцующей походкой и как бы терял свою объемность, превращаясь в плоскостной силуэт.

И все-таки это был Гоголь, хотя и своеобразно интерпретированный. Это была веселая, остро сатирическая комедия, вызывавшая бурный смех в зале.

После спектакля я встретился с режиссером труппы Тегух Карья.

— Индонезирование зарубежной классики — наша традиция, — объяснил он. — Мы поступаем таким образом для того, чтобы сделать спектакль понятным для зрителя. Но при этом мы стараемся сохранить идейный и художественный замысел автора.

Тегух Карья не впервые обращается к русской классике. Он исполнял роль Треплева в чеховской «Чайке». Он не только режиссер, но и один из ведущих актеров труппы, а в случае необходимости еще и гример. Труппа пока невелика. Актеры, не занятые в спектакле, превращаются в рабочих сцены, осветителей. Руководители мечтают сделать труппу ядром постоянного профессионального театра и ежемесячно осуществлять новую постановку.

— Вот если бы удалось поставить гоголевского «Ревизора», — делились со мной своими мечтами актеры. — Ведь пороки провинциальных чиновников, над которыми смеялся Гоголь, свойственны и нам. Но, к сожалению, в «Ревизоре» много действующих лиц, требуется много костюмов, реквизита. Пока что нашей маленькой труппе не осилить этот спектакль.

Режиссер заговорил со мной о системе Станиславского.

— Читая книги по истории театра, я понял, какой это великий мыслитель и реформатор театра, — сказал он. — Я и мои товарищи, решившие создать профессиональную труппу, хотели бы глубоко изучить его труды, освоить его творческую манеру.

Русская классика привлекает внимание индонезийских театральных деятелей. Пока что из русских драматургов наибольшей известностью в Индонезии пользуются Гоголь и Чехов. Несколько раньше другая труппа ставила чеховского «Медведя». Спектакль этот

и индонезийском переводе носил название «Настойчивый займодавец».

Большими событиями в культурной жизни индонезийской столицы становились выставки-распродажи советской книги. Они организовывались объединением «Международная книга» совместно с местными книго-торговыми фирмами. Перед стендами с книгами по медицине, техническим наукам, искусству, с художественной литературой всегда многолюдно. Особый интерес к советским изданиям проявляет студенческая молодежь.

— Я торгую вашими изданиями прежде всего потому, что это мне выгодно,— сказал книготорговец Чан.— Советские книги пользуются спросом. Студентам медикам и инженерам рекомендуют заниматься по учебникам, изданным в Москве. Они дешевы и, как говорят специалисты, хорошо написаны. Я получаю массу заказов из других городов.

Большой интерес молодежь проявляет к курсам русского языка, которые вот уже на протяжении многих лет действуют при советском Доме культуры в Джакарте. Обычно желающих заниматься на курсах бывает значительно больше, чем удается принять. Нередко можно встретить молодого индонезийца, студента, правительственного чиновника, работника издательства, который может прилично объясниться с вами по-русски.

Много интересных встреч и дискуссий со студенческой молодежью происходило в университетах и институтах Джакарты, Бандунга, Джокьякарты, Сурабаи, Медана. Нередко, по просьбе моих собеседников, приходилось читать импровизированные лекции о развитии высшего образования и науки в нашей стране, о советской молодежи, о деятельности студенческих общественных организаций и научных обществ, отвечать на десятки вопросов.

После одной из встреч со студентами ко мне подошел парень, как выяснилось, один из руководителей местного студенческого совета.

— Я не разделяю ваших убеждений и не согласен с вами по многим пунктам...— начал он ершисто.— Но все, что вы рассказали о ваших студентах, Московском университете, развитии советской науки,— это здорово. Мы, молодежь, задумываемся о будущем нашей ро-

дины, о решении всех тех проблем, которые загромождают Индонезию в тупик. Мы много читаем, спорим, пытаемся постичь опыт других наций. Нас интересует правдивое слово о Советском Союзе.

— Вы же отрекомендовались моим идейным противником.

— Это так... Но мы знаем, что ваш режим отличается прочностью и стабильностью, ваша экономика движется вперед, наука достигла высокого уровня. У вас первоклассные университеты, студенты получают стипендию и могут не задумываться о завтрашнем дне. Перед ними широкий выбор профессий. Это именно то, о чем может лишь мечтать сегодняшняя Индонезия. Мы стараемся постичь, как вы добились всего этого.

— На этот вопрос ответить нетрудно. Мы добились всего этого потому, что мы коммунисты, руководствующиеся марксистско-ленинским учением, тем самым, на которое в вашей стране наложен суровый запрет.

— Но ведь марксизм-ленинизм, может быть, и подходит вам, но не подходит к индонезийским условиям, к образу мышления, традициям нашего народа, — но очень уверенно возразил студент. — Об этом часто говорят наши руководители. Вы думаете, они неправы?

— А вот на этот вопрос я не отвечу. Это вы, индонезийцы, индонезийская молодежь, должны решить, что вам подходит и что не подходит. Никто другой за вас это не решит. И сама жизнь поможет вам разобраться во всем.

— Приезжайте к нам еще, — попросил студент, протягивая мне смуглую руку. — И обязательно вновь расскажите о жизни вашего народа, молодежи. Вы правы, никто за нас не решит наших проблем, хотя всегда находилось много всяких непрошенных советчиков. Жизнь поможет нам разобраться... И не только жизнь, но и опыт других.

Содержание

О заголовке книги (вместо предисловия)	3
Джакартские горизонты	4
Монументы и история	19
Трагедия бунга Карно	28
Парии	44
У крестьян Западной Явы	58
Судьба Харсоно	65
Земля обетованная — горькая земля	89
На алмазных копях Калимантана	103
Крестьяне Суматры борются за землю	114
Учитель Супрапто	127
Преуспевающий докторантус	134
Генерал, профессор	146
Студенты	158
С дипломом на родину	172
Трагедия художника	186
Заполняют идеологический вакуум	204
Святые отцы действуют	212
Бизнесмен Сануси	222
Лим, Си, Чэн и другие	234
В щупальцах спрута	250
Далеко от глаз, но близко к сердцу	263

Лев Дёмин
НАД МЕРАПИ ОБЛАКА
(Очерки об Индонезии)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Художник *В. Локшин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 20/X 1970 г. Подписано к печати 28/IV 1971 г. Л011571.
Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 8,625. Усл.-печ. л. 14,49. Уч
изд. л. 14,84. Тираж 15000 экз. Изд. № 2678. Зак. 2450. Цена 79 коп

Главная редакция восточной литературы
Издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Отпечатано во 2-ой типографии издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

